

15
H321

81'23:159,91

432

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

И. В. Настин

~~ПСИХОЛИНГВИСТИКА~~

*Рекомендовано Редакционно-издательским советом
Российской академии образования к использованию
в качестве учебно-методического пособия*

2032247

Москва
2007

159.9

УДК 81 ' 23
ББК 88.4
Н32

Главный редактор
Д. И. Фельдштейн
Заместитель главного редактора
С. К. Бондырева

Члены редакционной коллегии:

А. Г. Асмолов

В. А. Болотов

В. П. Борисенков

А. А. Деркач

А. И. Донцов

И. В. Дубровина

М. И. Кондаков

В. Г. Костомаров

Н. Н. Малофеев

Н. Д. Никандров

В. А. Поляков

В. В. Рубцов

Э. В. Сайко

Настин И. В.

Н32 Психолингвистика. – М. : Московский психолого-социальный институт, 2007. – 180 с.

ISBN 978–5–9770–0042–1

УДК 81 ' 23
ББК 88.4

ISBN 978–5–9770–0042–1

© Московский психолого-социальный институт, 2007

© Дизайн и верстка ООО «Багира-2», 2007

Глава 1

Понятие психолингвистики, ее особенности и место среди других дисциплин

Многозначность понимания психолингвистики.

Что такое психология и лингвистика.

*Понятие психолингвистики в данном курсе. Направления
деятельности психолингвистики.*

Разговор о любом предмете должен начинаться с определения границ его действия. Само название курса «Психолингвистика» говорит нам о том, что он связывает две большие области знания – психологию и лингвистику. По сути, единое понимание того, что такое психолингвистика, отсутствует: содержание данного термина определяется мировоззренческой установкой исследователя, полученной базой знания (лингвистической или психологической) и его собственным пониманием того, что он хочет исследовать и на какие концепции он при этом опирается.

Итак, предмет психолингвистики лежит на оси, один конец которой упирается в психологию, другой – в лингвистику. *Психологию мы можем определить как сферу знания о законах, правилах, способах отражения экзистенциальной среды организма в идеальном модусе его саморепрезентации, который, через переживание ощущений, образов, а у человека – и идей, реализуется посредством поведенческих актов, а у человека – и дискурсивно-деятельностно.* Иначе говоря, психология изучает, что отражается, как это отражается и как отраженное актуализуется в жизнедеятельности организма и/или субъекта.

На другом конце оси лежит *лингвистика* – сфера знания о языке, его строении, функционировании и развитии, которая понимается так же многозначно, как и психология (например, психоанализ, бихевиоризм и деятельностный подход, несмотря на их коренное различие, входят в сферу психологии).

Сфера деятельности лингвистики (как и психологии) огромна. Она изучает все, что так или иначе относится к бытию языка: сам язык как общечеловеческий феномен, развитие и функционирование конкретных языков, нормативность языка, взаимодействие языка с другими культурными феноменами, звуковой строй языка, происхождение слов, их значение, структуру слов и предложений... По одному из делений лингвистика распадается на внутреннюю и внешнюю. К последней относятся такие дисциплины, как социолингвистика, нейролингвистика, лингвокультурология и, конечно, психолингвистика.

Опять-таки, между вышеназванными «внешними» лингвистическими дисциплинами нет четкой, однозначной границы, поскольку, с одной стороны, все они базируются на знании о функционировании языка, с другой – потому, что все названные дисциплины изучают закономерности **отражения** языка в социуме, культуре, нервной системе и собственно психике (как механизме и системе отражения). Исходя из этого можно сформулировать **понимание психолингвистики как сферы знания** (здесь намеренно не употребляется слово «наука», поскольку, прежде чем это делать, надо договориться о критериях научности, с которыми дело обстоит не так просто, как это кажется на первый взгляд), **которая изучает процессы взаимодействия и структурные связи между психикой и языком как семиотической системой.**

По-другому говоря, **психолингвистика изучает, как и насколько адекватно психическое содержание,**

проявляемое через ощущения, идеи, образы, эмоции, переживания, мимику, моторику, репрезентируется языком (как второй сигнальной системой, имеющей собственные законы функционирования) в процессе внутренней и внешней коммуникации, поскольку важнейшим отличием людей от животных выступает то, что наше бытие происходит в социальной дискурсивно-деятельностной знаковой среде. Это означает в том числе и то, что психолингвистика пытается понять и объяснить то, как происходит выражение психических содержаний средствами языка:

- а) при оценке субъектом себя самого;*
- б) когда субъект хочет передать сообщение другому;*
- в) когда ему передают какое-то сообщение.*

Таким образом, нельзя начинать разговор о психолингвистике, не говоря о языке. Вообще же, для субъекта здесь имеется странная, парадоксальная ситуация, которая была известна еще как минимум во времена Будды и Лао-цзы (более 2500 лет назад). Парадоксальность заключается в следующем: чтобы что-то познать, надо выделить данный феномен из себя, то есть выстроить объект-субъектные отношения. Тогда процесс познания сводится к двум базовым процессам:

- 1) процессу сравнения (поиск общего и различного исследуемого объекта по сравнению с самим субъектом и другими объектами) и*
- 2) процессу описания (фиксации полученной информации). А описывать мы можем только средствами языка.*

Таким образом, постигая законы функционирования языка, мы описываем его в соответствии с его же собственными законами – то есть мы не можем выйти за его границы, полностью объективировать его, поскольку метрика нашего сознания как осознания внешнего по отно-

шению к субъекту мира и как самосознания имеет дискурсивную природу (то есть мы можем осознать лишь то, что можем описать).

И все же мы лишь коснемся лингвистической составляющей нашего курса, обозначив некоторые наиболее важные понятия, принадлежащие лингвистическому слою, и сосредоточимся больше на психологической составляющей. Иными словами, предлагаемый курс сосредоточен на освещении проблематики адекватного «увязывания» того, что субъект переживает, со средствами, которыми он располагает для этого. В фильме «Доживем до понедельника» есть фраза, ставшая крылатой: «Счастье – это когда тебя понимают». Такое известное направление, как НЛП, было как раз разработано изначально для выяснения семантических сбоев в коммуникативной цепи. Можно также привести в пример известные слова Маяковского:

Мы говорим «Ленин» – подразумеваем «партия»,

Мы говорим «партия» – подразумеваем «Ленин».

Очень часто люди говорят одно, подразумевая при этом совсем другое. Иногда мы чувствуем это (то есть понимаем стоящее за словами реальное сообщение), иногда нет (принимая услышанное за чистую монету). Недаром существует высказывание: «Люди придумали слова, чтобы прятать в них свои мысли», или, поэтичнее, у Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь». Хотя адекватное понимание скрытого сообщения вполне возможно, когда субъекты имеют общий опыт переживания одинаковой ситуации (мать и ребенок, супруги, субъекты совместной деятельности), когда отношения из ролевых переходят в партнерские, дружеские, интимно-доверительные.

Итак, психолингвистика занимается проблемой *адекватного опосредования психических содержаний субъекта используемой им семиотической системой для осознания этих содержаний, их адекватной передачи*

другому субъекту и адекватному отражению получаемого вербального сообщения. То есть адресат должен понять именно то, что адресант в действительности и хочет выразить; для этого в коммуникативной цепи должно быть как можно меньше синтаксических и семантических нарушений. Саму коммуникативную цепь можно выразить следующим образом: психическое содержание адресанта – кодировка сообщения и его послание – принятие сообщения адресатом и его раскодировка – процесс понимания¹ – кодировка ответного сообщения и его посылка – прием этого сообщения адресантом – соотнесение сообщения со своим внутренним опытом. Мы видим, как много звеньев в этой коммуникативной цепочке, и на каждом переходе возможно нарушение (искажение процесса сообщения).

Следовательно, усилия психолингвистики направлены на то, чтобы субъект мог:

- 1) правильно выстроить собственное дискурсивное поле – самоописание и самооценку;
- 2) адекватно выразить языковыми средствами собственные психические содержания для их трансляции;
- 3) донести до другого сообщение в как можно менее искаженном виде;
- 4) понять и устранить вербальные коммуникативные барьеры.

В целом психолингвистическая максима может быть выражена следующим дзэнским афоризмом: «Учение всей жизни – к месту сказанное слово».

¹ Понимание сообщения – это процесс инициирования средствами второй сигнальной, пара- и экстралингвистической (жесты, интонация, позы) систем адресанта первой сигнальной системы адресата, активизация которой переживается в виде различных ощущений – ментальных (идей), психических (образов), психосоматических (эмоций), семиотических (отношений), кинестетических (движений).

Кроме того, речь как фундаментальный репрезентатор нашего сознания неразрывно связана с другим фундаментальным репрезентатором – мышлением в его абстрактно-логической форме. А мышление как процесс комбинации и рекомбинации психических содержаний и структур само, в свою очередь, базируется на определенных процессуальных паттернах, которые для сознания выступают в исходной форме мифа (и его сжатых вариантах – в частности, в форме сказок, былин, притч, метафорических афоризмов). Поэтому мы сочли необходимым коснуться в данной работе проблематики мифа (или вторичной семиотической системы), который понимается как аутентичная структура, образованная перцептивными, языковыми, ментальными процессами и, в свою очередь, репрезентирующая их.

Непременными атрибутами бытия мифа выступают ядро, или мифологема (тема), и алгоритм его разворачивания (мифологика), которые, по нашему убеждению, существуют независимо от сознания. В научной традиции мифологема выступает в виде парадигмы, а развернутый миф – в форме научной теории, концепции, гипотезы. По существу, мифологическое и научное мышление используют одни и те же перцептивно-ментальные паттерны и способы их вербальной актуализации, различаясь только семантической (содержательной) составляющей. Синтаксическая же составляющая текстовых феноменов обоих видов мышления универсальна – что позволяет выделить единые закономерности, характерные для семиотической системы в целом. Нарботанное знание на эту тему (Ф. Соссюр, Н. Хомский, Ю. Лотман, Р. Бэндлер и Дж. Гриндер, В. Пропп и др.) составляет существенную сторону психолингвистических исследований.

Глава 2

Некоторые базовые лингвистические понятия и концепции

Подход Пирса и Соссюра к пониманию природы знака.

Язык как детерминанта личности и культуры:

Хайдеггер, Гадамер, гипотеза Сетира-Уорфа. Семиотика.

Семиосфера. Текст-ткань. Язык. Речь. Дискурс.

*Проблематика психолингвистики. Контекст. Денотат
и коннотат. Знак, значение, смысл, знание. Метакса.*

Метафора и метонимия. Функции языка.

Функции языка по Якобсону. Выводы по главе.

Поскольку мы рассматриваем язык как семиотическую систему, а одним из главных понятий семиотики является понятие знака, то очень кратко коснемся этого понятия. Знак – это объект, явление, событие, замещающее или указывающее на другой объект, другое явление, событие. Существуют два противоположных подхода к пониманию феномена знака.

Первое принадлежит американскому математику, философу, логике XIX века Ч. Пирсу. Он рассматривал знак в рамках «атомарной», или «элементарной», парадигмы, согласно которой любое сложное явление может быть разложено на отдельные базовые элементы, взаимодействующие между собой по определенным правилам композиции. Применительно к сложной знаковой системе – языку – его исходными знаками выступают слова, которые соединяются между собой по определенным правилам (синтаксису). При таком подходе отдельный знак:

а) обладает онтологической природой;

- б) первичен по отношению к своей знаковой системе, развитие которой происходит в строгих рамках, задаваемых как свойствами самих знаков, так и правилами их композиции.

Противоположный подход принадлежит французскому лингвисту, современнику Пирса Ф. Соссюру, который в своем труде «Основы языкознания» сформулировал следующие идеи:

- 1) язык не равен речи: язык есть знаковая система, составляющая структуру, каркас живой речи;
- 2) отдельный элемент этой системы – языковый знак – есть соединение означаемого (смысла) и означающего (акустического образа, возникающего в сознании, когда последнее слышит определенную звуковую последовательность);
- 3) языковый знак имеет произвольную природу – в том смысле, что связь между означаемым и означающим случайна, то есть не мотивирована свойствами означающего;
- 4) отсюда следует, что можно рассматривать в качестве существенных отношения между самими знаками независимо от их содержания;
- 5) главное отличие взгляда Соссюра на знак заключается в том, что *знака самого по себе как отдельной независимой единицы не существует!* Мы можем говорить о его существовании только среди других знаков, посредством которых он себя и выражает.

Каждый из нас понимает значение феномена языка, без которого человек таковым не является. Когда мы говорим о том, что человек как субъект появляется в результате его социализации, то есть в результате его вхождения в общественный дискурсивно-деятельностный процесс,

то мы понимаем, что ведущую роль здесь играет именно дискурс, без которого ребенок не может полноценно войти в человеческую среду обитания и стать личностью. Иначе говоря, биологическая особь человеческого вида становится личностью тогда, когда в ее психике формируется семиотическая идеальная структура (структурированное поле идеальных знаков). Именно здесь видно отличие лингвистики от психолингвистики: первая изучает характер становления, развития и функционирования семиотического поля, взятого самого в себе, вторая же пытается *разобраться в том, как образуются связи между элементами семиотического поля и психическими содержаниями.*

Немецкий философ Хайдеггер сказал: «Язык – дом Бытия», имея в виду то, что человек как субъект может сознать окружающий мир и себя самого, не только переживая бытие здесь-и-сейчас (как это имеет место в дзен-буддизме и гештальттерапии), но обязательно *фиксируя* (знаками) свои переживания для последующей трансляции и ауто-трансляции. Слова Хайдеггера есть семантический парафраз знаменитого начала Евангелия от Иоанна, которое само выступает комментарием (авторским голосом) на самые первые слова Библии о сотворении мира. Если читать оба места внимательно, прислушиваясь к собственным ощущениям, то можно почувствовать стоящий за ними образ: слово-свет испарывает тьму-хаос, привнося тепло, жизнь и упорядоченность.

Другой немецкий философ, Гадамер, считал субъектом речи не говорящего индивида, а сам язык. В самом деле, говоря, мы не строим слова своим волевым актом в характерном для нашего языка порядке. Мы не подбираем осознанно слова. Они сами всплывают и проявляются через органы речи. Особенно это характерно для вербально-го творческого акта: любой ритмической речи, акта науч-

ного творчества, произвольного каламбура и пр. Можно сказать, что не я говорю (как Я-сознание), а через меня кто-то/что-то говорит. И то, что говорится, создает метрику моего сознания как дискурсивного феномена.

Таким образом, мы подошли к концепции лингвистической относительности — концепции *зависимости стиля мышления и базовых мировоззренческих парадигм носителя языка от специфики структуры и функционирования последнего*. Данная концепция больше известна как гипотеза Сепира-Уорфа, поскольку она из тезиса, который существовал с XVIII века, перешла в системное изложение в Америке при исследовании языков североамериканских индейцев в 30–50-е годы. В результате этих исследований Э. Сепир пришел к выводу, что *«реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы*». Б. Уорф придал этому выводу характер универсальной парадигмы, согласно которой *язык есть медиатор между индивидуальным мышлением и конвенциональной репрезентацией индивида, который задает: а) структуру и направленность нашего мышления (его паттернизацию); б) гештальты нашего мироощущения; в) нормативные структуры поведения*.

Данная концепция нуждается в уточнении, которое и было сделано в структурной лингвистике, а именно: *язык как детерминанта способа организации коллективного и индивидуального опыта* понимается не столько в когнитивном аспекте (ибо познание мира возможно на основе актов чистого восприятия и переживания отдельных моментов бытия), сколько в *коммуникативном* (при внутри- или межсубъектной трансляции воспринятого). Иначе говоря, для становления как отдельной личности, так и социокультурной среды в целом необходимо не столько непосредственно переживать и различать средовые сигналы, сколько научиться их *именовать* и соотно-

силь в соответствии с требованиями той семиотической среды, в которой происходит коммуникация.

Кратко коснемся тех понятий, которые органично входят в метрику психолингвистики. Это: семиотика и ее три области, семиосфера, текст (логоцентричный и ризоморфный), язык, речь, дискурс, контекст, денотат и коннотат, знак, значение, знание, смысл, метакса, метафора и метонимия.

Семиотика – область знания о знаках, включающая в себя три больших, относительно самостоятельных раздела:

- 1) **синтактика** – сфера отношений между самими знаками; изучает саму структуру общения и сообщения (акта, цели и результата общения). При этом сообщение как синтаксическая категория есть некая структура, образованная из определенных знаков, связанных между собой определенными отношениями по определенным правилам (в НЛП это называется семантической правильностью). Таким образом, синтактика изучает структуру сообщения и особенности процесса общения *вне их психических содержаний*;
- 2) **семантика** – сфера отношений между знаками и теми содержаниями, которые эти знаки репрезентируют. Она изучает то, как участники общения *интерпретируют* отправляемые и получаемые сообщения;
- 3) **прагматика** – изучает то, как выстраиваются отношения между знаковыми системами и участниками общения в процессе восприятия, оценки/интерпретации и использования информации, полученной от этих систем, или как *реагируют коммуникаторы на полученное сообщение*.

Понятие **семиосферы** было предложено российским исследователем Ю. Лотманом. По аналогии с понятием Биосферы, у Лотмана семиосфера есть универсальная, генеративная знаковая среда-макросистема, порождающая всевозможные варианты конкретных культур. Мы же будем использовать этот термин в более конкретном значении, обозначая им в достаточной степени закрытую (самодостаточную) лингво-социо-культурную среду, которая парадигмально² и семиотически отличается от других семиосфер. При этом:

- 1) внешний по отношению к данной семиосфере мир воспринимается ею как ее антиотражение;
- 2) любой феномен, существующий или оказавшийся на границе семиосферы (ибо граница ее не жесткая), постепенно движется к ее центру (примеры артистов или криминальных структур);
- 3) семиосфера есть целостный феномен, лишь в рамках которого некий знак наделяется реальным значением.

Применяя сосюрвовское понимание природы знака, можно сформулировать следующие уровни семиосферы (от общего к частному): *Дискурс/Текст* – *Миф* (вторичная семиотическая система) – *Язык* (первичная семиотическая система) – *Знак* (феномен отражения общего в частном).

Такое понимание семиосферы близко постструктуралистскому тезису «мир как текст», в соответствии с которым бытие в его человеческом восприятии-описании построено по законам текста. *Текст* – это парадигмальное понятие, означающее любое семиотическое (знаково-со-

² В современном понимании парадигма (греч. пример, образец) – это система методологических, теоретических и аксиологических установок, принятых в качестве образца, матрицы функционирования мышления в его деятельности по объяснению и моделированию мира.

держательное) пространство (не только вербальное), характеризующееся:

- а) целостностью;
- б) бесконечностью смысловых слоев и переходов;
- в) потенциальной разворачиваемостью/интерпретацией;
- г) открытостью;
- д) различным масштабом выделения в нем разных семиотических структур.

Законченный и однозначно интерпретируемый текст называется произведением.

Слово «текст» происходит от латинского «*textus*» – ткань, сплетение, соединение. Вспомним уэллсовского человека-невидимку: его можно было обнаружить, только когда на нем была одежда. При этом окружающие видели не его самого, а одежду, материю, принявшую очертания его тела. То же самое можно сказать про вербальный текст: это некая ткань из слов, которая, будучи накинутой на невидимую для нас реальность, обрисовывает ее контуры, и при этом, воспринимая всевозможные текстовые феномены (переживания, значения, образы, коннотации) – «изгибы» текстовой материи, – мы неосознанно, по усвоенной с раннего детства привычке, отождествляем сокрытую от нас реальность с той вербальной материей, контуры которой последняя повторяет.

Текст бывает логоцентричным и ризоморфным. Говоря метафорически, логоцентрический текст – это текст, построенный вокруг одного смыслового корня (стержня), а ризоморфный текст – это текст-корневище: децентрализованное переплетение бесконечных смысловых корешков. Иначе говоря, логоцентрический текст задает определенное *направление* своего построения и толкования/понимания, тогда как ризоморфный текст подобен

бесконечному трехмерному лабиринту, в котором любое направление движения (интерпретации и понимания) задается внутренним состоянием того, кто его читает и кто тем самым одновременно его и пишет, то есть актуализует некоторый набор смыслов из бесконечно возможных. Во втором случае единого направляющего понимания нет, поэтому вопрос «правильно ли я понимаю?» принципиально неверен.

Язык в структуралистской парадигме можно обозначить как сложную семиотическую систему (во всех ее трех аспектах), которая:

- а) составляет структуру, основу, каркас живой речи;
- б) опосредует психические содержания своими элементами (знаками и правилами композиции знаков);
- в) направляет, оформляет, упорядочивает вербальное общение в соответствии с логикой своего функционирования, создает речевые паттерны.

Иными словами, язык есть определенная система ориентиров/знаков, организующих экзистенциальное пространство субъекта³.

Слово «речь» в русском языке означает то же, что и «речка», «река»: «поток». То есть речь – это живое, подвижное, непрерывное образование. Тогда про язык можно сказать, что он представляет собой русло реки с формой берегов, рельефом дна, наличием плотин и перекаатов, гидрологическими особенностями самой воды –

³ Напомним еще раз, что представление о языке как системе знаков обусловлено прежде всего особенностями нашего синтаксиса: в данном определении языка смысловое ударение неизбежно падает на понятие знака, тогда как из трех понятий (языка, системы и знака) первичным, исходным является «язык»; слово же «система» вторично и указывает на принцип его организации и репрезентации в нашем сознании, выступая, в свою очередь, первичным по отношению к знаку.

словом, все то, что задает особенности течения данной реки. В НЛП под речью понимается поверхностная речевая структура – наша повседневная речь со всеми ее нарушениями, о которых будет сказано далее, а под языком – глубинная речевая структура, обладающая четкой синтаксической упорядоченностью и семантической правильностью (однозначностью, конкретностью и полнотой понимания).

Дискурс – это речь, взятая в бытийной полноте ее носителя; речь, погруженная в социокультурный контекст; «речь, погруженная в жизнь»; единство языковой практики, пара- и экстралингвистических факторов (прежде всего, поведения). Иными словами, дискурсивное пространство охватывает все стороны жизнедеятельности субъекта как самовыражающегося, коммуникационного существа: саму речь, ее ритмику, мимезис, паузы, экспрессию, поведение, представление о себе и пр. В связи с этим достаточно трудно отделить язык в его вербальной части от пара- и экстралингвистических компонентов, поскольку в обычной жизни чаще всего мы слушаем не то, что нам говорят, а то, как это нам говорят: с какой интонацией, в какой обстановке, какой ритм речи, какая поза при этом и т. д. Часто в ответ на вопрос мы делаем некий жест – и этого достаточно. Так же часто мы спрашиваем мимикой, и нас понимают. Отсюда следующее определение.

Контекст – феномен многослойного понимания текста, возникающий при погружении в последний. Можно сказать, что контекст есть системный феномен, который заключается в том, что количество интерпретаций всего текста больше, чем сумма значений составляющих этот текст единиц различного ранга. При этом, анализируя текст, субъект всегда задает определенный контекст своей интерпретации – то есть понимает и трактует текст в зависимости от ситуации и своего состояния.

Отсюда два других понятия: денотат и коннотат. **Денотат** – это слово/знак, взятое в его прямом значении. **Коннотат** же – это слово, взятое во всей полноте его ассоциативных связей и переносных значений; оно существует только в связке с другими словами – от отдельной фразы (например, афоризма) до текста. Каждый из нас имеет собственный набор коннотаций, что постоянно приводит к искажению посылаемых сообщений. Иными словами, каждый из нас за каждым усвоенным словом родного языка имеет собственный набор образов, ощущений, представлений. И когда мы генерируем свое сообщение другому, мы исходим из собственных коннотаций. Наш партнер имеет собственные коннотации, поэтому, слушая нас, он примет совсем другое сообщение. Отсюда – непонимание, конфликты. НЛП как раз и возникло как метод исследования и устранения коммуникативных нарушений как между субъектами, так и внутри отдельного субъекта.

Знак – это некий объект/событие/явление, который/ое обозначает, репрезентирует, указывает на другой/е объект/событие/явление. Знаки бывают: материальные и идеальные, графические/иконические, визуальные, аудиальные, кинестетические. Слово есть знак идеальный и акустический. Согласно Соссюру, знак есть единство означающего (акустического образа) и означаемого, возникшее как случайная сцепка.

Слово «знак» является однокоренным со словами «значение» и «знание». Таким образом, **значение** есть то содержание, которое репрезентировано данным знаком. При этом:

- 1) связь между знаком и данным содержанием конвенциональна (характерна лишь для данной семиосферы);
- 2) значение может быть передано другому посредством знаковой коммуникации;

3) для передачи одного значения могут использоваться разные знаки.

Часто между понятиями значения и смысла ставят знак равенства. Однако существует и различное понимание этих категорий. Во втором случае значение есть некоторое психическое содержание, которое конвенционально обозначено каким-то знаком. В отличие от него, *смысл* – это внеконвенциональное и в силу этого глубоко индивидуальное переживание каких-то аспектов Бытия, которое репрезентировано ощущениями, идеями, образами, но которое нельзя адекватно выразить знаками, то есть означить в рамках правил означивания родной для субъекта семиосферы. Таким образом, смысл нельзя и передать другому, а чтобы понять то, что переживает другой субъект, надо иметь общий с ним опыт переживания, погрузиться в ту же ситуацию. Можно сказать, что *смысл – это глубоко интимное переживание знака/системы знаков как символа*, который по определению не раскладывается как некая сумма значений.

Отсюда *знание* понимается двояко. С одной стороны, как индивидуальный мировой образ (континуум отношений между субъектом и миром), который выстраивается в психике субъекта в процессе его онтогенеза и который не обязательно может и должен быть передан другому. С другой стороны, как определенный информационный массив, который упорядочен в соответствии с нормами данной семиосферы, следовательно, устойчив и признан, и который можно передать другим субъектам.

Метакса – это некоторая срединная область взаимодействия сознания и бессознательного. Образуется как компенсаторная реакция на чрезмерное развитие/проявление сознательной установки, с усилением которой иррациональные содержания психики (являющиеся неотъемлемым ее компонентом) начинают вытесняться в об-

ласть бессознательного – что может привести к неврозу или срыву. Метакса и представляет собой ту зону встречи двух психических модусов, в которой иррациональное находит выход (например, чтение молитвы, пение песен в нервном напряжении, брань).

Метафора, или иносказание, замена знака при характеристике одного и того же содержания. Метафорой могут быть и отдельные слова, и их композиция (словосочетание, афоризм, анекдот, притча, рассказ). Метафора чрезвычайно важна, поскольку именно она есть наиболее мощное средство для передачи и понимания сообщения. В отличие от метафоры, **метонимия** есть прием переноса значения с одного содержания на другое («я съел целую тарелку», «весь город только об этом и говорил»).

Вышеприведенное определение языка есть одно из многих его пониманий. В данном случае мы говорили о нем как о семиотической структуре. Если же языком называть детерминанту, стоящую между субъектом (его мышлением) и его социокультурным бытием, то понятия речи, дискурса и языка довольно сильно пересекутся. В этом случае можно выделить следующие **функции языка**:

- 1) **коммуникативная** – обеспечение общения; при этом не надо отождествлять общение и разговор: общение – это акт невербального и вербального взаимодействия людей, при котором «что-то происходит» (Р. Лэйнг); вообще же, коммуникация есть один из аспектов общения – как процесса взаимодействия субъектов (другие аспекты – интерактивный и социально-перцептивный);
- 2) **информативная** – обеспечение передачи конкретной информации;
- 3) **экспрессивная** – обеспечивает самовыражение, передает отношение субъекта (эмоционально-оценочная речь);

- 4) **когнитивная** – обеспечивает познание мира;
- 5) **сигнификативная** – обеспечивает выделение, означивание и описание объектов;
- 6) **волюнтативная** – обеспечивает *направленное* воздействие на субъекта (себя и/или другого).

Российско-американский лингвист и литературовед Р. Якобсон выделял следующие функции языка:

- 1) **эмотивная/экспрессивная** – призвана «произвести впечатление определенных эмоций у реципиента»; чисто эмотивный слой языка представлен междометиями (одну и ту же фразу можно произнести с различными интонациями, и значение сообщения будет различным);
- 2) **конативная/апеллятивная/усвоения** – ориентация на адресата; представлена в языке звательной формой и повелительным наклоном;
- 3) **коммуникативная/референтивная** – обеспечивает соотношение субъекта с предметом, о котором идет речь;
- 4) **фатическая** – функция поддержания коммуникации: в языке существуют сообщения, основная цель которых – установить, продолжить или прервать коммуникацию, установлен ли канал связи с реципиентом; в языке она представлена в форме обмена риторическими фразами («как дела?», «хорошая погода» и пр.); эта функция раньше других усваивается детьми, так как их стремление вступить в коммуникацию проявляется раньше способности принимать и передавать информацию;
- 5) **метаязыковая/толкования** – отражает тот уровень языка, где говорят о самом языке («вы

понимаете, о чем я говорю?», «вы говорите по-русски?»);

- б) *поэтическая* – обеспечивает направленность внимания на само сообщение, а не на адресата.

Рассматривая язык как речевой поток и как дискурсивное поле (текст), в нем можно выделить различные структурные уровни, каждый из которых является достаточно значимым репрезентатором психического состояния субъекта и фактором, воздействующим на это состояние (при этом наше сознание практически не осознает их). В частности, можно назвать следующие направления, активно использующие в качестве репрезентаторов те или иные дискурсивные структуры:

- 1) *воздействие метафорическими текстами* (через мифы, заговоры, сказки, афоризмы, притчи, поговорки);
- 2) *использование парадоксальных текстов* (анекдотов, коанов, мондо, перевертышей), воздействие которых осуществляется либо за счет семантической перверсии, либо за счет декларирования алогичной ситуации;
- 3) *психодинамическая традиция* (З. Фрейд, К. Юнг, Ж. Лакан);
- 4) *фоносемантическая диагностика А. Журавлева*: корреляция психологического состояния и частот встречаемости тех или иных звуков;
- 5) *эриксоновская трансогерация*;
- 6) *НЛП*.

Итак, подводя итог этой главе, кратко резюмируем сказанное.

1. Язык выступает для нас как исходная данность, благодаря которой мы вовлекаемся в этот мир, ориентируемся в нем и развиваемся как социокультурные существа.

2. Основное противоречие языка заключается в том, что, хотя Бытие само в себе целостно и непротиворечиво, это нельзя выразить средствами грамматики (дзен, даосизм, Витгенштейн).

3. В связи с этим выскажем следующую мысль: *Субъект* (как Я-концепция), *Язык* (как семиотическая система, структура) и *Бытие* (Означаемое) *не имеют собственной онтологии вне континуума взаимоотношений между ними, который и обуславливает их реальность и который и есть Дискурс*. Иначе говоря, и Язык (Означающее), и Бытие (Означаемое), и Субъект (Отражающийся) представляются нам (субъектам) как самостоятельные, отдельные (и разделенные между собой) онтологические реальности в силу дискретно-знаковой природы того, без чего мы не можем сформироваться как субъекты, – языка.

4. Преодоление этого противоречия возможно двумя путями: либо за счет выхода в языковое пространство, в область Молчания (состояние мистического слияния, адвайта-сознание), либо за счет входа в метаязыковый, или мифологический, континуум, выступающий исходной формой отражения Бытия как Метасинтаксиса.

Суггестивная природа языка

*Понятия первой и второй сигнальной систем.
Гипотеза Б. Поршнева. Понятие суггестии. Тождество
понятий языка и суггестии. Понятия бессознательного
и сознания. Две «собаки» на примере с сахаром.
Имя, эпитет, глосса. Пример внушения со льдом.
Иллюзорность мира. Лингвистическая установка.
Суггестивная речь. Коммуникативная парадигма.
Речь подстилающая и репрезентирующая*

Говоря о психолингвистике, невозможно пройти мимо характеристики языка как суггестивного феномена. Начнем с «простого» вопроса: зачем нужна вторая сигнальная система, когда живой мир обходится первой? Чтобы правильно понять этот вопрос, определим сначала, что такое первая сигнальная система. Очень кратко можно ответить так: *первая сигнальная система есть система сигналов межличностной коммуникации, организующая упорядоченное, слаженное поведение особи с себе подобными с целью успешного существования как ее самой, так и популяции в целом.* Сигналы первой системы:

- а) есть выражение обменных, гомеостатических и психосоматических функций организма;
- б) детерминированы нейрогуморальной системой;
- в) представляют собой широкий набор мимических, звуковых, запаховых и кинестетических реакций.

Их главное свойство: *они есть непосредственное* внешнее выражение внутреннего состояния и потребностей (биологических и социальных) организма *его же соб-*

ственными средствами. Отсюда вытекает *невозможность их отделения для произвольного оперирования* ими со стороны их носителя-организма.

Если искать границу, отделяющую человека от остального животного мира, то она лежит не в социальной, производящей сфере. Можно выделить, по крайней мере, три коренных отличия человека от животных:

- 1) использование предметов для ритуалов (в том числе для украшения);
- 2) наличие похоронного обряда;
- 3) наличие вербального языка.

Остальное – что мы привычно считаем признаками цивилизации – встречается и в животном мире: использование орудий труда (у пауков, птиц, приматов) и их изготовление (у приматов); строительство, войны, рабство, разделение труда, социальная иерархия, коллективный труд, пастушество (у общественных насекомых), убийство себе подобных (у шимпанзе), альтруизм и даже язык как знаковая невербальная система (у пчел).

Сигналы второй системы отличаются своей знаковой природой. Иначе говоря, они есть знаки, посредники, стоящие между внешней средой и психосоматическим состоянием организма. Увеличивающаяся в процессе культурной эволюции совокупность знаков и отношений между ними порождает все более сложную семиотическую среду, которая для человека выступает главным условием его существования (становления, развития и сохранения) как вида! То, что мы считаем для себя естественным, с точки зрения первой системы представляет собой существенный недостаток: сигналы первой системы несут гораздо больше информации и передают ее гораздо быстрее, чем сигналы второй системы. Так, мы моментально оцениваем внешний вид другого человека, понимаем его жесты и ми-

мику – что в экстремальных ситуациях вообще не имеет альтернативы (под водой, в боевых условиях, во время драки...). Чтобы передать словами информацию, которую содержит, допустим, сложный жест, сопровождаемый определенной мимикой, требуется гораздо больше времени, внимания и сил, возможность получения которых в реальных условиях выживания представляется искусственной. Таким образом, вторая сигнальная система проигрывает первой в плане практичности выживания.

Но тот факт, что такая система существует и развивается и что благодаря ей развивается и человек, занявший место на самом вершине экологической пирамиды, заставляет нас вернуться к вопросу о каких-то тех ее сторонах, которых не имеет первая. Так зачем нужен язык? Одним из вариантов ответа на этот вопрос можно считать гипотезу российского ученого Б. Поршнева о том, что *вторая сигнальная система сформировалась прежде всего как система принуждения* (сначала другого, а потом и себя), а отсюда ведущей функцией языка является волюнтаривная/директивная функция⁴.

Наше сознание как осознание свойств и качеств самих себя и окружающего мира есть дискурсивный феномен, то есть для того, чтобы осознать что-либо, нам надо в первую очередь назвать этот объект. Слова же как знаки указывают на значения – семантические координаты данной семиосферы. Значения, в свою очередь, конвенционально связаны с психическими феноменами – ощущениями, образами, ассоциациями. С другой стороны, любой

⁴ Идея языка как директивного феномена в рамках «атомарного» подхода соотносится с предположением о том, что первичными частями речи человеческого языка в его становлении являются междометия – звукокомплексы, имитирующие сигналы первой системы и природные звуки и выражающие эмоциональное состояние (ах, у-у, ч-щ-щ, хоп, плюх, бом, э-э и пр.), а также команды, побуждения к действию (глаголы повелительного наклонения, наречия – например, вперед, назад, быстро...).

язык как семиотическая система имеет четкие синтаксические законы своего выражения, которые неосознанно усваивает каждый субъект, развиваясь в родной языковой среде. Значение этих законов настолько велико, что их намеренное нарушение при обращении к адресату вызывает стопорение сознательной деятельности последнего – что с успехом демонстрировали и использовали М. Эриксон и создатели НЛП5.

Таким образом, мы подошли к понятию суггестии, или внушения. Слово «внушение» в русском языке созвучно слову «внесение» и, по сути, есть то же самое: внесение в психику другого индивида чего-то внешнего, чего не было до этого у последнего6. Внушение возможно и средствами первой сигнальной системы – о чем говорят, например, опыты Дурова и Кажинского по невербальному воздействию на животных, а также реагирование одних организмов на раздражение других из той же популяции, когда последняя разделена в пространстве7. Разница же между воздействиями средствами обеих систем в том, что для инициирования у адресата нужного состояния адресанту необходимо самому войти в подобное состояние, тогда как при задействовании второй сигнальной системы передающему команды нет необхо-

⁵ Поскольку метрика нашего сознания имеет дискурсивную природу, то через вторую систему человек разделился сам в себе, отчуждил от себя свою собственную природу, объективировав ее, начав относиться к себе как к третьему лицу. Это проявляется в том, что ребенок говорит о себе вначале в третьем лице – что, по мысли Лакана, сохраняется в течение всей жизни: просто, войдя в конвенциональный мир, ребенок заменяет по форме «он» на «я», а по сути отношение к себе как к «нему» остается (ибо «он» – это отраженный в любом типе зеркала образ меня, который недосыгаем и находится вне меня). И то, чем мы гордимся – наше сознание, – есть результат такого самоотчуждения-расщепления, стоящий между нашей природной сущностью и миром.

⁶ У М. Эриксона есть такое определение внушения: «Внушение – это утверждение, с которым пациент не может не согласиться».

⁷ То же можно сказать и о связи человека и его животного тотема в архаичных культурах.

димости испытывать то, о чем он говорит. Поршневу считал, что язык служит для того, чтобы подавить у другого биологически полезную тому информацию, идущую по первой системе, и заменить ее побуждениями, полезными себе. Именно в этом ключе Поршневу и рассматривал становление вербального языка как системы знаков, сцепленных с определенными психическими содержаниями. *С появлением второй сигнальной системы достаточно было между собой и другим организмом поставить знаки, чтобы проинициировать у другого нужные психические содержания, оставаясь при этом самому не вовлеченным в ситуацию.*

Итак, переделав Маяковского, скажем: *«Язык и суггестия – близнецы-сиблинги // Кто из них большая бестия? // Мы говорим "суггестия", подразумеваем – "язык" // Мы говорим "язык", подразумеваем – "суггестия"». Иными словами, сам факт нашего говорения означает, что все мы находимся в пожизненном гипнозе, принимая иллюзию за реальность. Но без этой иллюзии мы не осознаем саму возможность рассмотрения Бытия по оси «иллюзия – реальность». То есть, чтобы что-то осознать, надо это объективировать от себя как субъекта (саморефлексирующего феномена), или, вспоминая мольеровского господина Журдена, чтобы осознать, что мы говорим прозой, надо сначала получить представление о разных видах речи и о самом понятии речи тоже.*

Произнося название вещи, я автоматически вызываю в своей психике (не осознавая этого) весь комплекс связанных с ней ощущений, представлений, ассоциаций, имен. Именно это допущение лежит, например, в работе М. Эриксона. С этой же точки зрения, *бессознательное можно описать как дискурсивно-сенсорную ассоциативную сеть (генеративную структуру), а сознание – как дискурсивно-сенсорный ассоциативный ма-*

*кромокомплекс, являющийся одним из способов репрезентации этой сети*⁸.

Представим обычный кусочек сахара. Если попросить любого человека его описать, то мы услышим следующее: он твердый, белый, прямоугольный, шершавый, рассыпчатый, плотный, сладкий. Однако в этом простом описании «зарыты» две большие «собаки».

Первая «собака» заключается в том, что вышеназванные качества не есть свойства самого сахара. Эти качества есть поименованные ощущения, возникающие в процессе нашего контакта с чем-то, что, взаимодействуя с нашим телом, вызывает в сознании целостный образ, который мы именуем сахаром. Иначе говоря, вступая в контакт с сахаром, мы (именно в своем сознании) делаем следующую цепочку операций:

- 1) из всего перечня ощущений отбираем необходимые, при этом называя их;
- 2) объединяем эти ощущения в единый комплекс, который тоже именуем;
- 3) наконец, приписываем отобранные и названные ощущения этому «чему-то», превращая это что-то в хорошо узнаваемый объект (это соотносится со словами Мэн-цзы: «Вещи становятся тем, чем они становятся, когда люди дают им имена»)⁹.

И все это мы делаем мгновенно и неосознанно.

Вторая «собака» заключается в том, что как таковых названных свойств реально не существует. И дело даже не в том, что мы воспринимаем интерференцию волн как бе-

⁸ Выражаясь языком синергетики, бессознательное – это хаосмос, а сознание – некоторая диссипативная структура или аттрактор.

⁹ Понимание того, что слово – знак и значение – стоит между восприятием и переживанием «чистого» бытия и личностью адепта, зафиксировано, например, в следующем афоризме дзэн: «Произнести слово "Будда" – значит вымазать себя грязью. Произнести слово "чань" ("дзэн" в китайской транскрипции) – значит покрыть себя позором».

лый цвет, а поток гравитонов как тяжесть, – ибо что понятия цвета и тяжести, что понятия волн и частиц – все это способ вербального обозначения чего-то, что, «воздействуя на наши органы чувств, производит ощущения». Дело в другом: мы можем выделить какие-то свойства сахара потому, что объективировали и обобщили некоторые признаки вещей от самих этих вещей. Таким образом, *когда мы перечисляем свойства* куска сахара, *это значит, что мы полностью восприняли правила означивания (выделения знаков и их значений) той семиосферы, в рамках которой существуют понятия вещи* (сахара), *цвета* (белого), *формы* (параллелепипеда), *плотности, тяжести и пр.* Вторая «собака» следует из соссюрковского понимания знака: знак и его значение есть феномен частного отражения того общего, что дано как исходная целостная реальность (текст, миф, семиосфера).

Психика индивида как социодискурсивного существа оформляется как метрика отношений между внутренним психическим содержанием и второй сигнальной системой, законы композиции и функционирования которой импринтируются при социализации. Мы не можем воспринять вещь, не проговорив (неосознанно) ее название. В связи с этим следует различать понятия имени/символа, эпитета и глоссы.

Ранее мы говорили, что *имена*, или слова-символы, – это своего рода свернутые дискурсивные вселенные: они видны только снаружи (в форме звукокомплекса) и имеют бесконечный коннотативный потенциал. Помимо имен выделяют также эпитеты и глоссы. *Эпитеты* – это вербальные знаки, указывающие на конкретные, отдельные признаки и вещи, выделенные в объекты в данной семиосфере; то есть эпитеты имеют значение только в рамках своей семиосферы. В отличие от эпитетов, *глосса* – это понятие-гештальт, включающее в себя другие

представления и понятия (эпитеты) и созданное в соответствии с логикой функционирования данной семиосферы. Иначе, глосса – это любое комплексное понятие, то есть такое слово-образ, значение которого есть устойчивая сумма других значений. Их отличительной чертой является их внутренняя семиотическая непротиворечивость, и применительно к объекту они воспринимаются сознанием:

- а) как естественные;
- б) единственно возможные;
- в) истинные;
- г) непротиворечивые;
- д) обладающие онтологическим статусом.

В свою очередь это означает, что:

- 1) они социодискурсивно детерминированы;
- 2) их непротиворечивость является таковой только в рамках определенного способа их конструирования-восприятия.

Как миф выступает надсистемой по отношению к языку своего описания, так и глосса есть «вышестоящая реальность» по отношению к отдельному знаку. При этом глосса может выступать и в качестве самой себя, и в качестве знака – это определяется контекстом речевого сообщения.

Соответственно, *психотерапия заключается в реглоссировании*, когда, по мере прояснения БЛМ субъекта, привычные глоссы претерпевают изменения и субъект начинает осознавать, что привычные для него с детства паттерны восприятия-мышления конвенциональны, условны, не единственно возможны, являются результатом его проекции.

Принадлежность слова к заданному классу определяется контекстом/ситуативностью высказывания. На-

пример, слово «дерево» может выступать как символ (в словосочетании «древо познания добра и зла»), как эпитет (в фразе «этот шкаф сделан из дерева») и как глосса (например, в фразе «одинокое дерево» – поскольку, несмотря на обилие различных деревьев, каждое из них имеет ствол, ветви, кору, листья или иголки, определенную фактуру, и все эти понятия образуют единый понятийный комплекс слова «дерево» как глоссы).

Значение второй сигнальной системы в том, что *она стоит между сигналами внешней среды и первой системы*. Иначе говоря, для нашей психики нет разницы между вербальными знаками, означающими то или иное событие и состояние среды, и сигналами самой среды обитания¹⁰. Возникающий ожог от кусочка льда при внушении, что это – кусочек раскаленного угля, тому достаточно четкое подтверждение: в данном случае глосса «лед» (в которой есть такое свойство, как «холодное») заменяется на глоссу «уголь» (где присутствует свойство «горячее»). То есть *через язык мы объективируем и ре-объективируем мир*. Мы говорим: «у тебя на ладони кусочек раскаленного угля» – и психика суггестанта реагирует должным образом, воспринимая предмет как сумму качеств, автоматически возникающих в нашем сознании как только мы слышим или сами произносим определенное имя. А каждое ощущение уже сцеплено с соответствующей психофизиологической реакцией.

Используя понятие глоссы и тезис Лосева о том, что имя есть свернутый миф, легко понять, что для нас как дискурсивных существ не существует отдельно никакая вещь; наш мир наполнен именованными вещами, комплексами «имя – вещь», а точнее – комплексами «имя – реакция субъекта – вещь». Название любого понятия есть

¹⁰ Это зафиксировано в положении о том, что информация не зависит от природы своего носителя.

магическое имя, *само понятие глоссы представляет собой данный нам в **поименованных** ощущениях и образах миф.* А миф имеет определенную логику своего разворачивания-проявления, которая задает логику функционирования нашего сознания. То есть наше сознание в своем становлении и функционировании использует мифологические (вторично семиотические) структуры как исходные и не подлежащие сомнению реалии. Соответственно, *усвоенные глоссы воспринимаются сознанием как естественные, единственно возможные и непротиворечивые описания реальных объектов.*

Говоря о вторичной семиотической системе как способе восприятия-описания личностью себя и мира, точнее было бы говорить о *мифоритуальном хронотопе* — том индивидуальном экзистенциальном пространстве, которое строит любая личность для своего устойчивого бытия. Такой хронотоп включает в себя не только некий миф как описание среды обитания, но и соответствующие этому описанию действия. Таким образом, **сам миф выступает для любого из нас в трех формах: как объяснение, как инструкция/способ организации, как само действие** (если это сахар, то в рот, если уголь, то выкинуть или в печь).

Распространяя примеры с сахаром и льдом на все субъект-объектные отношения, мы видим, что реального мира как вещи-в-себе для нас не существует. Мы обречены воспринимать лишь тот образ мира, какой мы выстраиваем своим языком и через язык. Вспомним также пример с человеком-невидимкой, описать которого можно, лишь накинув на него одежду и грим; но при этом и грим, и одежда, отражающие контуры тела, не есть этот сам невидимка — его мы так и не видим! Другой образ — это пример с подводниками, которые не видят реальных объектов, но идентифицируют их с теми образами, которые выдает им радар; одна-

ко, имея привычное представление об объектах, ни один подводник не отождествляет образ на радаре с породившим его объектом. Это же самое – в известном платоновском образе пещеры. Однако в нашем мире нам не с чем сравнивать поименованные комплексы ощущений, поэтому мы принимаем их за подлинную, единственно возможную реальность. В дзен-буддизме про это говорят так: «Не надо принимать за Луну палец, на нее указывающий».

Для социального синтаксиса привычным и обыденным считается разрыв, барьер, порог между внутренней интенцией (желанием, побуждением, мотивом, мыслью) и ее вербальным выражением, с одной стороны, и внешним действием, результатом, событием – с другой. На наличие такого разрыва в речи указывает хотя бы следующий афоризм: «слова нужны для того, чтобы прятать мысли». Как правило, социализированный субъект редко говорит то, что действительно думает, и редко делает то, что он в действительности хочет, – рамки социального синтаксиса, сформированные импринтированными установками, конвенциональными значениями, ролевыми сценариями, формальным знанием, направляют его интенциональную энергию по общепринятому руслу. В структуре нашего лингвистического зеркала главную роль играют эпитеты и глоссы, то есть номинализации (существительные, прилагательные, местоимения) и безличные глаголы, тогда как для любого вида суггестивной речи характерно, в частности, употребление:

- 1) вербальных символов (слов, афоризмов, притч и пр.);
- 2) побудительных глаголов и наречий-команд («быстро!», «вперед!», «назад!» и пр.);
- 3) грамматически нарушенной речи;
- 4) полисемантических слов и т. д.

В практике психотерапии мастером такой речи был М. Эриксон. Весь текст Евангелия также является символическим (то есть полисемантическим, суггестивным) дискурсом.

Суггестивная сила речи обусловлена также ситуативными (контекстуальными) и социализированными феноменами: авторитетом и ролью говорящего, ситуацией, психическим состоянием слушающего, особенностями его личностной структуры, находится ли он в группе или нет и пр. Таким образом, мы подошли к понятию *установки*, под которой понимается неосознаваемая готовность психики к определенному восприятию, интенции, действию. При этом, говоря о неосознаваемом, следует выделить в нем два аспекта:

- 1) не дошедшие до сознания из бессознательного содержания;
- 2) содержания, вытесненные из сознания.

В нашем случае, говоря о языке, мы имеем в виду первый аспект. Процесс говорения запускается у ребенка неосознанно, вследствие семантического импринтинга (согласно взглядам Р. Уилсона) или развертывания врожденной универсальной грамматической структуры (согласно Н. Хомскому), и заключается в том, что ребенок усваивает связи между словами и их значениями, а также готовые речевые шаблоны своей речевой культуры, принимая их исходно данными и единственно реальными.

Таким образом, *лингвистическая установка проявляется как неосознанная готовность психики к направленным восприятию, оценке и действию, задаваемым некритично усвоенными (впечатанными) отношениями между:*

- 1) *вербальными знаками и их значениями;*
- 2) *значениями и поведенческими актами;*

3) *поведенческими актами и внутренними психическими содержаниями.*

Собственно суггестивная речь, изменяющая психическое и психосоматическое состояние людей, базируется на механизмах *смещения* и *сгущения* (Фрейд), суть которых заключается в различном соотношении знака и значения: при сгущении один знак указывает на несколько значений, при смещении, наоборот, одно и то же значение может быть передано различными знаками. Общепризнанным мировым мастером суггестивной речи считается М. Эриксон. Его способы наведения «мягкого» транса признаны классическими в гипнологии.

Именно Эриксон, а потом и авторы НЛП пришли к выводу: *любой акт коммуникации суггестивен* – если под последней понимать не только и не столько экспансию внешней информации во внутренний психический мир субъекта, сколько инициирование в субъекте его собственной дискурсивно-сенсорной ассоциативной сети. Авторы НЛП, например, не раз замечали, произнося синтаксически правильные, но контекстуально непривязанные (семантически бессмысленные) фразы, что их собеседники сами приписывают этим фразам все необходимые коннотации, отражающие их внутреннее состояние¹¹. То же самое можно найти у Л. Кэрролла.

¹¹ Например, проводя семинар, они повесили на двери такое объявление: «В некоторых случаях обеда не подают». Наиболее частая реакция у читавших его была такая: «Это что – значит, мы сегодня обедать (на семинаре) не будем?».

Глава 4

Миф как вторичная семиотическая система

*Первичная и вторичная семиотические системы.
Метаязык. Имя. Слова-символы. Миф как структура.
Универсальные мифологические сюжеты.
Понятие метамифа. Демифологизация.
Три формы мифа. Психотерапия как речевая
практика разворачивания исходных имен. Личность
как текст (Я-концепция, личная история). Понятие
базового личностного мифа. Миф как связующее звено
между языком и бытием. Психолингвистическая
характеристика психодинамического подхода.
Трикстер как исходный носитель речи и как исходный
субъект мифа. Что такое сказка. Виды отношений
между противоположностями. Кватернион.
Примеры из сказок. Заговор.*

Итак, язык есть семиотическая система, посредством которой субъект означает свои психические содержания и таким образом делает их доступными для своего сознания и для другого субъекта. Выделяют два уровня этой системы – первичный (непосредственно сам язык) и вторичный, или метаязык (метафора, миф).

Метаязык – это язык для описания другого языка. Известна теорема Гёделя о том, что для любой логической системы существует такое утверждение, которое нельзя ни доказать, ни опровергнуть, оставаясь в рамках этой системы. Отсюда понятна идея метаязыка: мы можем описать языковые процессы, только выйдя за пределы языка. Однако, пытаясь описать язык, мы все равно пользуемся языковыми же средствами, правилами. Поэтому в нашем

понимании феномена языка имеется предел, ниже которого в нашем познании (и его, и мира, и себя) мы принципиально не сможем опуститься, который мы должны принять за отправную точку и за которым вопросы «как?» и «почему?» не существуют¹².

Таковым пределом для метаязыка являются имена (не путать с эпитетами!) – исходные звуковые комплексы, которые соединяются с исходными образами и ощущениями. Уровень, на котором происходит данная сцепка, выступает для нашего сознания нижним уровнем его проявления. И первичные названия, имена, являются исходными центрами, которые, разворачиваясь, то есть наделяясь значениями в процессе деятельности, создают мифо-логическую метрику сознания. Здесь можно привести известные высказывания А. Лосева: «Миф – это развернутое магическое имя» (соответственно, верно и обратное: «Имя – это свернутый миф») и «миф есть в словах данная личностная история».

Таким образом, метаязык как вторичная семиотическая система представляет собой набор исходных имен, которые, разворачиваясь, образуют базовые мифы – как устойчивые сюжетно-ролевые дискурсивные структуры, задающие логику и характер функционирования нашего сознания.

Особенностью таких слов-символов является следующее:

- 1) это произвольно образованные звукокомплексы, имеющие произвольную же связь с психическим содержанием;

¹² Проходя в своих рассуждениях по узкой тропинке осмысления феномена языка средствами самого же языка, существует реальная опасность свалиться в пропасть либо слева, либо справа от тропы. Пропасть слева – это пропасть солипсизма («весь мир есть комплекс моих ощущений»), пропасть справа – это пропасть объективизма («сознание есть эпифеномен неких объективных процессов – например, дискурсивных или механистических»).

- 2) они не имеют определенного значения, поскольку появились вне конкретной семиосферы;
- 3) соответственно, каждое такое слово может иметь множество значений – в зависимости от того контекста, в который они помещены;
- 4) они неразрывно связаны с психофизиологическим состоянием и являются его звукоструктурной репрезентацией.

Слова-символы могут существовать в сдвоенной форме, которая является первичным способом их ограничения, взаимоотражения, следовательно, означивания (примеры: Я – Ты, Я – Это¹³, инь – ян). Для таких пар характерно следующее:

- 1) каждое составляющее пару слово имеет значение, только отражаясь от другого;
- 2) эти слова выступают вешками, обозначающими границы смыслового поля данного понятия;
- 3) они выступают «затравкой» и понятийными узлами развернутого текста.

Имеющиеся механизмы социальной перцепции (в частности, идентификация, социальная рефлексия, каузальная атрибуция) показывают, что человек существует, воспринимая окружающий мир исключительно оценочно. В этом случае встает вопрос: что лежит в основе самого процесса формирования оценок? Одним из ответов на него может быть следующий: *в основе процесса формирования оценок лежат исходные универсальные мифологические паттерны – мифологемы, которые, раскрываясь в процессе человеческой деятельности в развернутые мифы, образуют мифо-логическую метрику сознания, структурирующую (направляющую) апперцептивные и дискур-*

¹³ У М. Бубера.

сивные процессы. Иначе говоря, субъект существует и действует в мифо-логическом континууме, он оценивает и себя, и других людей исключительно в рамках мифологии.

Напомним, что психолингвистика изучает то, как связаны между собой психические содержания и вербальные средства их презентации. Образно говоря, мы оцениваем скорость, силу и направление ветра по перемещению мелких предметов – бумаги, листьев, пыли... Аналогично мы оцениваем действие психических процессов (в первую очередь восприятия и мышления) по движению слов в устных и письменных сообщениях, текстах. Однако слова складываются в текст не хаотично, а в соответствии с грамматикой родного языка. Таким образом, любой текст образован тесным, неразделимым взаимодействием в первую очередь процессов мышления и речи. Продуктом их союза и выступают целостные текстовые структуры разных уровней и видов – предложения, рассказы, произведения, афоризмы, поговорки, анекдоты, притчи, коаны и мондо, сказки, эпосы (в том числе собственно мифы, былины), личные истории, научные и политические теории. И, однако, любым текстам присуща единая структура отношений и взаимодействия между базовыми понятиями, составляющими их семантическую основу, которая, вербально разворачиваясь, сама задает логику (алгоритм) этого разворачивания.

Опираясь на идею универсальности отдельных мифологических сюжетов в различных культурах, лосевское соотношение «имя – миф» можно заменить соотношением «мифологема – развернутый миф», поскольку идея универсальности мифологем позволяет описывать их как устойчивые тематические структуры, под которыми понимаются прежде всего универсальные паттерны определенных отношений. Можно сказать, что *миф – это развернутая исходная смысловая структура, конституиру-*

ющая определенным образом поле субъективной деятельности (актов восприятия, описания, оценки и поведения). Отличительными особенностями такой структуры являются:

- а) *очевидность/некритичность* и *не-рефлексивность* восприятия ее темы;
- б) *обязательность (нормативность)* и *ритуализованность* исполнения положений ее развернутого сюжета¹⁴.

Встречающиеся в разных культурах одни и те же мифологемы можно объединить по шести основным группам, которые представляют собой тематические узлы метамифа и одновременно этапы его разворачивания (и таким образом устанавливается направленность, необратимость развертывания) в дискурсивной метрике сознания:

- 1) исходное (свернутое) состояние бытия. Сакральность (таинство плюс освященность) знания. Образование совершенного, безгреховного мира. Здесь же – единство мироздания, тождественность микрокосма (человека) и макрокосма. Наличие единого Сакрального Центра мироздания – универсальной точки отсчета. Понятия блага, гармонии и справедливости как отражение первопорядка, структуры первобытия;
- 2) грехопадение или другое событие, приведшее к ущербу бытия. Придание онтологического статуса вероятности (как случайности, которой могло и не быть); таким образом – допущение фактора стохастичности/хаотичности в процесс эволюции космоса. Постулирование inferнального характера бытия, которое становится тако-

¹⁴ В этом смысле волшебная сказка есть редуцированный миф, вышеназванные качества которого перешли в область игры, которой и ограничены.

вым вследствие действия стохастического фактора. Профанация сакрального знания (оно стало доступным для всех и искаженным) и разделение, раздвоение бытия (на сакральный, духовный, реальный и профанный, материальный, иллюзорный миры). Оппозиции «космос – хаос» (где хаос – это неупорядоченное движение или состояние стагнации) и «космос – антикосмос» (где хаос – это порядок, чуждый и враждебный космическому);

3) близнечные мифы как мифологическая форма принципа бинарных оппозиций. Мифы о культурном герое, который, как правило, проявляет свои необычные способности с самого раннего детства¹⁵ и выполняет следующие основные функции:

- а) расширение космоса (экспансия привычного порядка);
- б) упрочение границ, отделяющих космос от хаоса или антимира;
- в) привнесение в мир людей тайного знания и ремесел.

Другая форма данной темы – сексуальные контакты с местными сакральными существами (например, мифы о Зевсе). Мифы о змеборчестве (борьба с хаосом как неупорядоченным движением и как антипорядком). Хаос вытеснен за оп-

¹⁵ В разных мифологиях подчеркиваются необычные способности, которые проявляли герои уже с детства: Кухулин, Геракл. Не избежал такой мифологической оценки в советское время и Ленин. В Евангелии мы видим эту логику на примере «диалога» еще не родившихся младенцев Иисуса и Предтечи, подчеркивания избранности Иисуса еще в детстве (встреча у храма – «сретение Господне» – и эпизод с толкованием Писания). Особенно это хорошо заметно в апокрифическом «Евангелии детства», где дитя-Иисус наделен волшебными качествами.

ределенные рамки, но само зло остается фактором бытия, поскольку изначальный миропорядок уже нарушен;

- 4) мифы о группе, выступающей носителем и хранительницей идеи изначального мироустройства (род, клан, племя, страта, орден, братство, община, церковь, союз), объединенной общим харизматическим образом, идеей, опытом переживания («где двое или трое соберутся во имя Мое, там и Я с вами буду»);
- 5) восстановление утраченной полноты: мифы о мессии, жертвоприношении, искуплении. Здесь же – мистические путешествия, иерогамия, инициационные мифологемы. Трикстерство. Жертва как необходимое условие привнесения изначальной творческой энергии в сакральный центр общества – сакральную группу;
- 6) апокалиптические мифы: о конце света, о цикличности, о смерти-и-воскрешении, о становлении нового миропорядка. Культы плодородия. Реинкарнация.

Глядя на вышеназванные мифологические универсалии, можно сделать вывод о существовании исходного, изначального Мифа, который, дискурсивно разворачиваясь, образует другие универсалии, носящие по отношению к своему источнику частный, локальный характер. *Такой исходный миф, или первичное сюжетное ядро, можно назвать метамифом.* И в основе его лежит мифологема о происхождении-становлении мироздания, о том, как «все начало быть», неотделимая от другой мифологемы – о том, как человек утратил свое первородное совершенство, которым он был наделен в момент мирового генезиса и которое он пытается постоянно вернуть. Можно допус-

тить, что именно исходная мифологема происхождения-становления-восстановления составляет ядро личности и лежит в основе ее мотивации. При этом само понятие «метамиф» имеет двойное значение. С одной стороны, оно означает «миф как семиотическая структура, служащая для описания других мифов», а с другой – «исходный миф, или мифологема, являющаяся источником для остальных мифов»¹⁶. Оба значения в каждом случае употребления указанной категории имеют место одновременно и не подлежат разъединению.

Любой миф как устойчивая психодискурсивная структура, задающая логику и характер процессов восприятия-оценки-поведения личности, выступает в трех формах:

- 1) миф как описание, объяснение, способ говорения – который стоит между субъектом и описываемым явлением, замещая собой последнее;
- 2) миф как инструкция, руководство к действию – что предполагает буквальное восприятие и исполнение его условий, при которых еще сохраняется субъект-объектное разделение;
- 3) миф как состояние непосредственного погружения в явление и/или пребывание в нем – что предполагает полное неразделение субъекта и объекта.

Итак, в основе функционирования коллективного и индивидуального сознания лежат дискурсивные структуры – мифы. Как известно, любые процессы демифологизации чрезвычайно болезненны даже для отдельного ин-

¹⁶ Мифологема составляет семантическое ядро мифа, его базовую идею/тему. Тогда миф – это развернутая в текстовом/бытийном континууме мифологема. Поэтому слова «исходный миф, или мифологема» показывают, что мы можем сформулировать исходную мифологему, отталкиваясь через обобщение от развернутого (проговоренного и пережитого) мифа.

дивида, поскольку разрушают привычное мировоззрение последнего. Поэтому процесс смены общественного мифа всегда сопровождается социальными потрясениями (революциями, войнами, геноцидом, болезненными реформами и пр.) и поэтому, стремясь к социальному гомеостазису, общество неизбежно должно сохранять свои ведущие мифологемы (в форме идей, ценностей, установок), отсекая (вытесняя) неприемлемые факторы этих мифов в коллективное бессознательное (в коллективную Тень).

Мы с самого рождения погружены в мифы; мы растем, усваивая мифические паттерны, которыми пропитаны все сферы знания, все когнитивные традиции. Особенно отменно это проявляется в историографии, когда одни люди, ставшие авторитетами, оценивают полученные исторические данные через призму собственных пристрастий и предрассудков, а другие знакомятся с историей именно по этим работам (например, учебникам, художественным книгам или фильмам). Завершение же полного погружения в предлагаемый миф происходит с усвоением демонстрируемых норм поведения, манер, стиля жизни, вымысла, идентифицируемого с реальностью.

Среди мифологем современного мира, объединенного идеей демократии, имеется и мифологема человека как существа, имеющего высоко сознательную, духовную и гуманную природу. В данном случае коллективное сознание выстраивает некий образец, соответствуя которому, каждый индивид максимально бы вписывался в коллективный миф, управляющий данным обществом. Соответственно, характерологические черты индивида, способствующие стабильному существованию общества, последним поощряются, а дестабилизирующие – подвергаются неодобрению или различным видам обструкции.

С учетом сказанного, возвращаясь к идее оценочного мировосприятия, можно сформулировать следующие

типы фильтров/искажений в апперцептивно-дискурсивной деятельности субъекта:

- 1) *семиотические*: искажения в синтаксисе, семантике и прагматике, возникающие при переходе информации с глубинного речевого уровня на поверхностный (например, искажения в НЛП: опущение, собственно искажение, обобщение, утраченный перформатив и пр.);
- 2) *конвенциональные*: использование субъектом неосознанно усвоенных, традиционных для его лингво-культурной среды конвенциональных значений слов при игнорировании/незамечании других значений (реконвенционализация хорошо видна в речевой практике М. Эриксона);
- 3) *мифологические*: субъект вспоминает и описывает себя и ситуацию через отдельные «куски» воспоминаний, которые он почему-либо запомнил, причем *эти воспоминания репрезентируют не внешнюю реальность, а внутреннее личностное пространство субъекта.*

Итак, Дискурс можно описать как ряд уровней/этапов его разворачивания: *Имя/слово-Символ – Мифологема (как сконцентрированное содержание со свернутой структурой) – развернутый мифологический Текст*, который характеризует и становление/разворачивание нашего сознания как опосредованного языком феномена. В целом же можно сказать: *исходные мифологемы и их развернутые формы – мифы – репрезентируют (и таким образом детерминируют) собой весь континуум субъект-объектных отношений, который для субъекта выступает дискурсивно-деятельностным континуумом, или семиосферой.*

Таким образом, мы переходим в русло психотерапии, которая как самостоятельная практика началась

с Фрейда. Вообще же, психотерапия так же древна, как и само общение. По сути, любая психотерапия есть система определенным образом организованной речевой практики, которая в соответствии со своей мифологией выстраивает структуру дискурсивного поля общения, призывая пациента организовывать свое внутреннее субъективное дискурсивно-мифологическое пространство в соответствии с той логикой, которую задает терапевт. А «позаимствовав... упорядоченную систему речевых практик, человек склонен перенимать и сопутствующее ей ценностно-смысловое отношение к миру. В этом случае сама проблема может быть просто своеобразным артефактом дискурса, и осознание (а при необходимости – переименование) составляет основную суть терапевтического воздействия, ведущего к изменению смысла (в нашем понимании – значения. – И. Н.)»¹⁷. Поэтому любое общение есть психотерапия.

Слово «терапевт» означает «сопроводитель», «проводник». Возможны два способа сопровождения:

- 1) следовать за пациентом, помогая ему в его пути (недирективная терапия);
- 2) вести пациента по пути, предложенному терапевтом (директивная терапия).

В обоих случаях чрезвычайно важным является одно: пациент должен адекватно перевести свое внутреннее психическое состояние в вербальную знаковую систему, используя при этом слова-символы, либо свои собственные, либо предложенные терапевтом (в своей книге Калина приводит пример, когда пациентка отвергла слово «середина», поскольку оно ассоциировалось у нее с чем-то примитивным, неприметным, ординарным,

¹⁷ Калина Н. Ф. Основы психотерапии. Семиотика в психотерапии. – М. : «Рефл-бук», К. : «Ваклер», 1997. – С. 110.

но приняла словосочетание «золотая середина» – как синоним понятия равновесия, устойчивости, не-впадения в крайности). При этом, в результате постоянного накопления жизненного опыта и постоянной коррекции индивидуального мирового образа, корпус слов-символов постоянно меняется: одни слова перестают быть значимыми, другие начинают «звучать»; смысл, стоящий за базовым словом, может теперь выражаться несколькими и наоборот. Отсюда *магистральным вектором всех речевых психотерапевтических практик является инициирование процесса движения метаязыка пациента, в результате чего либо с помощью врача, либо без помощи происходит метаязыковая/мифологическая самоорганизация дискурса пациента.*

Таким образом, можно сказать, что *каждая личность есть собственный текст, метрика которого образовалась в результате семиотического разворачивания исходных слов-символов.* Более того, каждый из нас имеет некоторый набор значимых для себя слов – коннотативных узлов (узлов агрегации) своей дискурсивной метрики, которые составляют личностный метаязык («якорный личностно-мифологический текст», по выражению И. Черепановой). Этот текст как устойчивая во времени сюжетно-ролевая, апперцептивно-дискурсивная структура есть **базовый личностный миф** (БЛМ) субъекта, задающий логику и характер функционирования его сознания и детерминирующий развитие его идентичности (если под последней понимать Я-концепцию, или личную историю).

Таким образом, мифологическая психотерапия направлена на полную развертку в дискурсивном личностном поле БЛМ данного субъекта – что метафорически описывается как устранение неполноты, ущербности, как достижение состояния безгреховного бытия, существо-

вавшего в момент его сотворения, или «времени оного» (Элиаде). Ядром устойчивого психологического существования личности является ее стремление выстроить свою жизнь как некоторое смысловое поле, в котором каждое действие и событие должно соответствовать ее исходной мифологеме. Стало уже очевидной истиной, что *источник смысла существования человека*, источник переживания этого смысла лежит вне его «слишком человеческой» природы. Мы добавим: этот источник для сознания *репрезентируется метамифом* (универсальным и в форме БЛМ). При этом метамиф выступает смысловым ядром, интенции которого запускают дискурсивно-деятельностные механизмы его же разворачивания; а, вербально разворачиваясь в дискурсивной метрике сознания, *он сам же определяет и логику этого разворачивания*.

Исследуя соотношение бытия и языка, Л. Витгенштейн пришел к выводу, что бытие само в себе целостно и непротиворечиво, но грамматика языка эту целостность передать не может. Отчасти данное противоречие можно снять метафорической речью, описывающей мифологическое дискурсивное пространство. В отличие от собственно языка, не имеющего самостоятельного онтологического статуса и рассматриваемого как аспект Дискурса вкупе с другими аспектами последнего – субъекта и объектного мира, – миф представляет собой не столько язык, сколько вербализованный вариант репрезентации самого Дискурса, включающий в себя вышеназванные аспекты: Означающее (язык), Означаемое (феноменальный мир), Отражающийся (субъект). Поэтому то, что недоступно языку как одной из составляющей Дискурса, доступно мифу. При вхождении личности в миф снимается расщепленность последней, поскольку, в отличие от современного цивилизованного субъекта, который существует в разорванном временном континууме (в прошлом и будущем

без настоящего), субъект, вошедший в миф, оказывается исключительно в Настоящем (с коннотациями: 1) настоящее как подлинное; 2) настоящее как временная модальность); он переживает все события как подлинные, глубоко значимые и происходящие исключительно здесь и теперь. Именно миф для субъекта выступает «окончательным суждением» (по Уотсу), поскольку:

- а) миф есть способ существования сознания вообще;
- б) без и вне мифа нет и сознания;
- в) «окончательное суждение» есть акт внеязыкового переживания бытия в его целостности (гештальтности);
- г) при погружении в миф его дискурс становится для субъекта единственно реальным для выработки стратегий восприятия-описания-поведения.

Необходимо отметить еще одну существенную черту мифа – наличие в его семантической ткани противоречий – что обусловлено тем, что именно миф есть исходная презентация Бытия в сознании субъекта – Бытия в его бесконечности, сложности, многообразии, металогичности.

Понимание этого позволяет переживать бытие как Адвайта-бытие (или, что то же самое, как непрерывно длящееся мифологическое бытие) в любых каждодневных действиях по обеспечению своей жизнедеятельности: в приготовлении еды, рубке дров, уборке жилья, подсобных работах, физических упражнениях – что практиковалось в христианстве и в дзэн-буддизме для вхождения адептом в соответственное состояние. Речевая практика же в этом случае используется учителем как условие для остановки конвенционального сознания. Встреча на границе семиосферы учителя с учеником (при этом учитель находится со стороны ее внешней границы) есть уникальная, неповторимая жизненная ситуация, переживаемая

только здесь и теперь во всей своей полноте и требующая от ученика подлинной свободы и спонтанности при ее выражении. Именно здесь слова утрачивают свое привычное значение, соответственно, здесь разрываются привычные ассоциативные цепочки. По сути, только в пограничном состоянии можно передать и понять сообщение как переживание (смысл). При этом способы передачи сообщения могут быть разные: молчание (Лао-цзы: «знающий не говорит, говорящий не знает»); крик («Старая сосна проповедует мудрость // И дикая птица выкрикивает истину»); бессмысленное бормотание (междометия, глоссолалия); афоризм, парадоксальный текст (коан, мондо).

Что сделал Фрейд? В основе его метода лежит простая и потому гениальная идея: психические содержания человека должны быть актуализованы, то есть переведены во внешнюю форму. Если человек это не может сделать словами, тогда вытесненные или недошедшие до сознания содержания все равно проявятся – но в форме невротического или психотического симптома. Выговаривание проходило в форме свободных ассоциаций, которые нуждались в определенной трактовке со стороны врача. Было замечено, что при таком проговаривании:

- 1) направление речи пациента не зависело от воли врача;
- 2) в определенных местах своего повествования пациент сбивался, резко перескакивал на другую тему или не мог подобрать слов.

Феномен, стоящий за этим, Юнг назвал комплексом – совокупностью определенных психических содержаний, объединенных единым аффектом и внешне проявляемых в том числе через значимые понятия.

Любую психотерапию можно представить как определенную мифологическую структуру, которая имеет:

- a) собственный набор значимых слов-символов;

б) собственную интерпретационную логику.

В случае с Фрейдом одним из фундаментальных имен, на семантическом разворачивании которого стоит весь психоанализ, является понятие либидо (влечения, желания) – как фундаментальной эротической (жизненной, или сексуально-плодотворной) силы. У Юнга либидо имеет другое значение – это именно психическая энергия вне ее полярного разделения на движение к жизни или смерти; либидо выражает просто устремление к чему-либо – и не имеет такого значения, как у Фрейда. Мифологическое пространство Юнга есть семантическое разворачивание другого слова-символа: «архетип/комплекс».

Субъект, который владеет суггестивной речью, для которого пребывание в символическом мышлении не составляет труда, который свободно переходит лексические и поведенческие границы семиосферы в обе стороны, называется трикстером. *Трикстер* является одной из центральных фигур мировой мифологии. Это синкретичный образ, который в своем мифологическом развитии расщепляется как на положительных, стабилизирующих ситуацию персонажей, так и на отрицательных, дестабилизирующих. С психологической точки зрения для трикстера характерно то, что у него речь не переходит из внешней формы во внутреннюю, следовательно, не организует сознание как знаковую систему, а остается на уровне предсознательного свободного излияния (голос Другого); а кроме этого, его тело живет отдельной от сознания жизнью, при этом различные телодвижения могут совершаться без связи друг с другом («левая рука не знает, что делает правая»). В целом общая подвижность трикстера проявляется в нарушении им всех границ социума: территориальных, поведенческих, оценочных, речевых, моральных, традиционных, иерархических. В свете психолингвистики для нас важно отметить следующее.

Трикстер является носителем речи, репрезентирующей и подстилающей первичные мыслительные процессы. К подстилающим речевым феноменам можно отнести глоссолалию, эхололию, копролалию, а также чисто голосовые образования (смех, подражание животным, крик), к репрезентирующим – речь как вязь: непрерывную, бессмысленную или многозначную, «туманную», а также речь «лоскутную», начинающуюся и заканчивающуюся вне конкретной темы. И если *подстилающая параречь есть произвольный и неосознаваемый продукт психосоматических процессов и состояний*, то *репрезентирующая* первичное мышление¹⁸ *речь отражает психические процессы как глубинную речевую структуру* (Лакан, Эриксон, Хомский) *и проявляется через спонтанно возникшие ассоциации, метафоры, афоризмы, каламбуры, поэзию, заклинания, молитвы, проповеди, шутки*. Если рассматривать эволюцию человека с точки зрения развития речевого взаимодействия, то именно трикстеры были теми первыми, через кого вторая сигнальная система начала функционировать как прежде всего директивная система (на роль первых трикстеров традиционно отводят шаманов, сочетающих в себе функции оракула, целителя, психотерапевта, служителя культа, посредника между мирами, хранителя традиции и знаний, шута, юродивого, нарушителя ценностей).

¹⁸ Характеризуя мышление, Фрейд выделил в нем первичный и вторичный процессы. Их главные различия:

а) с точки зрения топики: первичный процесс – принадлежность бессознательного, вторичный процесс – системы "Предсознание – Сознание";

б) с точки зрения энергетики и динамики: в ходе первичного процесса психическая энергия течет свободно, переливаясь из представления в представление посредством механизмов смещения и сгущения; а в случае вторичного процесса энергия "связана" с самого начала, поток ее подконтролен, представления устойчиво нагружены, удовлетворение отложено, открывая дорогу мысленной проверке...» (Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. – М.: Высшая школа, 1996. – С. 391).

Архетип трикстера выступает исходным центром мифоролевой системы координат. «Другие герои мифа и эпоса часто ощущаются "лишенными психологии" – то ли оттого, что, по Юнгу, они сами по себе суть порождения психики, манифестации архетипов; то ли оттого, что, согласно О. М. Фрейденберг (и отчасти – К. Леви-Строссу), они не столько субъекты жизненных действий, сколько заместители когнитивных категорий. Непосредственное внутреннее чувство говорит нам, что трикстер не таков, что он тем в большей мере психологичен, чем глубже погружен в свою сферу нарушения и разрушения. Именно эта психологическая наполненность позволяет ему... стать героем сказки или романа, а в его архаическом варианте – донести до нас черты филогенетически древнего психологического состояния». А отсюда «чем архаичнее мифологическая фигура, тем труднее выделить в ней специфический комплекс черт: тотемический (часто животный) предок предстает как неразделимый сплав культурного героя и его двойника»¹⁹.

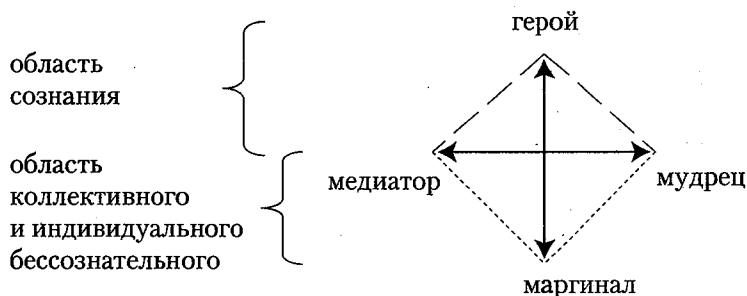
Иными словами, центр мифоролевой системы координат лежит за пределами культурного хронотопа, и выделение-обособление других универсальных, но уже структурированных ролей происходит по мере продвижения субъекта мифа от периферии хронотопа к его центру, или, если не в культурологическом, а в психологическом плане, из глубин Бессознательного в сознание. И чем ближе трикстер подходит к сознанию, тем лучше его можно рассмотреть, означить, описать. При этом он начинает распадаться на отдельные, функционально более сконцентрированные и конвенционализированные роли: *героя* (воина и вождя, могут присутствовать и черты демиурга), *мудреца* (хранителя знания, учителя, врача), *медиатора* (свя-

¹⁹ Манин Ю. «Мифологический плут» по данным психологии и теории культуры // Природа. – 1987. – № 7. – С. 42–43.

щеннослужителя, шамана, мистика), *маргинала* (преступника, аморальную личность).

Данные четыре первичные роли образуют исходную мифоролевою систему координат (кватернион) с центром-трикстером. В мифологии «четыре» выступает либо как удвоенное «два» (что характерно, например, для родоплеменной организации социума), либо как «три и один», где единица противопоставляется тройке, но вместе они образуют то, что и символизирует собой четверка – полноту, завершенность проявления²⁰.

Сформулированную таким образом базовую мифоролевою систему координат личности можно выразить следующей схемой:

Треугольник есть первая фигура, символизирующая некую структуру, которая транслирует, с одной стороны, целостность, с другой – динамику развития.

²⁰ Например, классическое индоевропейское общество, сложившееся в Индии, состояло из трех высших варн (брахманов, кшатрий, вайшья), имеющих аллохтонное происхождение, и низшей варны шудр автохтонного происхождения. А у Юнга имеется комментарий к сказке, в которой герой убегает на коне из Запределья. Волки отгрызают коню ногу, но он скачет дальше на трех. Здесь отгрызенная нога демонстрирует нам помимо необходимости жертвоприношения при переходе из одного состояния в другое также и оппозицию «три – один»: одна нога остается принадлежностью антимира, а на трех остальных конь выскочил в наш мир.

Для этого четвертый элемент должен быть не включен в триаду, должен пребывать во внесознательных пластах психического. В данном рисунке имеются два треугольника, имеющие общее основание, лежащее на границе сознания (Конвенционального) и бессознательного (Символического), и направленные противоположно друг другу. Верхний треугольник репрезентирует метрику сознания и указывает на стабилизатора – того, кто упрочивает, утверждает и защищает необходимый порядок. Нижний треугольник выражает символическую метрику бессознательного и указывает на трикстера – того, кто данный порядок постоянно нарушает. При этом мифологические роли медиатора и мудреца амбивалентны и принадлежат обоим модусам.

Все вышеизложенное про трикстера имеет прямое отношение и к речевым процессам, поскольку демонстрирует нам процесс постепенного их упорядочивания – как становления системы конвенциональных связей «знак – значение/содержание». Все же названные исходные мифологические роли также характеризуются большим весом дискурсивной составляющей своей личности. Например, русское слово «врач» происходит от глагола «врать» – то есть «говорить», что непосредственно относится к психотерапии. Учитель и священнослужитель неизбежно используют речь для отправления своих функций. То же относится и к роли воина (например, в его ипостаси вождя, лидера). И каждая из ролей занимает свое место в семиосфере: учитель находится внутри, священнослужитель – в пограничной области, воин – и в центре (царь, вождь), и на периферии, охраняя последнюю. Маргинал же находится по ту сторону границы – как своими действиями, так и своей речью (речеподобные формы сумасшедших и одержимых; инвектива, или ругань; жаргон). Но речь всех этих исходных ролей, возникающих в результате спе-

циализирующего расщепления-разделения трисктера, обладает свойствами последнего – то есть она является завораживающей, суггестивной, волюнтаривной.

Говоря о мифе, кратко коснемся и других метафорических текстов – сказки и заговора, каждый из которых имеет свои особенности в плане организации семиотического пространства.

Сказка есть сжатый и/или редуцированный миф, разворачивающий свой сюжет по тем же универсальным семантическим сюжетным осям, по которым разворачивается как исходный метамиф, так и его отдельные мифологемы. Это оси:

- 1) *космогенеза* (сотворения мира),
- 2) *героизма* и
- 3) *инициации* (перехода), связанной с *жертвоприношением* (следовательно, со смертью)²¹.

Иначе говоря, сказка – это текст, культурологически «приглаженный» по сравнению с исходным мифом – так, что он стал сюжетно менее сложным (меньше деталей) и менее фатальным, безысходным (как правило, с predetermined счастливым концом). Воздействие сказки на психику субъекта, особенно ребенка, многопланово. Это воздействие осуществляется как через семантику/содержание (образы главных героев, континуум событий, их направленность, вывод и пр.), так и через синтактику – то есть через синтаксические структуры, определенным образом организующие текст, выстраивающие его по определенной логике, которая на уровне сознания чаще всего не осознаётся, но действует на досознательных уровнях. Содержательной стороной сказок занимаются культурология, антропология, филология,

²¹ Подробнее с психологическими и культурологическими аспектами сказок можно ознакомиться, в частности, в трудах М. Элиаде и В. Проппа.

история, психология, синтаксической стороной – та же психология (изучение паттернов мышления), лингвистика (сравнительное языковедение) и, соответственно, психолингвистика²².

В нашем случае коснемся той структуры, благодаря которой в психике слушающего (ребенка) формируется один из универсальных трафаретов, шаблонов, являющихся синтаксической основой формирующегося образа мира. Эту матрицу можно выразить достаточно простой схемой – кватернионом²³.

Вспомним, что наша психика воспринимает мир дихотомично: мы можем что-либо воспринять, помыслить и описать, только применяя систему оппозиций, полярностей: небо – земля, твердое – мягкое, добро – зло, мужское – женское, жизнь – смерть, далекое – близкое, я – другой и так далее, или, используя родовые понятия, Инь и Ян. Сказанное можно обозначить и по-другому: просто *A* и *B* (как два полюса, две противоположности), между которыми, в процессе их взаимодействия, возникают различные отношения: *взаимоусиления* (поддержки), *взаимопогашения* (угнетения), *взаимодействия* (достижение общего результата), *переходности* (одного в другое), *взаимоисключения* (или... или), *равновесности*, *превращения* (не тождественно переходности), *объединения* (слияние), *взаимодополнения* (и то... и это), *нейтралитета* (независимости друг от друга).

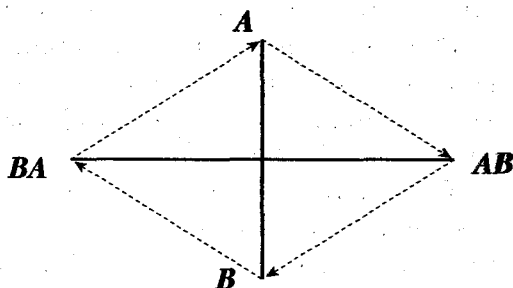
²² Здесь могут быть два аспекта исследований:

1) соотношение психических процессов (в первую очередь – паттернов мышления) и языковых структур при передаче сообщения;

2) это же соотношение, но при получении сообщения, предполагающее инициацию переживаний, идей и действий со стороны адресата.

²³ Напомним, в связи с этим, тезис Пифагора «мир есть число», а также мысль Юнга о том, что числа являются выражением архетипов порядка. В любой культуре все числа от 1 до 10 являются символами, через которые раскрывается все многообразие космоса и его соединенность.

Кватернион оппозиций можно тогда выразить следующей схемой:

На этой схеме A и B – две любые противоположности, AB и BA – есть результат каких-либо отношений, в которые вступают между собой исходные A и B ; и в то же время они относительно друг друга также являются противоположностями. В целом данный кватернион показывает процессуальную динамику любых типов взаимодействия полярностей A и B и представляет собой универсальную синтаксическую схему отношений оппозиций.

Общий вывод по сказкам таков: *через их текстовую структуру (синтаксическую и семантическую) передается диалектичность структуры мира* – его подвижность, переходность, динамичность, многозначность, переменчивость, текучесть – свойства, с которыми сталкивается субъект в своем естественном стремлении перевести динамичный объект в статичную модель – устойчивую, предсказуемую, привычную, не опасную. И мы можем сказать, что любые пары оппозиций, описывающих разнообразие, динамичность и противоречивость бытия, взаимодействуют друг с другом по принципу, выраженному кватернионом, а «сказка есть тот культурный феномен, в котором в символическом виде содержится вся диалек-

тика нашей жизни, и в этом смысле сказка противостоит нашему нормативному миру»²⁴.

Рассмотрим сами оппозиции и их различные типы отношений на примере всем знакомых детских сказок: «Репка», «Вершки и корешки», «Куручка Ряба».

В «Репке» взаимодействие оппозиций представлено очень выпукло. Так, в связках: «дедка – репка», «дедка – бабка», «бабка – внучка», «внучка – Жучка», «Жучка – кошка», и «кошка – мышка» – мы видим следующие пары оппозиций, по которым происходит расчленение индифферентного пространства: *человек – не-человек* (растение и животное), *подчиняющий потребитель – подчиненное потребляемое*, *мужское – женское*, *старое* (нисходящее) – *молодое* (восходящее), *союз взаимоисключений* (кошка с собакой), *хищник – жертва*, *жизнь – смерть* (репку должны съесть, чтобы жить самим). Все субъекты действия перечислены в определенной последовательности, оптимально позволяющей достичь желаемого результата. Если именно эта последовательность хоть где-то нарушится – цепочка разорвется. Каждое новое звено данной цепи обладает все меньшей силой, но в итоге суммарная сила становится достаточной для достижения цели. Мышка в сказке играет вообще ключевую роль: именно она становится последней каплей в чаше усилий всей системы – в соответствии с принципом бабочки в синергетике, именно ее действия позволяют системе перейти в новое состояние, за которым следует ее распад. Таким образом, предполагаются и такие оппозиции: *порядок (организация) – хаос (распад)*, *анизотропность (целесолагание) – изотропность*.

В сказке «Вершки и корешки» те же противоположности мы видим в парах: *человек – зверь*, *гладкое – шеро-*

²⁴ Шиян И. Б., Веракса Н. Е. Диалектическое мышление / В кн.: Гордон А. Диалоги – 2. – М.: Изд-во «Предлог», 2004. – С. 48.

ховатое, безопасное – опасное, возделанное – природно-первозданное (выраженных образами поля и леса), ум/хитрость – грубая сила, производитель – потребитель, верх – низ (вершки и корешки), полезное/съедобное – бесполезное/несъедобное (последняя пара показана в динамике: съедобное и несъедобное меняются местами).

В «Курочке Рябе» можно выделить следующие оппозиции: мужское – женское (дед и баба), человек – нечеловек (кураца), неживое – живое (яйцо золотое и простое), большая безрезультативная сила – малое результативное воздействие (соотношение воздействия на яйцо людей и мышки), стремление к результату – отказ от результата (сокрушение по поводу разбитого яйца), мироздание в целом (символизируется золотым яйцом) – отдельный его элемент (яйцо простое), смерть – жизнь. Последняя оппозиция сокрыта в противопоставлении двух яиц: разбитое золотое яйцо несет эсхатологический мотив (конец света), а простое яйцо показывает, что жизнь продолжается – как за счет самого факта его появления, так и за счет его смерти (съеденное яйцо через свою смерть дает жизнь другим).

Принцип оппозиционных отношений, показывающих диалектику бытия, можно увидеть и в волшебных сказках (скажем, в приключениях главного героя за пределами ойкумены), и в сказках бытовых (например, сказка о глупом барине и умной падчерице, которой было дано задание явиться не голой и не одетой, не пешком и не верхом, не с подарком и не без подарка...).

Аналогично можно разложить как сам метамиф, так и его отдельные базовые мифологемы: небытие – бытие, безгреховный мир – греховный мир, спасение – гибель, индивид – социальная структура и т. д. Особенно хорошо заметны оппозиции в братско-близнечных мифах, где один из братьев становится героем и демиургом, а другой,

как правило, элиминируется, сходит на нет: физически (умирает или погибает), исторически (не оказывает никакого влияния на ход истории), культурологически (не проявляет творческих способностей), психологически (является сумасшедшим или трикстером)²⁵.

Хотя вышесказанное про мифы и сказки больше характеризует функционирование нашего мышления, но выражаются они именно речью, через которую происходит трансляция ребенку зафиксированных представлений о сложности и динамике мироздания. Любые синтаксические оппозиции, будучи завуалированными содержанием текста, структурируют психику ребенка определенным образом, и, как правило, не осознаются ни им самим, ни взрослым рассказчиком. С этой точки зрения сказанное имеет отношение и к психолингвистике, которая изучает взаимодействие психических структур и содержаний (тех же мифологических паттернов) с языком (имеющим собственные законы функционирования).

Заговор есть особый вербальный текст формульного характера. С одной стороны, он представляет собой вербальную форму обряда: его текст определен, устойчив и требует точного исполнения (прочтения); при этом соответствующие действия могут быть, а могут и отсутствовать. Сутью заговора выступает, как правило, сама звуко-ритмическая структура текста. И хотя содержание текста может быть не ясно, на силу заговора это не влияет, ибо сохраняются присущие ему качества: ритмичность, дыхание, якорение с определенным психофизиологическим состоянием. С точки зрения топика заговоры несут в себе достаточно глубокий классификационный и таксономический функционал, на основании которого выстраивается система координат мифологического хронотопа. Это

²⁵ Вариации братско-близнецных мифов: оба брата действуют продуктивно вместе; брат и сестра; человек и животное (тотем).

может быть поэтапное членение пространства событий по направлению внутрь (кровь – плоть – сухожилие – кость – костный мозг) или наружу (дом – сени – двор – поле – лес – море) или создание иерархий различных феноменов бытия – внутренних органов, природных ландшафтов (лес, горы, моря), природных явлений (осадки, светила, ветер, заря), социальных уровней, элементов социального ландшафта (дом, храм, город) и пр.

В целом для заговора характерна целенаправленность: его текст направлен на изменение сложившейся ситуации, что в психолингвистическом плане можно понимать как изменение (упорядочивание) психического состояния говорящего и/или слушающего. Все мы по многу раз в своей жизни пользуемся заговорами, даже не сознавая, что именно мы делаем. Слова перед экзаменом «Господи, пронеси!», или лозунг «Нет войне!», или «Миру – мир», или лозунги типа «Пусть крепнет...», «Да здравствует...» – все это формы заговора.

Особую форму заговора составляет ругань, брань, «антиречь». О ней будет сказано в главе «Редукция и инвектива».

Глава 5

Язык и смысл

Два типа понимания. Проблема передачи смысла.

Дискурсивная структура семиосферы.

За границей семиосферы. Концепция Ж. Лакана.

Миф как репрезентация Дискурса. Разрыв связи

«знак – значение». Различие знака и символа.

Три типа отношений между знаком/значением

и символом/смыслом. Что такое ложь.

Во второй главе было сказано, что средствами языка как знаковой системы нельзя целостно и непротиворечиво описать мир и что снять данное противоречие можно за счет входа в мифологическое пространство. Эту же самую идею можно выразить и так:

- 1) метафора есть самый короткий путь к истине;
- 2) «Любое окончательное суждение может быть высказано лишь в поэтической форме мифа» (А. Уотс).

По сути, в этих двух предложениях уже содержится в свернутом виде все содержание данной главы; и нам теперь остается привести его в привычный вид последовательного линейного ряда знаков-слов – денотатов.

Итак, повторим, что между субъектом как рефлексивно-деятельностным существом и его средой обитания лежит язык – сложная семиотическая система, непосредственно ответственная за создание и функционирование нашего «святая святых» – сознания, которое можно описать прежде всего как совокупность высших психических функций, то есть функций психики, опосредованных сис-

темой внутренних идеальных знаков. Вершиной проявления сознания мы считаем собственное самосознание, выражаемое лингвистически императивом «Я есть (в настоящий момент здесь и теперь)». По сути, *самосознание как феномен организации психических содержаний индивида в результате его социализации есть то, что называется Я-образом, а точнее – Я-концепцией, ибо образ только тогда становится Я-образом (осознанным), когда он проговорен, то есть выражен и зафиксирован в виде определенной знаковой структуры.*

Отсюда и имеет место то противоречие, которое мы повторили в начале данной главы: поскольку язык – это знаковая система, то его природа имеет дискретный характер: между знаками любых уровней организации (звуки, фонемы, слова, предложения) существуют разрывы. То есть каждый знак:

- а) есть отдельная единица;
- б) связан с определенным числом значений, которые являются таковыми только в рамках данной семиосферы, в рамках определенной конвенции.

Понимание же как акт принятия и усвоения сообщения имеет два значения:

- 1) понимание как *связывание* в собственном семантическом поле поступившей информации с каким-либо конвенциональным значением;
- 2) понимание как *акт переживания* принятого сообщения в свернутом виде, в виде гештальта, который ощущается на до-языковом уровне психики и может осознаваться либо как просто телесное ощущение, либо как какой-то образ.

В первом случае речь идет о понимании – «скольжении-по-поверхности», при котором происходит некритичное усвоение общепринятых значений и шаблонное

их принятие как единственно верных. Это – процесс усвоения значений той семиосферы, в которую субъект погружен. Во втором случае говорится о понимании как «глубинном погружении», при котором происходит качественная перестройка понятийной системы субъекта. Это – процесс *инициации смысла*, который можно обозначить как акт отражения и запечатления в психике субъекта целостного образа семиосферы. Здесь уже нет восприятия семиосферы как некоей совокупности знаков и значений, следовательно, нет разрывов. Иначе говоря, во втором случае язык проявляет свою континуальную природу, при этом прекращая существовать как система знаков и значений, как средство описания – соотношения каждого знака с каким-то бытийным феноменом, в результате которого формируется дискурсивное поле значений. А отсюда следует, что:

- 1) переживание смысла не обусловлено знаковой природой языка;
- 2) следовательно, не может быть однозначно репрезентировано знаками;
- 3) следовательно, процесс означивания переживаемого является исключительно творческим и спонтанным действием психики данного субъекта;
- 4) само смысловое ощущение или образ передать знаками другому невозможно (в силу внеконвенциональности связей между знаками и смыслом).

Поэтому, когда мы говорим о понимании как переживании смысла, то сталкиваемся с парадоксом: смысл нельзя передать, но его можно инициировать в беседе двумя магистральными путями:

- 1) вовлекая реципиента в ту же ситуацию (в сопереживание);
- 2) останавливая поток сознания.

Последнее осуществляется следующими способами:

- а) практикой медитации как постепенного «угасания ума»;
- б) практикой отвлечения сознания за счет перенесения внимания на внешние действия телом и через тело;
- в) введения в сознание логически противоречивого сообщения (практика коанов, мондо);
- г) постоянным нахождением субъекта в состоянии смысловой интенции, которое может привести к инсайту через любой раздражитель (слово, афоризм, образ, предмет...);
- д) вводя в транс любым способом.

Любая семиосфера как система имеет центр и границу, отделяющую ее от других семиосфер и от внешнего неупорядоченного пространства. Таким образом, мы можем описать семиосферу следующим образом. Центр представлен синтаксически правильной, семантически однозначной, лишённой экспрессии, повествовательной речью (канцелярит).

Чем ближе к краю, тем коннотативнее (мифопоэтичнее) и/или экспрессивнее становится речь. Граница семиосферы «двуслойна»: изнутри представлена структурированной метафорической речью (мифами, притчами, анекдотами, афоризмами), снаружи – «вязаной» речью (например, речью юридивых). Внешнее пространство – это пространство молчания, «немоты», глоссолалии (синтаксиса без содержания).

Проход через границу осуществляется через отдельные слова, которые, будучи помещёнными в фокус внимания, раскрывают свою природу свернутых мифов. В речи отдельное слово «не звучит»: передавая или слушая сообщение, мы схватываем своим вниманием общее содержа-

ние. Отсюда чем короче сообщение, переданное в значимой для субъекта ситуации, тем ярче, сильнее звучит в нем каждое слово. Степень его коннотативности возрастает, и слово становится способом выхода за пределы семиосферы. В пределе — «учение всей жизни — к месту сказанное слово». При этом «когда ворота открыты, черепки выбрасываются; когда рыба поймана, сети отбрасываются»: когда смысл ощутился, слова не нужны.

Находясь за пределами семиосферы или на внешней стороне ее границы, субъект не нуждается в том, чтобы его речь была семиотически (по всем трем аспектам) изоморфной семиосфере. Это становится необходимым, только когда ему нужно войти вовнутрь и передать сообщение другому. Однако, понимая, что при этом суть сообщения искажается, он не входит вовнутрь, а находится на границе семиосферы, репрезентируя собой для того, кому он хочет передать свое переживание, внешнее пространство. Это хорошо видно на примере шаманов и учителей дзен: периодически посещая за-языковое пространство, они перестают комментировать, проговаривать, концептуализировать свой собственный образ, превращаясь и для других, и для самих себя в символ, коан, загадку. Рефреном этой ситуации стали слова Боддхидхармы китайскому императору: на вопрос последнего, кто стоит перед ним, монах ответил: «Я не знаю». Иначе говоря, такой субъект перестает смотреться в зеркало социума и языка или смотрится, но видит не себя, а все что угодно.

Идея зеркал связана со взглядами французского психоаналитика Ж. Лакана на природу человека как дискурсивного существа, считавшего, что «вся реальность заключена лишь в даре речи, ибо лишь посредством этого дара пришла к человеку реальность, и лишь совершая акт речи вновь и вновь, может он эту реальность сбересть». Мы кратко коснемся только той части концепции Лакана, со-

единившей в себе идеи психоанализа и структурализма (в лингвистике – от Ф. Соссюра, в антропологии – от К. Леви-Строса), которая имеет отношение к психолингвистике.

Согласно Лакану, бытие человека есть его «выпадение» из исходной реальности, разрыв с нею. Таким образом, человек изначально расщеплен, фрагментирован, лишен своей целостности, к которой он неосознанно стремится. И все дальнейшее его развитие проходит в направлении выработки механизмов, позволяющих эту расщепленность компенсировать. Впервые такой механизм включается на «стадии зеркала» (6–18 месяцев), которая характеризуется тем, что ребенок начинает узнавать свое зеркальное отражение. Значение этой стадии в том, что именно благодаря схватыванию своего отражения ребенок заключает свой внутренний опыт в рамки своего телесного отражения и тем самым формирует в своей психике образ себя как единого, целостного существа – того, кого ему не достает. Парадоксальность ситуации заключается в том, что именно отражение становится для ребенка исходной реальностью, глядя на которую, он формирует и оценивает себя (впрочем, сказанное о ребенке справедливо и по отношению к взрослым). Таким образом, первый компенсаторный механизм заключается в запечатлении в своей психике своего же *визуального* образа – двойника.

Для того чтобы описать бытие человека, Лакан вводит понятие регистров, или порядков, психоаналитического поля – Реального, Воображаемого, Символического. Реальное – это изначальная реальность, которой человек лишается в момент своего рождения и в которую он уже не может вернуться. Мы можем сказать про него, что этот порядок характеризуется отсутствием различия, дифференцирования и нехватки чего-либо, соответственно, это состояние можно уподобить буддийскому понятию нирваны – состоянию,

в котором отсутствует любое различие, выделение, противопоставление, и о котором вообще ничего нельзя сказать, поскольку сказать – значит выделить.

Стадия зеркала знаменует собой вхождение человеческого существа в Воображаемое. Сущностью и вершиной проявления данного регистра является Образ с большой буквы, который:

- а) идеален, то есть совершенен;
- б) иллюзорен (существует как воображаемое представление);
- в) формирует личностное представление и поведение;
- г) отчужден от субъекта.

В связи с этим личность предстает как сумма «Я + Мое», где «Я» – это бесформенный внутренний опыт, принципиально невыразимый, а «Мое» – это отраженный от идеального Образа мой собственный образ. Таким образом, исходная расщепленность личности никуда не исчезает и принимает в Воображаемом форму постоянного стремления субъекта к восприятию себя как результата слияния «Я» и «Мое» в «Я-идеальное», что обозначается термином «Мое Я».

Природа последнего двойственна: с одной стороны, для субъекта это его идеал, к которому он стремится; с другой – наличие границы (зеркальной поверхности) диктует принципиальную невозможность устранения исходной расщепленности. Отсюда Лакан переиначивает соссюровскую формулу знака, делая акцент не на единстве означающего и означаемого, а на той черте, которая их разделяет и которая есть поверхность зеркала. То есть мы можем осознавать себя как целостность, только соотнося себя с другим – образом или субъектом, – не будучи с ним в состоянии подлинного единства.

Если Воображаемое – это порядок становления индивидуального начала субъекта (Эго), то Символическое есть такой уровень, где реализуется его полная идентификация (полороловая и социокультурная) и который имеет языковую природу. *В качестве зеркала здесь выступает язык, а в качестве отражения – Другой с большой буквы.* Другого можно понимать по-разному. Применительно к Символическому, это может быть социум, традиция, культура, применительно к самому субъекту – это будет та часть его Я, которая не осознается, то есть не отражается, не проговаривается. Иными словами, *Другой – это та часть меня, которая остается за пределами моей речи как осознаваемого акта.* Отсюда следуют известные тезисы Лакана: «Бессознательное структурировано как язык» и «Бессознательное есть та часть конкретного трансиндивидуального дискурса, которой не хватает субъекту для восстановления непрерывности своего сознательного дискурса». Соответственно, психоаналитическая сессия рассматривалась Лаканом как такая речевая деятельность со стороны врача, которая бы инициировала у пациента речь его Другого и восстановила непрерывность его самого как дискурса. Непременным условием такой ситуации выступает *спонтанность* речевого акта – признак, который характерен для любой внеконвенциональной или творческой речи.

Исходя из дискурсивного понимания природы Бессознательного Лакан, признавая важнейшими правилами его проявления фрейдовские понятия смещения и сгущения/конденсации, придал последним лингвистическое толкование. То есть видимый во сне образ подлечит толкованию не с точки зрения его визуальных ассоциаций или некоторых устойчивых связей «содержание – образ», а с точки зрения его названия. Иначе говоря, интерпретации подвергается имя образа, которое в случае сгущения

представляется как результат слияния других имен и стоящих за ними образов, а в случае смещения – представляется (вместе с именами других образов) как компонента имени спрятанного психического содержания (напомним: ~~назвать – значит осознать, то есть увидеть~~ *улучшенный*, или *восполненный*, *непрерывный*, *воцеленный* образ Я в зеркале языка).

Итак, соединяя идеи Лакана и идею социокультурной обусловленности личности, можно сказать, что в своем формировании, которое понимается как стремление к преодолению своей расщепленности, личность проходит не одну, а три стадии зеркала:

- 1) **физического зеркала**, по отражению которого она строит свой целостный телесный образ (*телесная, в том числе сексуальная идентификация*);
- 2) **социального зеркала** – другого субъекта, отражаясь в котором, личность выстраивает свою *паторологовую (в том числе гендерную) идентификацию*²⁶;
- 3) **лингвистического зеркала**, отражаясь в котором, личность выстраивает себя как *Я-концепцию*²⁷.

²⁶ В психологии стремление к во-целению обозначается по-разному: индивидуация, самоактуализация, идентификация. Названные понятия несут разную смысловую нагрузку. Первое принадлежит К. Юнгу и обозначает достижение личностью состояния мистического слияния с центральным ее архетипом – Самостью. Второе принадлежит А. Маслоу и обозначает процесс, направленный на максимальное раскрытие, реализацию личностью заложенных в ней способностей. Третье понятие обозначает процесс достижения личности своей идентичности – со значимыми людьми, ролями, Я-идеальным. В лакановской понятийной системе координат идентификация есть устранение разрыва, расщепленности личности в ее самопрезентации, ее существование в непрерывности своего представления о себе.

²⁷ Наше отражение в зеркале перверсивно; это же относится не только к форме, но и внутренним процессам, например, мыслям. Это означает, что мы есть то, что и как мы себя описываем. При этом наше описание, по определению, есть вывернутый наизнанку некий рефлексивный образ Того, Кто отражается.

А посему, говоря о семантическом и прагматическом аспектах личностной самопрезентации, стоит обратить также внимание на то, что адекватность воспринимаемого субъектом своего отраженного образа зависит не только от понятийной и поведенческой базы индивида, но и от структуры «отражающей поверхности» зеркал-языка, то есть от его синтаксиса – что было впоследствии успешно продемонстрировано в нейро-лингвистическом программировании.

Таким образом, состояние прикосновения личности к своему Я-экзистенциальному есть состояние переживания «чистого» смысла своего бытия вне любых его значений/отражений. Это и есть то, что в дзен, например, обозначается как постижение высшей истины. Хорошо об этом сказано у Судзуки: «Под особой формой передачи истины без посредства учения сутр следует понимать постижение сокровенного смысла одной фразы (в нашем контексте – базовой мифологемы. – *И. Н.*), когда *разбивается и зеркало, и образ*, когда индивидуум идет за пределы всех форм мышления, *не делая никакого различия* между неведением и просветлением, *...не привязываясь к дуализму* добра и зла, а также *не избегая его*. Последователю дзен-буддизма следует размышлять только над одной фразой и найти конечный ответ: "Твой собственный лик первозданный, который имел ты еще до того, как на свет появился"²⁸ (курсивом выделено мною. – *И. Н.*) – то есть до того, как субъект начал отражаться в зеркалах.

В начале главы мы сказали, что невыразимость целостности и непротиворечивости мира средствами языка можно компенсировать средствами мифа, который также имеет границу, логику функционирования, центр – исходную идею, тему, мифологему. В отличие от языка, рас-

²⁸ Судзуки Д. Основы дзен-буддизма. / В кн.: Дзен-буддизм. – Бишкек : МП «Одиссей», 1993. – С. 196.

сма­три­вае­мо­го как ас­пект Дис­кур­са вку­пе с дру­ги­ми ас­пек­та­ми по­след­не­го – субъ­ек­том и объ­ект­ным ми­ром, – миф пред­став­ля­ет со­бой не столь­ко язык, сколь­ко вер­ба­ли­зо­ван­ную ре­пре­зен­та­цию са­мо­го Дис­кур­са, вклю­чаю­щую в се­бя эти же са­мые ас­пек­ты: *Оз­на­чаю­щее (язык), Оз­на­чае­мое (фе­но­меналь­ный мир), От­ра­жаю­щий­ся (субъ­ект)*. Поэ­то­му то, что не­до­ступ­но язы­ку как од­ной из со­став­ляю­щей Дис­кур­са, до­ступ­но мифу, об­ра­зую­ще­му мифо­ри­ту­аль­ное (сю­жет­но-ро­ле­вое) со­бы­тий­ное про­стран­ство. От­сю­да суг­гес­тия язы­ка ус­тра­ня­ет­ся при вхо­жде­нии лич­но­сти в миф, по­сколь­ку тем са­мым сним­а­ет­ся рас­щеп­лен­ность (дис­крет­ность, ду­али­стич­ность) по­след­ней – не толь­ко зер­каль­ная, но и вре­мен­ная. По­след­няя про­яв­ля­ет­ся в том, что со­вре­мен­ный субъ­ект жи­вет од­но­вре­мен­но в двух вре­мен­ных мо­ду­сах: в про­шлом, об­ра­зо­ван­ным тра­ди­ци­ями, и бу­ду­щем, об­ра­зо­ван­ным спрое­ци­ро­ван­ным (ожид­ае­мым) про­шлым. На­сто­я­щее при этом от­сут­ствует; оно по­де­лено на то, что уже бы­ло, и то, что еще бу­дет. Вхо­дя же в миф, субъ­ект ока­зы­ва­ет­ся ис­клю­чи­тель­но в на­сто­я­щем: он пере­жи­ва­ет все со­бы­тия как про­ис­хо­дя­щие здесь и те­перь, что фо­ку­си­ру­ет его Я на дан­ном те­ку­щем мо­мен­те и ус­тра­ня­ет раз­рывы.

Ме­та­фо­ра (а­фо­ризм, поэ­зия, прит­ча, сказ­ка и пр.) есть вер­баль­ная форма бы­тия мифа, поэ­то­му, бу­ду­чи про­из­несен­ной, она спо­соб­на вве­сти субъ­екта в мифо­ло­гиче­ское со­сто­я­ние – со­сто­я­ние не­по­сред­ствен­но­го (*смы­сло­во­го*) пере­жи­ва­ния бы­тия здесь и те­перь. Имен­но миф для субъ­екта вы­сту­пает «окон­ча­тель­ным суж­де­ни­ем» (по Уот­су), по­сколь­ку:

- а) миф есть способ существования сознания вообще;
- б) без и вне мифа нет и сознания;
- в) «окончательное суждение» есть акт до-языкового переживания бытия в его целостности (гештальтности);

г) при погружении в миф его дискурс становится для субъекта единственно реальным для выработки стратегий восприятия-описания-поведения.

Нижней границей сознания как дискурсивного феномена является граница между Трансцендентным (глубинном Бессознательным) и Символическим (уровнем психики, могущим быть осознанным только в символической форме). Для Символического характерным являются отношения смысловой текучести, неопределенности, подвижности между фиксируемыми там образами (внутренними, архетипическими и внешними, вещными) и их именами – что проявляется внешне в виде «размытой», метафорической речи.

Понятие метафоры широко применяется в психотерапии для инициирования врачом в личности пациента некоей смысловой структуры, вызывающей изменения внутреннего пространства последнего. С такой точки зрения именно метафорический уровень речи наиболее подходящ для восстановления внутренней целостности и упорядоченности (что демонстрируют нам тексты любой религии). Восстановление душевного равновесия и обретение нового взгляда на мир с помощью притч практиковалось задолго до возникновения психотерапии; по сути, практика лечебного использования притч уходит корнями в практику вовлечения индивида архаичного общества в групповой космогонический миф.

С другой стороны, полисемантическая речь, лишенная привычной связи «знак – значение», оказывает стопорящее воздействие на сознание как на поток привычных образов, ассоциаций, значений. Подобное можно наблюдать, например, в дзэн, где речь учителей описывается как речь сумасшедших, как абсолютно бессвязная и нелогичная (то же – у юродивых). Напомним, что любые слова как идеальные знаки, по Соссюру, существуют

(имеют значения) только в рамках какой-либо семиосферы (интерпретационной традиции). Понимание этого зафиксировано в дзен, например, таким высказыванием: «Сказать "Будда" – значит вымазать себе грязью рот». Любые слова: «Будда», «истинное Я», «Бог», «нирвана», попадая в привычную нам семиосферу, наделяются вполне конкретными коннотациями. Таким образом они перестают существовать как слова-символы, как дверь в глубоко интимное переживание Встречи с Запредельным, и превращаются либо в слова-эпитеты, либо в глоссы, наделенные вполне конкретным конвенциональным содержанием, и тем самым они редуцируют стоящий за ними смысл, низводя его до какого-либо, обладающего исторической природой, значения.

Таким образом, вербальная практика достижения просветления в дзен-буддизме направлена на восприятие объекта (материального и идеального) как стимула, побуждающего ученика к спонтанному, внеконвенциональному действию, а не как знака с привычным значением (типичный пример: учитель указывает ученикам на посох и говорит: «Если вы назовете это посохом, вы покажете свою привязанность к миру иллюзий; если вы не назовете это посохом, вы уйдете от реальности. Итак, как вы это назовете?»).

Вообще же, необходимо помнить и понимать, что любые толкования символического текста всегда вторичны по отношению к непосредственному, невербальному его переживанию, они есть продукт ума, ограниченного как своей природой (психической и биологической), так и рамками социального синтаксиса.

Схожим приемом пользовался М. Эриксон, «загоняя» сознание своих клиентов в ступор при сообщении им явного алогизма и высвобождая их подсознательную деятельность. Обычный диалог конвенционален: он под-

тверждает в личностях общающихся конвенциональную модель мира. «Сумасшедшая» речь (а вкупе с ней и «сумасшедшее» поведение) разрушает конвенцию, разрывает непрерывный поток привычных образов, ассоциаций и вводит личность на метафорический смысловой уровень, заставляя ее действовать символически.

Такая речь есть вербальная форма выражения исходных экзистенциальных ощущений. Эти ощущения, выраженные, например, в кинестетической форме, поднимаясь в Символическое, сцепливаются на его границе с исходным вербальным знаком – словом-символом; и пока оно движется «вверх» по направлению к конвенционализации, связь между ними и именами сохраняет смысловую, метафорический характер. Подтверждение этой мысли мы видим, например, в китайском классическом у-шу, где названия телодвижений в любой школе кэмпо совершенно не определяют их кинестетический рисунок и практическое значение: «ветка цветущей сливы», «дракон выползает из пещеры», «поймать воробья за хвост», «семь небожителей переправляются через реку» и т. д. Наличие таких названий показывает нам изначальную независимость существования двух потоков: имен и телодвижений. Таким образом, данные названия не являются значениями соответствующих телодвижений, а выражают именно их смысл как результат первичной, внеконвенциональной связи между именем и движением; и для переживания этого смысла необходимо сознанием погрузиться в модус Символического.

Взаимодействие двух осознаваемых модусов личности – Символического и Конвенционального (области привычной семиосферы) – можно выразить как связь «символ – знак». При этом *под знаком понимается зафиксированный любым способом (иконически, понятийно, акустически и пр.) образ, имеющий значение – функцию,*

указывающую на место этого знака в данной культуре как знаковой системе, включенной в исторический процесс. В противоположность этому **символ** есть **самодостаточный, внеисторический образ, воспринимаемый в его «таковости»** – вне его **именной и функциональной классификации** (привязки). Символ может иметь свое имя, но оно не выступает его функциональной координатой; оно просто указывает на его существование, на то, что мы сознаем его присутствие.

Понятие символа включает в себя следующие представления:

- 1) это метазнак, указывающий на наличие чего-то такого, что сокрыто от нашего сознания – психического феномена, образованного дискурсивно-перцептивными ассоциативными цепочками/комплексами;
- 2) это самостоятельная (самодостаточная) свернутая семиосфера, обладающая внутренней целостностью и устойчивостью существования.

Составим краткую таблицу сравнения качеств символа и знака:

Знак	Символ
1. Указывает на дифференциацию бытия, его разделение по уровням, полюсам, модальностям, оппозициям	1. Указывает на единство бытия, единство всех полюсов, модальностей, оппозиций (адвайта-состояние)
2. Описывается языком с четкой системой значений	2. Описывается языком мифа, метафоры
3. Дискретен, ограничен в своих значениях, подчиняется правилу «или... или»	3. Континуален в своей семантике, имеет бесконечное число значений, описывается правилом «и то... и это»

Знак	Символ
4. Узнается, означаается	4. Переживается, осмысливается
5. Согласно Соссюру, знак не имеет собственного бытия и может существовать лишь как элемент семиосферы	5. Имеет самостоятельное бытие вне какого бы то ни было способа описания
6. Не тождествен сам себе	6. Самотождественен

Перевод знака в символ достаточно хорошо представлен в дзэнских историях, которые объединены фразой типа: «назовите эту вещь, не называя ее». Более радикальное обучение направлено на обезыменивание самого символа (например: «Что такое Будда? – Три фунта льна», или: «Сказав "Будда", иди и тщательно вымой рот»). В целом обучение в дзэн-буддизме направлено на установление связи «знак – символ», благодаря которой через воздействие на знак происходит инициация (или «оживление», по Юнгу) того символа, который является значимым для адепта.

Можно выделить следующие способы соотнесения слова-знака и символа-смысла:

- 1) знак указывает на символ, при этом он сам перестает существовать (глядя на знак, мы видим только символ);
- 2) знак и символ – как две стороны единого явления (восприятие знака в его «таковости», вне истории, вне значения);
- 3) наконец, соотношение, доминирующее в европейской научной традиции: знак имеет собственное бытие, отличное от бытия символа (мы воспринимаем знак как отдельную онтологическую и функциональную единицу).

Пожалуй, все три подхода можно проиллюстрировать двумя историями. В первой из них на вопрос ученика, как войти в дзен, мастер указал рукой на ручей и ответил: «вход здесь». Вторая представлена знаменитым дзэнским высказыванием: «Когда я только начал изучать дзен, горы были для меня просто горами, лес – просто лесом, небо – просто небом. В процессе учебы я понял, что горы – не просто горы, лес – не просто лес, небо – не просто небо. Когда же я понял истину, горы вновь стали для меня просто горами, лес – просто лесом, небо – просто небом». Последний афоризм можно проинтерпретировать и как последовательный переход **«знак-денотат/эпитет – знак-коннотат/гlossa – исходное имя/символ, ничего не означающее»**.

Данный принцип в понимании сущности любых вещей выступает универсальным. С таким же успехом вместо гор, рек и леса можно подставить самое главное для каждого субъекта слово – «Я» (что, по мысли Лакана, и происходит при становлении личности субъекта современной цивилизации: мы говорим о себе «Я», подставляя в него свой совокупный образ, отождествляемый нами с собой).

Лингвистические символы (отдельные слова, афоризмы, мондо и коаны, притчи, сказки и мифы) не имеют значения как дискретной семантической координаты; их понимание осуществляется всем существом субъекта в форме переживания (психосоматической реакции) и/или действия (моторно-ритуальной реакции). Механизм образования метафор – в интерпретации Г. Бэйтсона – заключается в отождествлении понятий по общим предикатам, что показывает взаимосвязь и единство бытия именно через действие, например (вариант Бэйтсона):

Жук летит,

Самолет летит,

Жук – это самолет.

Данный способ создания метафор и со-единения отдельных фрагментов бытия в единое процессуальное целое позволяет сделать смысловое ударение не на объектах (изолированных частях), а на их взаимодействии (холизм) – то, что в психотерапии (в гештальттерапии и НЛП) обозначается как перевод номинализаций в активное действие-переживание.

Если от знаков требуется в пределе однозначность и тем самым предполагается наличие четкой семантической границы между ними, то граница между символами семантически диффузна, что объясняется метазнаковой природой символа, стоящего между внешним, объектным миром и внутренним, миром ощущений и переживаний (Реальным регистром психоаналитического поля, по Лакану). Таким образом, *символ двойственен: он принадлежит одновременно и внешнему, объектному, и внутреннему, субъектному уровням бытия.* Иначе говоря, символ – это такой знак, посредством которого субъект пытается выразить, оформить, актуализовать свои переживания, ощущения, отношения. А поскольку перечисленные психические феномены произвольны, неопределенны и невещественны, то внешние формы их выражения могут быть различными; при этом в психике субъекта сохраняется переживание (ощущение либо понимание) того, что разными формами обозначаются одни и те же архетипы. Расхожим примером такого единства в многообразии и взаимопереходности может служить символический ряд образов, отражающих базовые понятия важнейшего процесса ориентации живого существа в пространственно-временном событийном континууме – понятия центра, направления движения и границы: центр мира – ось мира – мировое древо – гора – копье, стрела – луч света – башня – фаллос – пещера – утроба – матка – чаша – сердце – цветок (роза, хризантема, лотос) – сосуд, вместили-

ще – город – лодка, корабль – вульва – лабиринт – яйцо – луна – граница.

Как видно, в этом ряду объединены различные противоположности по оппозициям «верх – низ», «подвижное – неподвижное», «мужское – женское», «центр – край», «вытянутое – округлое», «внутреннее – внешнее», «сакральное – профанное», «наполненность – пустота». Такое оппозиционирование возникает потому, что сами слова и образы как знаки обладают дискретно-семиотической природой, а наши ощущения – континуальны и не имеют четких границ и условий своего проявления. И тем не менее, символы данного ряда взаимопереходны и образуют единое мифологическое дискурсивно-перцептивное пространство.

С понятием знака и семиосферы связан и феномен *лжи*. Существенным свойством знака является то, что *он не подчиняется закону тождества*: А не равно А! – исходя из его определения – поскольку знак указывает не на себя, а на другой знак/объект. А отсюда следует достаточно интересное утверждение: в дознаковом и внезнаковом бытии нет лжи; *ложь* появляется только внутри семиосферы и *означает несоответствие знакам их значений, принятых в данной семиосфере*. Следовательно, о символе принципиально нельзя сказать, правдив он или ложен («Что такое Будда? – Три фунта льна»); эпитет является ложным, когда его заявленное значение не соответствует конвенциональному (Маршак: «вот это стол – на нем сидят»); глосса становится ложной в момент своего переформирования: с точки зрения старой новая и с точки зрения новой старая является ложной (что хорошо видно в борьбе идей – философских, религиозных, политических).

Глава 6

Психолингвистические аспекты эриксоновской трансотерапии

Понятие внушения. Понимание феномена транса. Техники наведения транса. Что такое сопротивление. Дискурсивное понимание сознания и бессознательного.

Невроз как компульсивное состояние.

Некоторые методологические аксиомы Эриксона.

Диссоциация и ассоциация. Коммутация.

Понятие личной истории. Психотерапевтическая рамка и вектор психотерапевтической работы. Общая схема психотерапевтической работы Эриксона.

Сутью эриксоновского подхода является *недирективное внушение*. По словам самого Эриксона, «*внушение – это утверждение, с которым пациент никак не может спорить*»²⁹ (ввиду его очевидности). Таким образом, для терапевтического транса характерно состояние внутреннего согласия и комфорта со стороны пациента, а само «гипнотическое внушение на самом деле представляет собой процесс *вызывания и утилизации* собственных психических процессов пациента таким образом, что они оказываются вне обычного спектра контроля его Эго»³⁰. Вкупе с идеей множественности личности (личности как совокупности ситуативных Я) психотерапевтическая работа заключается в выявлении, или «создании», такой части, которая соответствует предлагаемому врачом утвержде-

²⁹ Эриксон М., Росси Э., Росси Ш. Гипнотические реальности. Наведение клинического гипноза и формы косвенного внушения. – М.: Независимая фирма «Класс», 1999. – С. 23.

³⁰ Эриксон М. и др. Указ. соч., с. 256.

нию. Сам врач при этом ориентируется на вербальные и невербальные сигналы, исходящие от клиента, подстраивается к ним, а затем ведет в сторону своей цели.

В связи с этим Эриксон достаточно широко трактует понятие транса (что потом подхватили авторы НЛП, отождествив понятия транса и измененных состояний сознания, понимая под последними *любое* состояние субъекта вне его привычного состояния), понимая под ним любое изменение самоощущения субъекта. По мнению Эриксона, говорить о трансе можно, например, в следующих случаях:

- 1) при уходе субъекта в собственные переживания, воспоминания, соответственно, при отключении от внешних раздражителей;
- 2) когда субъект демонстрирует стереотипное поведение;
- 3) в момент разрыва стереотипной реакции (состояние замешательства);
- 4) когда субъект находится в состоянии расслабления, комфорта, сознательного неделания и незнания;
- 5) при иницировании у субъекта его ассоциативной сети;
- 6) когда субъект находится в креативном состоянии, предполагающем активное обучение чему-то новому.

Трактовка Эриксоном трансового состояния опирается на концепцию функциональной асимметрии полушарий мозга. Известно, что в каждом из нас живут две личности, существование которых определяется в том числе морфофизиологически. Такая асимметрия была выявлена в результате комиссуротомии – перерезании мозолистого тела, соединяющего оба полушария, в результате

чего сознание пациента распадалось на два, четко разделяемых аспекта. Данную асимметрию можно выразить следующей таблицей.

Левое полушарие	Правое полушарие
1. Сознание	1. Подсознание
2. Сложные абстрактные языковые конструкции	2. Простые, конкретные языковые конструкции
3. Основное внимание уделяется вербальной составляющей (значению)	3. Основное внимание уделяется контексту, выразительности – через пара- и экстралингвистические составляющие
4. Ведущим является общий смысл сообщения либо главная мысль; детали упускаются	4. Усваиваются встроенные сообщения, выделенные каким-то образом
5. Однозначность	5. Семантическая полифония
6. Четкая пространственно-временная ориентация	6. Пространственно-временная размытость, неопределенность
7. Сознание ведет себя как некий аттрактор	7. Бессознательное – как бесконечная сумма различных аттракторов

Эриксон считал транс обычным явлением, которое происходит с каждым из нас по многу раз на день. «В повседневной жизни сознание находится в состоянии постоянного колебания между постоянной ориентацией в реальном и моментами действия процессов трансовой микродинамики... Трансовый опыт и гипнотерапия являются просто продолжением и утилизацией этих нормальных психодинамических процессов. Измененные состояния

сознания... следуют в основном одной и той же схеме, но с акцентами на разных стадиях»³¹.

По словам авторов НЛП, Эриксон с огромным уважением относился к бессознательным процессам. Сам транс Эриксон рассматривал как установление прямого раппорта с Бессознательным клиента. При этом он использовал различные вербальные и невербальные техники наведения:

- 1) телесную подстройку;
- 2) трюизмы;
- 3) использование импликаций – исходных посылок, неявно лежащих в основе данного высказывания;
- 4) директивные связки («когда Вы сядете удобно в кресло, Вы можете войти в транс»);
- 5) косвенные внушения;
- 6) метафоры (притчи, истории);
- 7) ассоциации;
- 8) неоконченные фразы по принципу «сада расходящихся тропок» Борхеса, когда, как полагал Эриксон, в психике пациента возникают различные дискурсивно-образные цепочки, и он сам выбирает, куда ему идти (эта техника опирается на имплицирование высказывания);
- 9) синтаксические нарушения в своей речи;
- 10) вопросы, которые затрагивают бессознательные процессы (в дзэн парадоксальные вопросы «взрывают» компульсивную структуру сознания и/или стопорят его);
- 11) паузы;
- 12) использование неопределенных местоимений при вербальном ведении (когда-нибудь, где-ни-

³¹ Эриксон, и др. Указ. соч., с. 257.

- будь, кто-то, куда-то и пр.), пациент сам наполняет их конкретным содержанием;
- 13) команды – прямые и встроенные («кавычки»);
 - 14) использование механизмов смещения и сгущения: применение неоднозначных слов, иницилирующих одновременно различные ассоциативные цепочки;
 - 15) квазивыбор («Вам когда удобнее войти в транс – сейчас или попозже?»);
 - 16) смена смысловой интонации: «ты можешь теперь закрыть глаза» – то есть нет сомнения в том, что пациент закроет глаза; речь идет о сроке этого события;
 - 17) варьирование просодическими характеристиками речи: ритмом, интонацией, тембром;
 - 18) варьирование пространственными голосовыми характеристиками (источник голоса выше или ниже, дальше или ближе, прямо или в стороне);
 - 19) удержание клиента в рамке действий терапевта: «Я предполагал, что она будет противодействовать мне (идти на конфронтацию. – *И. Н.*), и она прекрасно продемонстрировала это противодействие» (декларирование сотрудничества);
 - 20) нарушение привычной логики и/или синтаксиса высказывания: пока сознательное внимание пациента сфокусировано на этом противоречии, терапевт может направить команду прямо в бессознательное;
 - 21) наведение скуки;
 - 22) затрагивание значимых для пациента тем и «провал» последнего в свои переживания (например, «ты помнишь те конфеты?»);

- 23) сообщения вставлены друг в друга как матрешки (двойные и тройные «петли»);
- 24) частое употребление связующего союза «и», создающего эффект непрерывности, единости разнородного сообщения;
- 25) наращивание согласия: когда клиент несколько раз говорит «да», то он автоматически согласится и на команды терапевта;
- 26) намеренное говорение противоречивой, взаимоисключающей информации, таким образом, имеет место запутанность высказывания, когда пациент теряет смысловую нить сообщения;
- 27) тавтология: повторы одного и того же в разных вариациях;
- 28) использование настоящего времени или инфинитива;
- 29) использование слов самого клиента;
- 30) применение квазиразрешения по типу «Вы можете делать то-то», – что создает на деле рамку разрешенных состояний клиента;
- 31) разрыв шаблона: например, прерванное рукопожатие или вставленная в разговор фраза, не имеющая никакого смысла в контексте данного разговора;
- 32) скрытые команды, лишаящие клиента выбора, – и тогда он «проваливается» в задаваемую реакцию (команды типа: «не упади», «не смейся», «не кури» и т. д.). Сравните: пример у Эриксона, когда одному своему клиенту, не желавшему выходить из транса, он сказал: «надеюсь, Вам не придется идти в туалет, поскольку для этого Вам придется выйти из транса».

Любое объяснение существует только в поле своей парадигмы. Понимание того, что и как делает Эриксон,

корректно формулировать в русле постструктуралистской и диалоговой парадигм. Любые психические феномены, в том числе сознание и бессознательное, описываются как дискурсивные, текстовые структуры – иначе, есть речевые феномены, функционирующие по определенным семиотическим правилам. В связи с этим теряет смысл концепция сопротивления: согласно Эриксону, *сопротивление есть просто реакция клиента на некорректно сформулированный дискурс со стороны врача* (это понимание перешло и в НЛП). Кроме этого, сознание и бессознательное можно описать в виде ассоциативных сетей или комплексов: **бессознательное – как бесконечную совокупность ассоциативных цепей и переходов, а сознание – как некий дискурсивный комплекс «накатанных» ассоциативных связей, наработанных в процессе социализации субъекта.** Соответственно, *невроз возникает в случае компульсии – когда у сознания нет доступа к ассоциативному богатству бессознательного, и оно в любых ситуациях постоянно воспроизводит одни и те же ассоциативные связи.*

Некоторые методологические аксиомы Эриксона

1. Любая реакция пациента валидна и адекватна. Поэтому врач не должен мешать пациенту в его самопроявлении.

2. Пациент приходит к врачу уже с определенными ожиданиями помощи, и одновременно (на уровне сознания) он желает показать, что он сильнее врача. Задачей врача является «стопорение» или отвлечение сознания – шоком, удивлением, согласием, скукой – и инициирование бес- и иносознательных состояний.

3. Пациент все делает сам и сам же несет ответственность за происходящее с ним.

4. Любое сообщение строится на какой-то импликации (предпосылке), которая воспринимается бессознательным как скрытая команда.

5. Каждое состояние личности (ситуативное Я, часть), в том числе и обычное состояние сознания, имеет также и соматические проекции в виде физиологических реакций (частоты дыхания, тона голоса, пульса и пр.). Отсюда — идея якорей в НЛП.

Идея фрагментации личности, носившая у Ф. Перлза негативную окраску, у М. Эриксона приобретает позитивный оттенок: «при особых состояниях транса, когда диссоциация и буквализм усилены, они могут сыграть значительную роль в формировании поведенческой реакции, поразительной с точки зрения сознания»³². Таким образом, *диссоциация* есть необходимое условие психотерапевтического сеанса, на котором врач разводит:

- части личности;
- отдельные психомоторные процессы (например, любимая Эриксоном левитация руки);
- сознание и бессознательное;
- наблюдателя (субъект) и наблюдаемое (объект);
- временные модальности (возрастная редукция и подстройка к будущему);
- цель (в НЛП – вторичную выгоду) и реакцию.

Итак, *сознание и бессознательное можно описывать как дискурсивно-сенсорные ассоциативные сети*. Формируется парная оппозиция «ассоциация – диссоциация», где ассоциация – это взгляд на себя изнутри, а диссоциация – взгляд на себя снаружи. Таким образом, ассоциация предполагает самоотождествление, а диссоциация – саморазотождествление. Отсюда, при недирективном внушении, *ассоциации есть вставленные внушения*, которые «овладевают бессознательным, пока они, в конечном итоге, не прорываются в поведенческих реакциях, которые сознательный разум теперь регистрирует с чувством удивле-

³² Эриксон М. и др. Указ. соч., с. 251.

ния»³³. Феномены же диссоциации: аутизм, каталепсия, шизофрения, амнезия, анестезия, ролевая идентификация, «патологическое одиночество» (Г. Назлоян).

Атрибутом любой открытой системы является ее обмен энергией, веществом и информацией с окружающей средой и с другими системами. В рамках диалоговой парадигмы этот обмен описывается как коммуникация. На вопрос, что такое гипноз, авторы НЛП ответили так: гипноза как особого состояния не существует, потому что все есть гипноз! Аналогично можно сказать, что *все есть коммуникация*, поскольку вне активного взаимодействия ни одна из открытых систем (к которым относятся и сами живые организмы, и их психика) существовать не может, и именно через это взаимодействие происходит их взаимная настройка, подстройка и корректировка – что можно также описывать как *создание определенной ситуативной/контекстуальной части*. Развитие данного тезиса в НЛП привело к еще более категоричному выводу: изначально мы можем полагать лишь существование сознания – поскольку каждый субъект осознает свое существование. Что касается бессознательного, то в рамках дискурсивной парадигмы его может и не быть у пациента! Тогда, прежде чем с ним работать, его еще надо создать: показать пациенту, что в его организме могут происходить процессы, не подвластные сознательному контролю.

Итак, *субъект как дискурсивный феномен детерминирован имманентными законами функционирования дискурса*. Следовательно, выявляя эти законы и выстраивая по ним свое сообщение, коммуникатор неизбежно «ведет» своего собеседника по всему многообразию текстовой структуры.

Одним из следствий такого способа описания является понимание условности, относительности личной ис-

³³ Эрикссон М. и др. Указ. соч., с. 252.

тории пациента, которая представляет собой некоторое произведение (или ассоциативный комплекс), сформированное в результате избирательной деятельности его сознания. Наше прошлое искажено нашими же избирательными воспоминаниями, которые мы отбираем, делим и корректируем в соответствии с нашими желаниями. Иначе говоря, мы создаем собственный Я-образ, отбирая в него лишь то, что способствует уходу от болевых и неприятных ощущений. С точки зрения концепции множественной личности *личная история есть совокупность отдельных личностных частей (ситуативных Я), каждая из которых имеет собственный комплекс психофизиологических реакций и, соответственно, свои якоря*. Тогда транс – это состояние, в котором возможен пересмотр личной истории, ее любая корректировка, изменение, дополнение, переписывание заново. По-другому, транс – это состояние не-делания, погружения в поток ощущений, свободы³⁴ от обыденных социальных установок на всех уровнях онтогенеза, когда решение, организующее деятельность субъекта, формируется вне его сознательной деятельности.

Эриксон разработал понятие *рамки*, которую выстраивает врач, чтобы пациент постоянно находился в зоне его контроля. При недирективном подходе такая рамка строится как предупредительное разрешение с практически неограниченным числом степеней свободы (чего стоит фраза Эриксона в отношении одной из пациенток: «я предполагал, что она окажет сопротивление, и она блестяще нам его продемонстрировала!»!), контуры которой задаются словесными формулами, ориентирующими пациента на его свободную самостоятельную работу. Одна из таких формул в общем виде могла звучать так: **«Вы сами можете/должны определить/решить, в какой мо-**

³⁴ «Чувство свободы принадлежит трансу»: Эриксон М. и др. Указ. соч., с. 206.

мент/когда **Вы сами обнаружите, что (не) можете (не) делать то-то и то-то**». Таким образом, общую схему психотерапевтического ведения можно представить в виде некоего вектора, задаваемого двумя точками: импликацией (начальной) и ожиданием (конечной) пациента.

Общую же схему работы Эриксона можно представить следующим образом: **захват и удержание** внимания (скукой, шоком, интересом, подстройкой...) – **стопорение** сознания – **инициирование** бессознательных регулятивных и творческих процессов – **следование** за этими процессами – **введение** собственных команд, ориентированных на достижение задаваемой клиентом цели.

Итак, сформулируем императивы, лежащие в основании эриксоновского подхода.

1. «Бессознательное структурировано как язык» (Ж. Лакан).
2. «Вся психология есть либо биография, либо автобиография» (этот постулат – не ирония, а, в первую очередь, ресурс).
3. Каждый из нас есть множественная личность.
4. Наш организм управляется бессознательными процессами, которые направлены на сохранение организма. Следовательно, доверяй им.
5. Есть вещи, которые наше сознание не знает, никогда не узнает и знать ему их не обязательно.
6. Сознание (как Я-концепция) есть лишь одна из множества субличностей, составляющих наш организм.

НЛП как психолингвистическая практика

Исходная задача НЛП. НЛП как коммуникационная практика. Методологические принципы НЛП.

НЛП как игра коммуникативной структуры.

Уровни личностной структуры. Механизмы искажения сообщения. Понятие и характеристика метамодел, работа с ней. Примеры синтаксических и семантических нарушений. Индикаторы определения модальности сообщения. Способы снятия инконгруэнтности сообщения. «Сенсомоторный психосинтез».

Понятия, виды и функции рефрейминга. Понятие рамки.

Фундаментальным качеством существования любой сложной открытой системы, каковой выступает любой живой организм, является ее способность и потребность в организации информационных потоков как с внешней средой обитания, так и во внутренней среде самого организма. Общеизвестны два способа такой организации, которые называются первой и второй сигнальной системами, а сам процесс обмена информацией называется *коммуникацией*. Таким образом, про любой живой организм можно сказать, что он находится в состоянии постоянного диалога как с самим собой, так и с внешней средой, где само понятие диалога подразумевает наличие адекватной обратной связи.

Целью коммуникации, или общения, выступает *сообщение*. В идеале сообщение, идущее по коммуникативным каналам, должно прийти от адресанта к адресату в первоначально отправленном, семантически неискажен-

ном виде. Однако сплошь и рядом мы наблюдаем постоянные искажения в любом аспекте коммуникативного акта, результатом чего являются такие феномены, как непонимание, превратное истолкование, невротические и психотические состояния, психосоматические заболевания, диссоциированные состояния, а в итоге – семейные неурядицы, всевозможные фобии, депрессии, суициды, симптоматические комплексы и прочее.

Создатели НЛП и поставили перед собой задачу *выявить причины и механизмы нарушения коммуникации во всех аспектах и уровнях процесса общения с тем, чтобы создать, во-первых, понятийный аппарат, пригодный для выявления и описания этих нарушений, а во-вторых – действенные методики, позволяющие нейтрализовать или компенсировать их.* Сами авторы говорили, что им хотелось ответить на один вопрос: почему существует множество психотерапевтических школ и при этом все они, каждая по-своему, действенны. Отсюда простой вывод: можно выделить то процессуальное общее, что объединяет все школы, и оформить его в виде системы алгоритмов вне конкретного содержательного контекста.

Для этого сперва было необходимо ответить на один вопрос: что вообще можно назвать психотерапевтическим исцелением, характерным для любой психотерапевтической школы? И авторы ответили на него так: психотерапевтическим исцелением можно назвать такое изменение модели мира пациента, которое предполагает получение новых стратегий восприятия-оценки-поведения, что предполагает *расширение той рамки, через которую каждый из нас смотрит на мир.* Иначе говоря, авторы поставили перед собой задачу сформулировать вне-контекстный, вне-содержательный язык, с помощью которого можно было бы формально выявлять и описывать то, что происходит во внутреннем и внешнем коммуникативном

пространстве личности, и, соответственно, воздействовать на это.

Таким образом, НЛП – это практика выявления универсальных стратегий восприятия-оценки-поведения в процессе внутренней и внешней коммуникации субъекта. А поскольку центральным способом осуществления коммуникации выступает язык, то, соответственно, авторы отталкивались в своем исследовании именно от дискурсивных искажений в коммуникативном канале.

С точки зрения диалоговой парадигмы личность как рефлексирующий феномен образуется исключительно в диалоговом пространстве (вспомним Бубера: «я становится Я, соотнося себя с Ты»). Соответственно, базовые слова языка обозначают в первую очередь внешние объекты, их характеристики и действия с ними. Таким образом, сознание формируется, усваивая вербальные знаки, обозначающие в первую очередь внешние по отношению к нему объекты, явления и процессы. *И мы описываем этот внутренний мир словами, предназначенными для описания внешнего, объектного мира.*

Именно в таком ракурсе следует понимать слова создателей НЛП, неоднократно ими произносимые на семинарах, о том, что все, что они говорят, есть ложь, и что именно так и надо к этому относиться. Ошибкой создателей различных психотерапевтических школ, считают авторы, как раз и является то, что они онтологизировали свой категориальный аппарат и технику. Сами же авторы НЛП постоянно предупреждали, что все введенные ими понятия – лишь удобный способ говорения, позволяющий продуктивно работать с внутренними (психологическими) процессами. Иначе говоря, практика НЛП опирается на признание известной автономности проявления знаков от их значений, то есть на снятие конвенциональных, шаблонных связей между знаком и значением.

При этом основной упор делается на синтаксическую работу с самими знаками, а не их значениями.

Таким образом, в отличие от психодинамики, опирающейся на концептуальные основания (выраженные мифологическим языком), и от гуманистического подхода, основой которого является эмпатия с пациентом, НЛП – это коммуникационная практика, которая делает упор не на содержание сообщения, а на стоящую за ним структуру – определенные синтаксические и семантические паттерны, которые:

- а) иницируют определенные ассоциативные связи, переживаемые как некоторое содержание;
- б) могут осознаваться в форме ощущений, образов и понятий.

Соответственно, любая вербальная и/или невербальная реакция субъекта в НЛП рассматривается как некоторое сообщение; иначе говоря, внутренний опыт субъекта, для любого наблюдателя (внешнего или внутреннего) репрезентируется психосоматическими реакциями и речевой практикой.

Применительно к речи любой субъект есть то, *что* и *как* он говорит. Авторы НЛП, по их собственным словам, начали слушать людей *буквально*, предположив, что тот или иной субъект не просто подбирает какие-то метафоры, а что именно используемые им неосознанно такие речевые обороты репрезентируют его внутренние психические процессы, то есть выражают и передают его внутреннюю реальность – то, как он воспринимает и описывает мир. Такие, например, выражения, как «Оставь прошлое *позади*» или «Сделай свою жизнь *ярче*», по мнению авторов, не просто красивые высказывания; они отражают определенные особенности того, как произнесший их субъект воспринимает мир. Это же самое касается и паралингвистических характеристик речи (*интонации, пауз,*

темпа речи, ее тембра) и невербальных (частоты и глубины дыхания, движения глаз, позы, жесты, жестикуляции, состояния кожи и пр.). Таким образом, «суть нашей деятельности в том, чтобы уделять очень малое внимание тому, что люди *говорят* о своей деятельности, и огромное внимание тому, что они *делают*. А затем мы строим модель их действия».

Трудность НЛП заключается в умении правильно слушать другого, не «проваливаясь» в собственные переживания. *Обычно речь другого человека выступает для слушающего якорем, запускающим собственные ассоциативные цепочки, переживания, и таким образом слушатель погружается в микротрансовое состояние.* Поэтому практика НЛП предполагает состояние диссоциации: слушатель должен диссоциироваться от собственных переживаний, находясь вовне («в стороне») по отношению к себе самому и коммуникативной ситуации.

На любых своих семинарах авторы неизменно предупреждают о том, что все их построения, концепции, схемы и понятия – есть ложь! То есть *вся понятийная база НЛП – лишь удобный способ внешнего вербального описания того, что происходит внутри психической реальности субъекта.* Поэтому авторы всячески предостерегают от того, чтобы онтологизировать как сами понятия НЛП, так и те характеристики, которые с их помощью производятся. Ошибкой других ПТ-школ они как раз и считают то, что их основатели слишком серьезно относились к сформулированным ими понятиями, считая, что введенные ими понятия тождественны описываемой ими реальности. В связи с этим авторы приводят следующий афоризм: «Вся психология есть либо биография, либо автобиография».

Авторы предупреждают: карта – не территория, отсюда парадоксальный вывод: *настоящим терапевтом в НЛП может стать лишь тот, кто знает, что все, что он*

делает и говорит, – неправда. Если же терапевт начинает на полном серьезе верить в объективное существование репрезентативных систем, в диалог с частями личности и прочее, то он становится очередным «психотологом», пленником содержания, от которого он должен быть как раз свободен.

В целом можно сформулировать следующие методологические принципы НЛП.

1. Декларирование Я-экзистенциального (метанаблюдателя) и Я-концепции (результата наблюдения, зафиксированного через описание).

2. Приоритет структуры (процесса) перед содержанием, которое всегда субъективно (индивидуально или конвенционально). В НЛП под структурой понимаются определенные, репрезентирующие нашу внутреннюю психическую деятельность последовательности сенсорных и дискурсивных процессов, построенные по априорно заданным правилам.

3. Каждый субъект живет в собственно им созданной модели мира, построенной по определенным правилам, которые можно сформулировать.

4. Речь есть прямая репрезентация внутреннего опыта субъекта.

5. Любое описание есть лишь некоторый удобный способ осмысления психических процессов для того, чтобы было удобно с ними работать («Мы не предлагаем вам ничего истинного – только полезное»!).

6. Смысл всей работы – в расширении пространства выбора. Иными словами, психологическая работа должна сводиться не к замене одних реакций другими, а к дополнению старых реакций новыми. Если у человека нет выбора стратегий, он превращается в робота. Только наличие выбора отличает свободную полноценную личность от механизированного человека. Данное простран-

ство можно создавать разными способами, но суть их всех одна – выход за рамки привычных шаблонов, стереотипов мышления, оценки, поведения (например, через использование вопросов метамодели: «что произойдет, если Вы это (не) сделаете?» или «что случится, если это (не) произойдет?»).

7. Человека можно описать как множественную личность, где каждая из частей представляет собой некое ситуативное/контекстуальное Я, возникшее в определенной ситуации онтогенеза и выполняющее важную позитивную функцию. «Все мы – сложные и сбалансированные организмы», в которых *сознание составляет лишь малую и наименее информированную часть нашей личности*. Следовательно, упор в коммуникации делается на контакт с бессознательными частями личности. Общение между частями осуществляется через ощущения, образы, мысли и слова.

8. Отличие здоровых множественных личностей от патологичных определяется двумя признаками:

- а) непрерывностью: мы помним и отслеживаем свои состояния;
- б) целостностью: мы можем произвольно входить в желаемую субличность.

Соответственно, психическая патология проявляется в обособлении субличностей друг от друга и от сознания (расщепленность) и в невозможности их произвольного выбора (переход совершается спонтанно, неподконтрольно).

9. Авторы говорят: мы все – психотики; мы все живем каждый в своей реальности. Отличие президента крупной компании от сумасшедшего заключается лишь в том, что реальность первого хотят разделять и другие люди, а к реальности второго никто не хочет присоединяться. Следовательно, *центральной задачей психотера-*

психического исцеления является не замена одной реальности на другую, а научение пациента разделять с другими их реальность; не обязательно при этом отказываясь от собственной (С. Гроф также подчеркивал, что главное не в том, соответствует ли общепринятой реальности реальность пациента, а в том, как он способен ее интегрировать).

10. Разведение понятий цели (*вторичной выгоды*) и реакции (способа ее осуществления).

11. Любой человек обладает необходимыми *ресурсами* для изменения, лежащими в области его индивидуального онтогенетического опыта, следовательно, дело лишь за тем, как сделать их доступными.

12. Человек всегда делает лучший выбор из тех стратегий поведения, что у него есть в наличии на данный момент. Поэтому необходимо научить человека практике доступа к его внутренним ресурсам с тем, чтобы *расширить пространство выбора*.

13. Психотерапия в целом не сводится к замене одной, мало- или неконструктивной реальности на другую, более конструктивную. Все субъектные реальности являются картами территории реальности и являют собой некоторые способы ее построения. Конечная цель терапии в НЛП сводится к тому, чтобы субъект мог успешно переходить из одной *своей* реальности (способа ее построения) в другую, находясь при этом в состоянии согласия/конгруэнтности со своими частями и другими личностями.

Или, если короче:

1. Мир не таков, каким мы его себе представляем, или моделируем.

2. В каждом из нас функционируют механизмы, накладывающие определенные ограничения на наше восприятие мира (селектирующие поток информации), с помощью которых формируется субъектный образ мира.

3. Любые дискомфортные переживания вызваны тем, что сложившаяся модель мира больше не отражает адекватно среду обитания.

4. Отсюда: для того чтобы вывести человека из дискомфортного состояния любой этиологии (фобии, депрессии, неврозы, психозы), необходимо изменить его модель мира.

В общем, НЛП «не догма, а руководство к действию». Поэтому его нельзя представить как некую стройную законченную теоретическую и практическую систему. Пытающийся сделать это создаст лишь очередную «психотеологию» с догматичным содержанием, убив живой дух трансформационных практик. Одна из главных мыслей авторов: **«если не работает что-то одно, придумайте что-либо другое; что-то из другого обязательно сработает»!**

Отсюда *сутью НЛП является вовлечение личности в поток постоянных изменений*. Практически каждый человек стремится к состоянию постоянства и непрерывности, что предполагает цепляние за память, привычки, стереотипы. Мы принимаем компульсию за жизнь, а изменения – за смерть, которую мы боимся, поэтому мы цепляемся за одни и те же реакции восприятия-оценки-поведения, избегая изменений. Поэтому-то НЛП – это игра, игра коммуникативных вербальных (языковые игры) и невербальных (кинестетические игры) процессуальных структур (а, как известно, целью игры выступает она сама).

Данное понимание НЛП опирается на постструктуралистскую парадигму, согласно которой реальность подобна свободно играющему тексту, по которому можно двигаться в любом направлении, находя в нем любые смыслы, выделяя в нем структуры любой степени сложности. Неотъемлемым же условием любой игры выступает то, которое авторы назвали «заклучение в кавычки».

Иначе говоря, в любой игре необходимо помнить о том, что это игровая, а не подлинная реальность. Любое содержание, в том числе и содержание НЛП, – это кавычки, и самая большая опасность – это уверовать в его реальность, в то, что люди – это множественные личности, что они делятся на визуалистов, аудиалистов и кинестетиков, что мои комментарии кинестетических реакций партнера объективно отражают его внутреннюю реальность и т. д. Применительно к традиционной психологии утрата кавычек заключается в вере в то, что существуют Эго, Ид, Супер-Эго, архетипы, коллективное бессознательное, «Родитель», «Взрослый», «Ребенок»...

Рассматривая субъекта психолингвистически, авторы выделяют три уровня в личностной структуре: самый глубинный – уровень жизненного опыта (репрезентируемый физиологическими реакциями, ощущениями, моторикой), над ним – уровень глубинной речевой структуры, самый верхний – уровень поверхностной речевой структуры. Каждый нижележащий уровень представлен в верхнем. Уровень *жизненного опыта* есть совокупность всех впечатлений, переживаний, ощущений, которые индивид получает в онтогенезе. Уровень *глубинной речевой структуры* (ГРС) – это тот вербальный уровень репрезентации жизненного опыта, который синтаксически и семантически *правильно* (то есть в соответствии с лингвистическими правилами функционирования языка) и *полно* выражает внутренние ощущения. Наконец, уровень *поверхностной речевой структуры* (ПРС) представлен нашей обыденной, привычной речью, которая, разумеется, не отличается полнотой и правильностью при изложении нашего личного опыта. Тот уровень, что лежит ниже, называется *референтной структурой* (которую представляют), а тот, что выше, – *репрезентативной структурой* (которая представляет).

Разумеется, что вербальная речь не существует сама по себе – без подстилающей ее невербальной знаковой системы: жестов, поз, мимики, интонации, частоты дыхания, речевого ритма и пр. Отсюда следует важное условие: вербальная и невербальная составляющая речи должны быть адекватными друг другу, или *конгруэнтными* (простой пример: говорить «я рад тебя видеть» апатичным тоном; говорить «да», а в это время головой качать «нет»). Инконгруэнтность есть следствие нарушения работы механизмов репрезентации при перебрасывании информации с нижнего уровня на верхний. Отсюда вытекает необходимость идти вглубь и реставрировать исходное сообщение. Иногда можно ограничиться уровнем ГРС, иногда – погружением в самую глубину (методика подстройки).

Три механизма обеспечения репрезентации, которые вносят изменения в передаваемую вверх информацию, это – обобщение/генерализация, опущение/сужение и искажение. *Обобщение* – это процесс, когда частный случай репрезентирует некое множество подобных ситуаций. С одной стороны, подобное обобщение позволяет получить некоторое знание путем экстраполяции, с другой – создает некую устойчивую стратегию восприятия-поведения, которая генерирует негативное отношение к новому, препятствуя личностному развитию («обжегшись на молоке, дует на воду»; «не подходи к воде – утонешь»; «все девчонки – плаксы» и пр.).

Опущение, или сужение, есть процесс разделения всего информативного массива на значимую в данный момент фигуру и остальной фон. При этом сужение канала восприятия происходит на основе уже заранее сформированной установки и отрицания (искреннего, чаще всего) тех сигналов, которые этой установке противоречат. Иными словами, убежденный в чем-то человек на уровне со-

знания может совершенно не воспринимать того, что не соответствует его представлениям.

Под *искажением* авторы понимают такое изменение потока информации, когда он качественно меняется на входе в сознание. При этом в сознании возникает совершенно другая картина данной ситуации, чем если бы ее наблюдал нейтральный участник (пример самих авторов: вы рассказываете что-то веселое, и ваши собеседники улыбаются; к вам подходит человек, с которым у вас плохие отношения и тоже начинает улыбаться; первая мысль: «он смеется надо мною, он хочет сделать мне больно»).

Все три процесса взаимосвязаны друг с другом, то есть взаимосцеплены: и генерализация, и сужение есть ~~искажение, если я суживаю информационный поток по~~ одному параметру, то начинаю его неосознанно обобщать по другому. Любое абстрагирование есть искажение: я отделяюсь от одних факторов и допускаю универсальное действие других. Любой наш вывод есть генерализация, любой эксперимент есть опущение, такой творческий процесс, как рисование, есть искажение. Эти механизмы универсальны и действуют при переходах с уровня на уровень. *Задачей НЛП является распознавание и нейтрализация этих механизмов в процессе работы с клиентом.*

Таким образом, авторы приходят к понятию мета-модели. Любая психотерапевтическая школа в своей теории и практике опирается на некоторый идеальный, целостный образ, гештальт, разворачивая который, можно привести устремления и ожидания клиента в соответствие с нормой – где под нормой понимается соответствие системы восприятия-оценки-поведения клиента базовому психотерапевтическому мифу данной школы. Поскольку школ психотерапии великое множество и все они так или иначе помогают своим клиентам, то появляется закономерная идея исследовать работу отдельных харизматиче-

ских психотерапевтов и попытаться максимально формализовать, или структурировать, их действия, основанные частью на их сознательном, частью на бессознательном опыте. В результате такой формализации была выявлена некая модель, которая могла служить единым языком описания психологического воздействий и изменений. Эта модель для описания моделей мира клиентов и работы с ними и называется метамоделью. Здесь следует четко понимать, что метамодель не является еще одним психотерапевтическим мифом в том смысле, что она создает собственную онтологию. *Метамодель есть система формализованных отношений, которая целиком направлена не на объяснение мира (почему?), а на сам процесс изменения-расширения опыта клиента (что? и как?) без того, чтобы придавать этим изменениям онтологический статус.*

В основе любой речи лежит определенная языковая структура. Разговорный язык потому и назван живым языком, что он подобен плющу, растущему верх по опоре, которая задает его форму и направление развития и которая скрыта внутри растения. Таковой опорой для дискурса выступает языковая структура, не зависящая от контекста, или от ситуативной наполненности, и имеющая собственную логику функционирования (пример синтаксически правильных фраз: «Бесцветные зеленые идеи яростно спят»; «И хрюкотали зелюки как мюмзики в мове»).

Метамодель, которая есть ГРС, характеризуется определенными условиями, которые не соблюдаются в ПРС:

1) семантической правильностью и полнотой.

В ПРС предложения могут быть семантически неправильными и неполными, в том числе и такие высказывания, как «Мой муж ужасно злит меня» – что означает: «Один человек заставляет другого человека испытывать некоторые чувст-

ва». Здесь семантическая неправильность заключается в том, что пациент смешивает некий процесс, происходящий вне его, с собственными восприятием и оценкой этого процесса, которые находятся в рамках его модели; таким образом, он не берет на себя ответственность за происходящее и попадает в зависимость от фактора раздражения;

- 2) синтаксической правильностью и полнотой (то есть структура текста должна быть выстроена в соответствии с правилами функционирования данного языка и со всеми членами предложения – так, чтобы фраза была максимально конкретной и развернутой);
- 3) однозначностью смысла высказывания. Пример: предложение «Гости из Москвы уехали», принадлежащее ПРС, на уровне ГРС имеет две лексические формы:
 - а) «Московские гости уехали»;
 - б) «Гости уехали из Москвы»;
- 4) наличием референтных индексов, или конкретных указателей объектов действия. То есть не должно быть обезличенных предложений, неопределенно-личных или обобщенно-личных;
- 5) отсутствием пресуппозиций – предложения, которое должно существовать и быть истинным, чтобы другое предложение, проговариваемое в ПРС, тоже было истинным. Например, фраза «У меня пропала собака» дает все основания предполагать наличие скрытого истинного предложения «У меня была/есть собака». Более сложная пресуппозиция: фраза «Мои дети не слушают меня» предполагает наличие такой пре-

суппозиции, как «Я не могу контактировать со своими детьми». Соответственно, центр тяжести проблемы переносится с обсуждения детей (которые в первом случае несут ответственность), на обсуждение проблем пациента (перенос ответственности на него). Таким образом, *пресуппозиции указывают на ограничения в модели мировосприятия пациента, которые он сам, оставаясь в рамках этой модели, не осознает;*

- 6) отсутствием синонимии: один и тот же смысл можно передать в ПРС разными по конструкции фразами, например, «я купил книгу» и «мною была куплена книга». На уровне ГРС это будет единый языковый паттерн;
- 7) отсутствием номинализаций (что нельзя сложить в тачку) – слов, которые в ПРС обозначают состояние (то есть нечто застывшее) и представлены именами существительными, а в ГРС – процесс, активное действие, и выражаются глаголами³⁵. *Номинализация показывает, что имеется некоторая ситуация, над которой клиент*

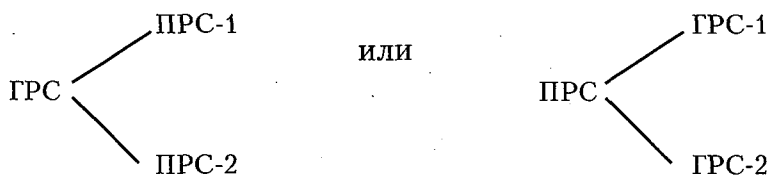
³⁵ Мы уже говорили о том, что любой объект может быть представлен как совокупность определенных качеств, свойств и отношений, которые выражают не сам этот объект, а субъективное состояние индивида. Одна из точек зрения на становление языка предполагает, что первыми и наиболее активными центрами речеобразования выступали глаголы (не случайно по-славянски «слово» и есть «глагол»). В английском языке процесс перехода глагола в существительное более заметен (суффиксы *-ment, -er, -ing, -ship, -able*), в русском – менее. И все же есть легкоузнаваемые номинализации – например, имена событий, процессов (решение, боязнь, подготовка и пр.), а есть имена объектов, которым мы придаем статус самостоятельного, независимого существования и которые нельзя перевести непосредственно в глаголы (стул, кружка, книжка...). Однако предполагается, что в ГРС эти имена предметов есть менее очевидные (более глубокие) номинализации, которые репрезентируют в сознании комплекс определенных энергетических, пространственно-временных, информационных, функционально-потребностных и прочих качеств в виде некоего поименованного объекта. Это соотносится со словами Мэн-цзы: «Вещи становятся тем, чем они становятся, когда люди дают им имена».

не властен, которая отчуждена от него и довлеет над ним. Перевод ее в глагол восстанавливает связь между данным событием и клиентом – так, что это событие становится подвластным последнему (пример: «решение» – это застывшее, окончательное и необратимое, тогда как «решить, решаю, решу» звучит более оптимистично и продуктивно)³⁶;

8) отсутствием неконкретных глаголов, то есть глаголов без разъяснения действия («Отец обидел меня» – не понятно, как именно обидел, в чем и где это проявилось);

9) отсутствием кванторов общности: всегда, никогда, нигде, везде, всякий раз и пр.

Таким образом, отношения между ПРС и ГРС могут быть:

В целом авторы исходят из предположения, что *правильные предложения речи пациента правильны так-*

³⁶ Если в диалоге между двумя сторонами или в рассказе одного участника про другого имеются номинализации, это может означать, что входной канал рассказчика не стыкуется с выходным каналом собеседника. Работа терапевта по деноминализации сообщения может вызвать бурную реакцию первого. Эта реакция показывает болевую точку в коммуникативном процессе между данными его участниками и одновременно выступает условием разрешения ситуации. Здесь возможны два варианта в работе терапевта по устранению коммуникативной нестыковки:

- 1) каждая из сторон научается понимать язык сообщения другой;
- 2) сближение ведется на «нейтральной территории» с применением языка другой репрезентативной системы, отличной от таковых систем общающихся.

же и в психотерапевтическом отношении. Применяя к ПРС пациента вышеназванные условия правильности, врач получает в свое распоряжение эксплицитную стратегию, позволяющую ему вызывать изменения в модели пациента.

В процессе обсуждения проблем клиента действия психотерапевта направлены на восстановление нарушенных частей метамоделей. Все нарушения, о которых я сказал ранее, обедняют опыт клиента, накладывают на него ограничения, за которые сам клиент не может выйти. Поэтому на начальном этапе взаимодействия врач в беседе с пациентом определяет нарушения в его вербальном предъявлении, сравнивая речевую структуру пациента с условиями метамоделей. Задачей врача в диалоге является следующее: *через выявление нарушений метамоделей в ПРС пациента восстанавливать отсутствующие части и тем самым вызвать в пациенте процесс изменения-расширения его внутреннего опыта – таким образом пациент должен будет занять метапозицию по отношению к собственному прошлому самовосприятию.* Базовым принципом предполагаемого подхода является идея, что человеческие страдания вызваны не свойствами мира, а ущербностью, селективностью, ригидностью людских представлений о мире.

Первый этап работы – восстановление утраченных частей метамоделей – начинается с уточняющих вопросов: «как именно?», «чего именно?», «кто/что именно (дает вам это/не дает вам это)»? «что случилось бы, если бы...?» и пр. (в случае опущения: «я боюсь» – «чего именно?» или «как именно?», «как вы узнаете, что боитесь?»).

Второй этап работы заключается в том, чтобы привести ПРС пациента (в его сознании!) в соответствие с идеальной ГРС, синтаксически и семантически полной и правильной. Тем самым происходит восполнение, расширение

Я-концепции клиента, его личной истории. Отношения пациента с миром меняются, появляются новые оценки ситуации, соответственно, новые стратегии выбора.

Уровень жизненного опыта обладает мощными позитивными факторами воздействия, которые называются ресурсами, хранителем которых выступает наше бессознательное. Именно там есть все необходимое для изменения личностной структуры. Следовательно, необходимо обеспечить доступ к собственным ресурсам, которые проявляются в виде аффектных катарсических переживаний («позитивных» и «негативных») или инсайта. Все это сопровождается мощным энергетическим всплеском. Существуют различные способы обеспечения доступа к своим ресурсам. Авторы НЛП в качестве такового, обеспечивающего доступ к ресурсам, взяли алгоритм восстановления ГРС пациента, заключающийся в последовательном устранении всех синтаксических и семантических нарушений его ПРС (эксплицитная модель психотерапии).

При восстановлении ГРС пациента есть одно правило: даже если врач видит сам какие-то пробелы в модели пациента, он не должен давать советов о том, как справиться с трудностями. Дело в том, что структура модели пациента такова, что он просто не воспринимает эти пробелы, для него его модель целостна и непротиворечива. Поэтому усилия врача должны быть направлены на то, чтобы пациент своими ответами сам бы восстанавливал свою полную речевую структуру, поскольку одновременно с этим начинает меняться его восприятие мира и собственного опыта (недирективный подход).

Непременное условие работы психотерапевта в НЛП – это отстранение от собственного контекстуального восприятия ситуации, которую описывает и в которой находится клиент. Такое отстранение возможно удержи-

вать, целиком сосредоточившись именно на формальной стороне дела — то есть на отслеживании синтаксических и семантических неправильностей в речи клиента. В психоанализе подобная контекстуальная вовлеченность называется контрпереносом. Максимальная формализация беседы позволяет также не допустить и явления переноса. В НЛП не должно быть ситуаций типа «Ну, вы понимаете, что я имею в виду» или выстраиваний терапевтом собственных образов в ответ на сообщение пациента («мне плохо», «я злюсь», «он меня обидел»). Радикальным способом от искажений в восприятии, имеющих контекстуальную/ситуативную природу, и выступает четкое следование терапевтом логике метамоделей.

Итак, *сутью работы терапевта является такое выстраивание речи пациента с помощью наводящих вопросов, чтобы сообщение последнего приобрело предельно конкретизированную, полную и правильную форму.*

Рассмотрим теперь некоторые примеры восстановления полноты и правильности ГРС:

Опущения:

1. «Уход не помог»: четыре опущения:
 - 1) чей уход?
 - 2) откуда уход?
 - 3) кому/чему не помог?
 - 4) в чем именно не помог?
2. «Ты говоришь так, будто злишься»: два опущения:
 - 1) говоришь с кем?
 - 2) злишься на кого?
3. «Ребенок сказал, что он испугался»
 - 1) сказал кому?
 - 2) испугался чего/кого?

Имеются *три класса опущений*:

- 1) связан со сравнительными и превосходными степенями сравнения: *быстрее-е, лучший/е, более*

смелый, *самый/наиболее* важный. Восстановление: «по сравнению с чем/кем?»;

- 2) связан с наречиями, которые часто принимают форму вводных слов: очевидно, к сожалению, вероятно: «Очевидно, она не любит меня». Эту фразу можно изменить так, чтобы вводное слово стало осознаваться: «Очевидно, что она не любит меня», или «Является очевидным тот факт, что она не любит меня». Это есть первоначальное устранение опущения, а дальше терапевт переходит к вопросам метамоделей: «Кому это очевидно?»;

- 3) класс модальностей, или долженствований: должен, следует, необходимо, надо, невозможно, никто/ничто не может, нельзя. Расширение: «а если нет, то что?», «а иначе что?», «что случится, если...?» или: «что делает невозможным?», «что мешает вам?», «что останавливает вас?».

Искажения: в частности, номинализации. Как уже говорилось, целью устранения номинализаций является такое выправление языка пациента, чтобы этот язык отражал не статику, а динамику жизни, отражал бы жизнь как динамично меняющийся и развивающийся процесс, в котором пациент играет не пассивную, а активную и ответственную роль. Пример: «Его смех вызывает во мне злость»: две номинализации (смех и злость). Авторы предлагают два способа выявления номинализаций.

Первый способ: номинализацией является такое существительное, к которому можно прибавить прилагательное «непрерывный», «длящийся», «внезапный» – то есть те, которые характеризуют некие процессы.

Второй способ: если предметы можно поместить в тачку – это не номинализации.

Генерализация: процесс непропорционального обобщения частного случая. Для обнаружения генерализаций применяются два главных способа:

- 1) проверка глаголов (слов, выражающих процесс) на конкретность;
- 2) проверка фразы на наличие в ней референтных индексов, или та же конкретизация.

Референтные индексы: Предложения, где встречаются слова «они», «все», «никто», «люди», «что», «ни на что», «всегда», «нам», «каждый», «когда-нибудь», «что-нибудь», «где-то», «много чего», «уйма вещей», «уйма всего», «все время» и другие, показывают нам отсутствие в них референтных индексов – слов, конкретно указывающих на субъекта действия, само действие, условия и обстановку действия. примеры таких предложений (у авторов): «Я люблю собак, которые доброжелательны (?) ко мне»; «Каждый (?) когда-то (?) испытывал что-то похожее (?)»; «Мы (?) не хотим видеть его таким (?)».

Имеются два множества слов, не имеющих референтных индексов. Первая группа – это *обычные слова*, которые в каком-то предложении несут размытое значение («собаки, которые доброжелательны ко мне»). Второе множество – это *кванторы общности*, или неопределенно-личные и безличные местоимения и наречия, которые сами по себе изначально безындексны (все, каждый, любой, никто, никогда, нигде, ничто). При работе с ними в ПРС можно либо задать конкретный вопрос, либо усилить неопределенность. Например. Пациент: «Никто не обращает на меня внимания»; терапевт: «Итак, вы *утверждаете*, что *никто нигде и никогда не оказывал и не оказывает* вам *никакого* внимания?». В этой фразе мы используем и генерализацию, и устранение предполагаемого опущения,

и усиление драматичности за счет применения кванторов общности.

Другой пример. Фраза: «Никому нельзя верить». Трансформация для метамоделей может проходить разными способами:

- 1) «Утверждаете ли вы, что никто никому не может и не должен верить ни при каких обстоятельствах?»;
- 2) «А вы верили кому-нибудь когда-нибудь?», «А у вас были ситуации, когда вы верили?», «А вы можете придумать ситуацию, в которой смогли бы кому-нибудь поверить?»;
- 3) ~~«Что мешает вам поверить кому-либо?»~~ «Что случится, если вы поверите кому-либо?»;
- 4) наконец, сам терапевт может спросить: «Верите ли вы мне в данной ситуации и в данный момент?».

Для восстановления метамоделей в НЛП применяется процедура сдвига референтных индексов. Что это такое, проще понять на конкретном примере, приведенном авторами: «Мой муж всегда препирается со мной» и «Мой муж никогда не улыбается мне». Сдвиг референтных индексов означает замену выражений «мой муж» на «я сама» и «со мной» на «с ним». То же – и во втором случае. В результате, выслушивая эти фразы и производя сдвиг референтных индексов, терапевт создает в уме другие фразы, принадлежащие той же ПРС, но опущенные клиенткой: «Я всегда препираюсь с мужем» и «Я никогда не улыбаюсь мужу». Соответственно, восстановление предполагаемой метамоделей можно начинать с вопроса: «Вы всегда препираетесь со своим мужем?» или «Вы сами когда-нибудь улыбаетесь мужу?» (референтные индексы можно сдвигать не только по схеме «он – я», но и по схеме «он, один – он, другой»).

Обратим внимание на то, что здесь имеются два типа семантических конструкций. В случае с первой фразой обязательность и достоверность существования ее реверсивной формы не вызывают сомнения: если муж препирается с женой, то и жена не может не препираться с мужем. Во втором случае неулыбчивость мужа не обязательно подразумевает неулыбчивость жены. В обоих случаях терапевту для восстановления метамодели необходимо выяснить существование скрытого сообщения – скрытого для сознания самого клиента. Поэтому этот пример подходит и для демонстрации presupпозиций.

Семантическая неправильность

1. Причина и следствие: Уже приведенный ранее пример «Мой муж ужасно злит меня» → «Мой муж вызывает во мне чувство злости» (тоже неправильная форма, поскольку не выяснено, что именно он делает, что вызывает злость у жены); «Мой муж любит меня» → «Мой муж вызывает во мне чувство, что я любима».

Другая форма нарушения причинения: «Я хочу пойти учиться, но у меня маленький ребенок», «Я мог бы открыть свое дело, но у меня нет для этого денег». Восстановление метамодели – через задавание проясняющих и конкретизирующих ситуацию вопросов: «Значит, если бы... то...?» или, *вводя усиливающий драматизм ситуации оператор необходимости*, «Итак, вы утверждаете, что то, что... действительно необходимо, не позволяет...?». Общая схема нарушения: «вижу/слышу – чувствую».

2. «Чтение мыслей»: к этому классу семантических нарушений принадлежат высказывания, в которых один субъект предполагает переживания или действия другого: «Я знаю, что для тебя лучше!», «Мне кажется, он расстроился», «Я уверен, что ты оценишь меня», «Если бы

она меня любила, она бы это сделала», «Он злится на меня». Восстанавливающие вопросы: «Как конкретно он это делает?», «Откуда вам это известно?», «Всегда ли, когда он это делает, это... вас?». Общая схема нарушения: *«чувствую – вижу/слышу»*.

3. Утраченный перформатив: это генерализованное высказывание, в котором утрачено субъектное отношение. Соответственно, его надо восстановить: «Плохо не помогать людям» – перевести в «Я говорю вам, что для меня плохо не помогать людям».

4. Эквивалентности: случаи, когда обычно две фразы выстраиваются одна за другой, и при этом они имеют равный смысл. Пример: «мой муж никогда не ценит того, как я для него стараюсь, и он совершенно не замечает меня» (здесь помимо эквивалентности, еще и кванторы общности, неопределенные глаголы, генерализация, опущение (стараюсь что именно?), чтение мыслей, утраченный перформатив). Выявление эквивалентности – через вопрос о том, означает ли одно высказывание то же, что и другое.

Итак, в целом можно сделать вывод: *все названные нарушения имеют контекстуальную природу. Каждый из нас имеет собственную модель мира, в соответствии с которой он и организует свое невербальное и вербальное поведение. Эта модель сложилась как результат якорения исходных ситуативных моментов, которые, повторяясь в нашем обыденном опыте, все больше закреплялись в психике.*

Поскольку мир вокруг постоянно меняется, то рано или поздно любая модель из защитной и адаптивной превращается в ригидную, мешающую адекватному самовыражению в изменившихся условиях. Для того чтобы осознать свою модель, необходимо выбить клин клином: выйти из контекста в метаструктуру – то есть рассмотреть

структуру собственной структуры. И удобнее всего это сделать через язык – как главный способ предъявления человека себе самому и другим.

Кроме того, наше обычное общение связано с тем, что каждый из нас постоянно перетаскивает другого в свой собственный контекст и воспринимает и оценивает его исключительно в рамках своего контекста. Отсюда вывод: *неполнота и противоречивость наших высказываний есть производная контекстуальной/ситуативной природы нашей личности*. Язык как четкая знаковая система сам по себе обезличен, унифицирован. Именно субъект через свой жизненный опыт делает язык речью, наполняет его личностным смыслом. Но в процессе одушевления/оживления языка неизбежно происходит редукция его структуры, поскольку жизненный опыт субъекта сам по себе не универсален и ограничен конкретными, культурно-историческими условиями среды его становления и развития.

Сутью *вербальной* части практики НЛП выступает стремление терапевта привести ПРС пациента в максимальное соответствие с его ГРС, которая является одинаковой для всех прирожденных носителей данного языка. При этом полагается, что языковая правильность самопредъявления есть одновременно и психотерапевтическая правильность. Следовательно, приведение в порядок ПРС приводит в порядок личность пациента – через расширение его модели мировосприятия и возросшую сензитивность к другим аспектам информационного потока.

Сам акт передачи сообщения можно описать следующим образом. Когда мы хотим сказать какое-то слово, в нашей психике появляется (точнее, инициируется) его образ (не обязательно зрительный) – как некий психический след, оставленный на самом нижнем уровне – на

уровне личного опыта. Данный образ, или аналог, ассоциативными связями сцеплен с всевозможными свойствами, репрезентация и комбинация которых определена исключительно особенностями как самой личности, так и тех ситуаций, которые вызвали наиболее значимое запечатление данного образа. Самый простой пример: слово «дерево» вызывает различные образы у биолога и столяра. Образы разные, а слово – одно. Что же тогда говорить о передаче и восприятии не одного слова, а хотя бы одной фразы: здесь не только иницируется много аналогов, но, в силу системной природы фразы (как знаковой системы), вступают в действие такие факторы, как голосовые модуляции, смысловые ударения, жесты и позы. Отсюда в самом общем виде можно построить коммуникативный акт в виде цепочки:

*аналог¹ – знак¹ – сообщение как система знаков
и их значений – знак² – аналог².*

Следовательно, эффективной коммуникация может быть лишь тогда, когда в результате процесса общения обеспечивается точная передача аналога.

Встает вопрос: как можно определить адекватность воспринимаемой и передаваемой информации? Одним из источников создания НЛП является концепция разнородных функций полушарий головного мозга. Общение – это процесс, в который вовлечены оба полушария мозга. Согласно одному исследованию, при общении 55 % информации передается через позу, жесты и выражение лица, 38 % – через интонацию и голосовые модуляции, и только оставшиеся 7 % составляют значения слов. Отсюда любое наше сообщение не может не сопровождаться невербальными, паравербальными и экстравербальными процессами. Поэтому всегда наше общение носит контекстуальный, ситуативный характер, а его смысл определяется в первую очередь не тем, *что* мы говорим, а тем, *как* мы это делаем.

Используя идею асимметрии полушарий мозга, о том, что левое полушарие преимущественно знаковое (дискретное), а правое – аналоговое (континуальное), в НЛП были выделены три типа, или модальности, в которых формируются аналоги: визуальная (аналог в виде зрительных образов), аудиальная (аналог в виде звуко-комплекса) и кинестетическая (аналог в виде ощущения, вкуса, осязания, обоняния). Кроме того, в последствии к ним была добавлена и дигитальная модальность. Были также выявлены следующие *индикаторы определения модальности*:

- 1) *словесные предикаты*;
- 2) *глазные сигналы доступа*;
- 3) *отслеживание голосовых характеристик и жестовых движений (пара- и экстралингвистических параметров)*.

В первом случае коммуникатор отслеживает в речи своего собеседника слова и фразы, указывающие на ту или иную модальность. Вот примерный перечень предикативных слов, выражающих ту или иную аналоговую систему.

Визуальная: *видеть, казаться, ясно, туманно, оза-рило, расплывчато, сфокусировано, вообразить, кристально, предвидеть, дальноручный, близоручный, ярко, тускло, прозрачно, красиво* и пр.

Аудиальная: *слышать, звучать, гармонично, тихо, глухо, быть услышанным, хрустящий, звонкий* и пр.

Кинестетическая: *чувствовать, трогать, прочный, твердый, мягкий, вкусный, схватить, выскользнуть, легко, уютно, тепло, вкусно* и пр.

Дигитальная: *воспринимать, понимать, думать, узнавать, постигать, определенно, знать, осознавать, мекать* и пр.

Перечень предикативных фраз

Визуальные	Аудиальные	Кинестетические
Ни тени сомнения	На слуху	Держать себя в руках
Взгляд сверху	Шепнуть на ухо	Прочная основа
Туманный вид	Говоря по правде	Горячий спор
С глазу на глаз	Неслыханно	Сидеть в печенках
Расширить перспективы	Слово за слово	Вверх ногами
Смутная идея	О чем речь	Выскочило из памяти
В свете этого	Пустой разговор	Острый язык
Устроить сцену	Переговорить кого-то	Следовать за кем-то
Внутренним взором	Красноречивый	Надуть губы
Невооруженным глазом	Навострить уши	Мягкий человек
Показуха		Твердокаменный
Под самым носом		Ходить по краю
Ввиду того, что		Нащупать что-то
Нарисовать картину		Поддержать
Обратить внимание		Держись!
Ясно выраженный		Это круто!
Мне кажется		

На модальности указывают не только отдельные слова и фразы, но и предложения. Авторы приводят не-

сколько примеров того, как разные аналоговые системы передают одно и то же сообщение.

Значение: **Я (не) понимаю вас.**

Визуальная: Я (не) вижу, что вы говорите.

Аудиальная: Я (не) слышу вас достаточно отчетливо.

Кинестетическая: Я (не) чувствую, что то, что вы говорите, правильно.

Значение: **Я что-то хочу сообщить вам.**

Визуальная: Я хочу вам что-то показать.

Аудиальная: Я хочу, чтобы вы внимательно выслушали то, что я вам скажу.

Кинестетическая: Я хочу, чтобы вы что-то почувствовали.

Значение: **Опишите мне свой опыт в данный момент.**

Визуальная: Нарисуйте/покажите мне ясную картину того, что вы сейчас видите.

Аудиальная: Расскажите мне подробнее о том, что вы сейчас говорите.

Кинестетическая: Позвольте мне коснуться того, что вы сейчас чувствуете.

Значение: **Мне нравится то, что я сейчас испытываю.**

Визуальная: Мне представляется это ясным и блестящим.

Аудиальная: Я слышу в этом нечто хорошее.

Кинестетическая: У меня это вызывает хорошие чувства (хорошее ощущение).

Значение: **Вы понимаете, что я говорю?**

Визуальная: Видите ли вы то, что я вам показываю?

Аудиальная: Вы хорошо слышите, что я вам говорю?

Кинестетическая: Чувствуете ли вы, что то, к чему вы сейчас прикасаетесь, это то, что надо?

Во втором случае используемый тип модальности определяют по положению зрачков собеседника. Поле

движения зрачка разделено на 9 секторов, и означает следующее (схема дается для правши!): если зрачки вашего партнера двигаются (относительно вас) вверх (три позиции) или смотрят прямо, – это показывает, что задействована визуальная система (то есть аналог инициируется средствами данной модальности), если вбок (влево, вправо) и вниз вправо – то задействована аудиальная модальность (движение к ушам), вниз и вниз-влево – кинестетическая модальность (движение к носу, языку и телу). Но каждый образ является нам в двух аспектах – уже готовым, зафиксированным нашим жизненным опытом, и сконструированным силой нашего воображения.

В этом случае, когда происходит вспоминание/поиск в визуальной модальности – зрачки партнера устремляются прямо или влево вверх или остаются по центру; когда партнер конструирует образ – зрачки смотрят вправо-вверх. Это задействована эйдетическая память. Для аудиальной модальности: влево-вбок – вспоминание/поиск, вправо-вбок – конструирование. Здесь внимание пациента концентрируется на внешних и внутренних объектах. Для кинестетической модальности такого разделения нет, и все кинестетические переживания репрезентированы движением глаз вправо-вниз или просто вниз (все направления даны относительно того, с кем работают). Наконец, движение глаз влево-вниз показывает, что происходит внутренний диалог пациента с собой.

Отсюда, наблюдая за партнером во время разговора, можно определить его ведущую модальность, которой он чаще всего пользуется при инициировании аналога. Однако, во-первых, это характерно для правшей, а во-вторых, можно не знать, кто твой собеседник. Поэтому опытные коммуникаторы в начале разговора вставляют вопросы, провоцирующие как поиск информации, так и ее конструирование, внимательно следя при этом за движением глаз

партнера. Наблюдая за движением глаз, можно, в частности, узнать, говорит вам собеседник правду или нет. Например, если муж, придя поздно домой, на вопрос жены о том, где он был, начинает говорить, что задержался на работе, и описывает причину, а его зрачки в это время укачивают (на 1–2 сек) вправо вверх или вбок, то можно допустить, что он конструирует проговариваемую ситуацию, а не вспоминает ее.

В третьем случае для каждой из модальностей характерны свои признаки:

- для **визуальной**: повышенная интонация голоса, ускоренный темп речи, жесты рук на уровне лица;
- для **аудиальной**: монотонная речь, темп ровный, размеренный, жесты рук – выше пояса;
- для **кинестетической**: пониженная интонация, замедленный темп речи, жесты рук – ниже пояса.

Считается, что до пубертата все способы функционируют более-менее равномерно, и только после этого формируется уже доминирующий способ – тот, которым мы либо отыскиваем нужный нам аналог, либо конструируем его. При этом для каждого процесса может быть свой ведущий способ.

Приведенные примеры предикатов позволяют понять причину непонимания людьми, говорящими на одном языке, друг друга. Все дело в том, что слова-предикаты выступают внешними знаками, обозначающими доминирующий способ выражения внутреннего опыта. Поэтому, когда один из собеседников произносит слова, относящиеся, например, к визуальной системе, он тем самым пребывает в визуальном контексте, для которого характерно, в частности, дистанцирование от собеседника с тем, чтобы лучше его рассмотреть и получить необходимую для себя информацию. Если его собеседником высту-

пает человек с ведущей кинестетической системой, то непонимание неизбежно, поскольку для кинестетика важны тактильные переживания – что будет проявляться, в частности, в его стремлении максимально сблизить дистанцию контакта, что вызовет у визуалиста дискомфорт и антипатию и стремление сохранить дистанцию. Таким образом, визуалист воспримет действия кинестетика как агрессию, а кинестетик – стремление визуалиста сохранить дистанцию – как отчуждение и холодность. Разумеется, они не смогут ни о чем договориться. Это не говоря уже о том, что значимые для одного предикаты пройдут мимо ушей другого, то есть кроме телесного дискомфорта они еще не смогут понять друг друга на словах, поскольку ~~понять другого – значит эмпатировать ему.~~

Такое общение заканчивается навешиванием ярлыков друг на друга. Характерные жалобы: кинестетики обвиняют визуалистов и аудиалистов в бесчувственности; визуалисты упрекают аудиалистов в том, что они не обращают на них внимания, поскольку во время разговора не смотрят им в глаза; аудиалисты жалуются, что кинестетики их не слушают.

Сказанное не означает, что у человека работает лишь одна система. ***Работают все, но одна какая-то является ведущей, доминирующей, или осознаваемой.*** Именно нестыковка, рассогласованность в проявлении аналоговых систем индивида, занимающих одно и то же тело и язык, приводит к дискомфортному состоянию как в межличностном, так и во внутриличностном общении. Чтобы снять такую инконгруэнтность, применяются следующие способы работы с системами:

- 1) *согласование предикатов* (говорить с пациентом на языке его ведущей системы);
- 2) *переключение с одной системы на другую.* Например, если пациент имеет визуальную ведущую

систему и испытывает кинестетический дискомфорт, это означает, что он имеет некий внутренний опыт, который передается наружу средствами кинестетической системы. Таким образом, имеет место нестыковка в репрезентации некоей информации. В этом случае работа терапевта заключается в том, чтобы научить пациента выразить его негативный кинестетический опыт визуальными средствами (например, визуализация боли). Обратный пример. Если у пациента ведущая система кинестетическая, а он мучается, например, от визуальных или слуховых образов, то эти образы необходимо перевести на язык кинестетики, для чего их можно проиграть телом. То есть производится перевод информации, выраженной одной знаковой системой, в другую, привычную для пациента;

- 3) *введение новых аналоговых систем, или техника наложения* (способ аналогичен технике сенсомоторного психосинтеза, о которой говорилось в главе «Язык и суггестия»). Этот прием позволяет значительно расширить опыт восприятия реальности, соответственно, увеличить число стратегий поведения. Его суть: установить систему, в которой пациент описывает какой-то свой опыт, затем выявить образ, который описывается, затем наращивать, или восполнять, его другими способами репрезентации. Соответственно, терапевтическая работа здесь заключается в том, что, определив стратегии своего собеседника, терапевт может развивать (то есть делать доступными сознанию) остальные системы/способы обработки информации. Например, у пациента меняется голос, когда он комментирует свои дей-

ствия. Выясняется, что таким голосом к нему всегда обращалась в детстве мать. Терапевт, отталкиваясь от аудиального образа, начинает выстраивать вместе с пациентом полный, визуально-кинестетический образ матери (ее говорящего рта, черт лица, положения тела и жестов при этом). Таким образом, и здесь мы видим стратегическую задачу НЛП – расширение пространства выбора стратегий восприятия-оценки-поведения.

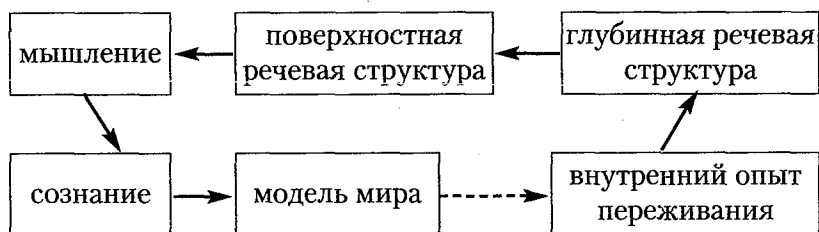
Аналогичная методика применялась независимо от нейро-лингвистического программирования и в нашей стране. Она носила название *сенсомоторного психосинтеза*. По словам его авторов, «суть метода в том, что выход в трансовое состояние и, соответственно, создание “иллюзорных миров” идет через последовательную привязку вновь возникающих ощущений к непосредственно переживаемым. То есть идет последовательная привязка к непосредственно ощущаемому все новых и новых переживаний разной модальности». И привязка эта осуществляется через речь: слова экспериментаторов воспринимаются испытуемым как его собственные ощущения. Например, по словам авторов, они моделировали набор ощущений, возникающий при рассматривании иллюстрированного журнала. При этом они начинали с вызывания ощущения тяжести журнала в руке, затем добавляли к этому ощущения глянцевого (кинестетические ощущения), шороха страниц (аудиальные), затем – описывали первые иллюстрации (визуальные). Постепенно экспериментаторы дают все меньше описаний, а испытуемый уже сам все интенсивнее достраивает образ. Затем ему просто указывают: «а вот посмотрите, на следующей странице будет нечто странное. И уже он сам нам рассказывает, что он там видит. А посмотрите, вот дальше страница юмора. Он на-

чинает хохотать и описывать нам, что он видит»³⁷. Так, через речевую интродукцию формируется завершённый и действенный образ.

Ещё одним ключевым понятием в НЛП является понятие *рефрейминга*. Рефрейминг – это способность представить одну и ту же вещь с разных позиций, ни одна из которых «на самом деле» не верна. По-английски «фрейм» означает рамку, а «рефрейминг» – «создание новой рамки взамен старой», где рамка – это сложившаяся у субъекта модель мира. Смена рамки приводит к смене модели.

Рамку можно понимать как рамку картины, ограничивающую и одновременно организующую сюжет, а можно и как компульсивную процессуальную колею, или стереотипное представление. Причем, этот образ относится не только к поведенческим реакциям, но и к речевой практике: представления пациента о себе и своих проблемах, выраженные вербально, есть также шаблон, ограничение, закреплённое во всех модальностях (личная история).

Процесс создания рамки с точки зрения НЛП можно представить в виде следующего цикла:

На схеме каждое предыдущее понятие выступает репрезентатором последующего. От того, какую модель

³⁷ Петренко В., Кучеренко В. Гипноз и сознание / В кн.: Гордон А. Диалоги – 3 (стенограммы выступлений). – М.: Изд-во «Предлог», 2005. – С. 143–144.

мира мы в себе имеем, зависит и то, каковы будут наши стратегии. Переход между моделью и внутренним опытом обозначен пунктирной стрелкой. Именно отсюда возможно воздействие, приводящее к содержательному изменению рамки.

Рефрейминг бывает двух типов – *содержания* и *структуры*. Содержательный рефрейминг применяется тогда, когда надо срочно разорвать негативно действующий стереотип. Он разделяется на *смысловой* и *контекстуальный*. В первом случае сохраняется мотив, изменяется цель поведения, во втором – ситуация сохраняется, меняется ее оценка. Рефрейминг структуры – это цепочка последовательных операций, абсолютно свободных от любого конкретного содержания, предназначенных для установления согласия между конфликтующими частями личности. В НЛП этот рефрейминг получил название шестишагового. Он применяется только тогда, когда клиент готов сотрудничать.

Рефрейминг выполняет следующие функции:

- переконтекстуализация;
- расширение коннотативного спектра вербальной составляющей сообщения;
- разрыв шаблонов поведенческих реакций;
- расширение пространства выбора реакций;
- создание пространства внутренней свободы – среды между стимулом, запускающим какую-либо реакцию, которую надо изменить, и этой реакцией.

Любое переформирование – это процедура установления некоторого согласия, равновесия внутри предлагаемой системы, которое достигается путем экологической проверки или подстройки к будущему. В случае работы с личностью НЛП предполагает, что имеет дело с конгло-

мератом различных контекстуальных Я, возникающих постоянно как результат сцепки:

- а) внутренних психических процессов, состояний, образований и содержаний;
- б) физиологических составляющих;
- в) внешних пространственно-временных и ситуативных моментов.

Рефреймингу может быть подвержена и личная история в целом – как такой набор заякоренных реакций, которые:

- а) есть результат *прошлой* определенной оценочной деятельности субъекта;
- б) создают и удерживают в *настоящем* действия субъекта в соответствии с созданной им самопрезентацией;
- в) образуют коридор состояний, направляющих действия субъекта в *будущее*.

Глава 8

Психолингвистическое понимание субъекта

Сознание как ризома и его «узловые» феномены.

Метод семантического радикала А. Лурия.

Сознание как функция внутреннего диалога.

Диалог: определение, виды, атрибуты.

Сущность диалога/коммуникации. Коммуникационная парадигма. Глоссирование и реглоссирование сознания.

Понятие личной истории. Особенности личной истории

как личностного мифа. Изменение личной истории.

Личная история как художественное произведение.

Вышеприведенная рамка позволяет рассматривать сознание как дискурсивный феномен, внутренняя структура/метрика которого образована:

- а) самими понятиями (словами-символами);
- б) конвенциональными значениями этих понятий (выраженными эпитетами – семантическими координатами данной семиосферы);
- в) ассоциативными связями «понятие – значение – образ – психосоматическая реакция» (выраженными глоссами).

Таким образом, мы можем охарактеризовать сознание как устойчивую, самодостаточную, саморазвивающуюся психическую структуру/сеть дискурсивно-ассоциативных цепочек и их узлов, которые образованы пересечением первых и которые выступают значимыми, «развилочными»

для семантической ризомы³⁸ данного субъекта. Особенностью этих узлов является то, что их активизация приводит к ментальным и эмоциональным «всплескам» субъекта, которые могут проявляться как состояния:

- 1) озарения;
- 2) аффекта;
- 3) креативности (мышления и поведения);
- 4) акцентуации характера;
- 5) выделенной психофизиологической реакции.

Данное понимание природы психики в той или иной мере соответствует представлениям ее известных исследователей – например, З. Фрейда и К. Юнга (концепция комплексов), Ж. Лакана, М. Эриксона, авторов НЛП, а в нашей стране этот взгляд связан с именем А. Лурия, с его *методом семантического радикала* и высказанным им предположением, что процесс мышления состоит в актуализации семантических сетей (добавим: которые на уровне сознания существуют в форме вербальных понятий)³⁹, связи в которых на 9/10-х неосознаваемы⁴⁰.

Суть данного метода заключается в установлении границ семантического поля заданного понятия у испыты-

³⁸ Постструктуралистский образ, представляемый как изотропное, многоуровневое, взаимосвязанное корневище, в котором отсутствуют:

- а) центр (центральный корень);
- б) приоритетные направления движения;
- в) конечность.

Синонимический образ ризомы – лабиринт.

³⁹ Общеизвестны три типа мышления (предметно-действенный, образный, абстрактно-логический), каждый из которых так или иначе работает с содержательной стороной того, на что он направлен. Для первых двух типов семантика (содержание) связана с запоминанием и узнаванием понятий в форме ощущений, образов, положения тела; третий тип мышления работает с понятиями, выраженными в словесной форме. И мы осознаем что-либо, проговаривая это.

⁴⁰ Следует различать в неосознаваемых процессах процессы бессознательные (никогда не осознаваемые), предсознательные (которые могут быть осознаны), вытесненные из сознания или не допущенные в него (в силу социальной цензуры), свернутые (стереотипизированные).

емого в ситуации отрицательного подкрепления. Иначе говоря, некое сообщаемое понятие подкрепляется ударом электрического тока. Затем испытуемому сообщаются другие понятия, семантически связанные с исходным. По силе и характеру возникающих ответных реакций (оборонительных и ориентировочных) и выясняют границы семантического поля исходного понятия, выделяя в нем центр и периферию. Были установлены следующие типы связей:

- 1) семантические прямые (реакция на понятия, непосредственно связанные с исходным, принадлежащие одному семантическому ряду);
- 2) семантические косвенные (образованы понятиями, связанными с исходным опосредованно, через ассоциации);
- 3) фонетические (для умственно отсталых): реакция возникает на акустически похожее слово.

Классический пример первого типа: скрипка – виолончель, музыка, смычок, скрипач; второго типа: скрипка – консерватория, Паганини, концерт, знакомая девушка-скрипачка (имя); третьего типа: скрипка – скрепка.

Данный метод может быть использован для изучения динамики формирования понятий и исследования развития значений в онтогенезе, а также для исследования неосознаваемых процессов при категоризации. Именно разработки Лурия легли в основу создания «детектора лжи».

Идею Лурия о семантических сетях взяли в качестве объяснения российские психологи В. Кучеренко и В. Петренко, проведя опыт по введению испытуемого в транс, в котором ему был дан запрет не видеть определенный предмет (пачку сигарет). В ходе опыта выяснилось, что испытуемый кроме условного предмета не осознает наличие и других – тех, которые содержательно/семантически с ним связаны: спички, пепельницу с окурками, зажигалку. В последнем случае испытуемый

описывал зажигалку как тубик для таблеток – то есть характеризовал ее исходя из своего прошлого опыта.

Модификация этого опыта с запретом видеть большой объект (шкаф или человека) в случае движения испытуемого так, что на его пути оказывается данный объект, приводит к тому, что испытуемый доходит до объекта и, не касаясь его, впадает в глубокий транс – как выход из ситуации противоречия. То есть в обоих случаях отсутствует узнавание объекта именно на уровне сознания; иначе говоря, *запрещенный объект выпадает из поля внутреннего диалога испытуемого*⁴¹. Иначе говоря, мы осознаем (понятийно-вербально означиваем) то, что можем назвать, проговорить. Именно об этом говорит гипотеза Сепира-Уорфа, именно это утверждал и М. Бахтин, понимая осознание как процесс внутреннего диалога.

Здесь можно вспомнить мысль Гегеля о том, что в ощущениях и эмоциях (переживаниях) объект и субъект слиты, то есть между ними нет отчуждения-противопоставления, следовательно, нет категоризации. Для осознания и выражения ощущений и переживаний субъект должен их назвать, объективировать, отделить от себя и противопоставить. Возникающее при этом чувство отчуждения, разорванности, неполноты и выступает центральным стремлением субъекта к снятию этого отчуждения-противопоставления, решаемому диалектически – и социально (Маркс, Фромм), и психолингвистически (Лакан), и экзистенциально (мистические и магические практики).

⁴¹ Схожее состояние испытывал, пожалуй, каждый из нас в ситуации, когда ищешь какой-либо мелкий предмет (солонку, спички, очки и пр.) в привычном месте и не видишь его, находящегося чуть поодаль, – пока вдруг не осознаешь его присутствие и не понимаешь, почему раньше его не увидел. Эту ситуацию можно объяснить с позиции глоссы: мы осознанно воспринимаем (апперцептируем) данную обстановку как привычную глоссу, в которой просто нет места другому предмету – до тех пор, пока мы не начнем вглядываться, неосознанно разбивая глоссу помещения на отдельные части-эпитеты – с тем, чтобы провести реглоссировку, создать временную новую глоссу.

Таким образом, мы подошли к понятию диалога, коммуникации – фундаментальному не только психологическому, но и философскому, общеметодологическому понятию. Оно связано с отражением, или идентификацией: субъект осознает свое существование, идентифицируясь со своими отражениями по всем типам зеркал, отражающая поверхность которых (оптическая – физического зеркала, система значений лингвистического зеркала, межличностные отношения социального зеркала, сеть стереотипных реакций ассоциативного зеркала), по Лакану, выступает непреодолимой границей, отделяющей Отражающегося (Я-экзистенциальное) от Отражения (Я-образа). Постоянное *стремление* эту границу преодолеть, *снять самоотчуждение как экзистенциальную данность, есть то, что называется коммуникацией, или диалогом.*

Вспомним М. Бубера: «я становится Я, соотнося себя с Ты». Таким образом, диалог, в широком значении слова, есть фундаментальнейшее условие существования субъекта; есть способ его предъявления (Я – Ты) и самопредъявления (Я – Другой), характеризующийся наличием обратной связи и отражением в субъекте двух образов – его собеседника и его самого. «Диалог – информативное и экзистенциальное взаимодействие между коммуницирующими сторонами, посредством которого происходит понимание. Диалог может трактоваться либо как выбор сторонами совместного курса взаимодействия, определяющего лица "Я" и "Другого", либо как рационализированный диалог, когда событие встречи пересматривается исходя из полученного результата и приобретает характеристики телеологичности и диалектичности; при этом снимается экзистенциальный пласт общения и гипостазирован теоретико-информативный». Сказанное относится и к внутреннему диалогу, в котором субъект говорит сам с собой, проговаривает какие-то темы, да-

ет определения, выносит суждения⁴². Пребывание вне состояния диалога для субъекта возможно только временно, при исповедовании им метода «угасания ума», «остановки внутреннего диалога», «остановки мира» и пр. Когда же субъект систематически не коммуницирует с собой, то речь уже идет о патологии, о состоянии «патологического одиночества» (Г. Назлоян).

Различают диалог логический и феноменологический. «В логическом диалоге связь осуществляется... через речь, и гарантом понимания является полнота перевоплощения в речевого субъекта, что оборачивается репрессией индивидуального (временной утратой самоидентичности. – И. Н.). Феноменологический диалог – непосредственный обмен и перевод между персональными целостностями, мирами, сохраняющими свои особенности; кроме диалогизирующих ничего и никого нет».

«Возможность взаимопонимания, обоснованная смысловыми параллелями, сходными трансцендентальными структурами и подобием организацией сознания, не гарантирует адекватности перевода. Полнота понимания может быть обеспечена только знанием языка Другого во всей его специфике»⁴³.

При этом, вне зависимости от той или иной интерпретации диалога, можно выделить обязательные атрибуты последнего. К ним относятся:

- а) сами общающиеся *стороны*;
- б) *метаучастник* («третья сторона»), к которому апеллируют обе стороны;

⁴² Любой акт коммуникации является диалогом, в том числе и монолог – внешний, ибо он инициируется другим и направлен на него, и внутренний, поскольку, разговаривая с собой, субъект разделяется на того, кто говорит, и того, кто слушает (оценивает).

⁴³ Новейший философский словарь : 2-е изд. Под ред. А. А. Грицанова. – Минск : Интерпрессервис, Книжный Дом., 2001. – С. 320.

- в) *посредник*, снимающий проблему переноса и контрпереноса: вещь, явление, идеальный знак, музыка;
- г) *отраженный образ* каждой из сторон.

Сам диалог состоит из определенных узловых точек (смысловых, паузных, точек агрегации), в каждой из которых происходит самоидентификация партнеров. То есть в этих точках собеседники отталкиваются друг от друга. Таким образом, *альфой и омегой диалога, его смыслом и ценностью вообще является самоидентификация*⁴⁴.

Сказанное о диалоге справедливо и по отношению к самому субъекту, который осознает свое существование в результате диалога/общения себя как Отражающегося со своими физическим, лингвистическим и социальным отражениями. При этом интерпретация результатов общения определяется парадигмальной установкой. Так, классическая философия использует солипсически-монологичный язык; отсюда – постулирование Центра такого языка как непререкаемого Авторитета, носителя Истины. Диалогичная же парадигма говорит: истинно то, что происходит в данный момент между мною и тобою; следовательно, авторитетно то, что санкционировано нами обоими.

Суть любой коммуникации (внутри- и межличностной) – в создании таких каналов обратной связи с коммуцирующей стороной, чтобы передаваемое сообщение дошло до адресата в наименее искаженном виде. Условием того, что в процессе общения произошло понимание, является такая реакция адресата, которая вызывает у адресанта чувство его самоидентичности. Последнее же проверяется ощущениями адресанта, возникшими при получении обратного сообщения от адресата: если адресант

⁴⁴ Подробнее об этом см.: Назлоян Г. М. Портретный метод в психотерапии. М.: «ПЕР СЭ», 2001.

испытывает комфорт, эмпатию, согласие – значит, он правильно построил коммуникацию. Если же имеется любая инконгруэнтность – значит, сообщение воспринято не адекватно. Только это – адекватная реакция партнера, вызывающая конгруэнтную реакцию самого адресата, – является верным критерием с точки зрения коммуникативной парадигмы. Такую адекватность можно получить, находясь в состоянии «аптайм» – состоянии выхода из привычного самоощущения, самоприслушивания, самопереживания и самопроговаривания (что характерно для «даунтайм»), когда идет восприятие не собственного контекста, а невербальных характеристик партнера.

Отсюда следует, в частности, идея, что никаких психических заболеваний как онтологических феноменов нет (или по-другому: каждый субъект по большому счету живет в своей собственной реальности, следовательно, является психотиком), *а есть нарушения в коммуникативных процессах (внутри- и межличностных) и разные способы организации внутреннего опыта.* Взгляд же на психические отклонения как на феномены, обладающие собственной онтологией, исходит из объект-субъектного мировосприятия, тогда как *коммуникация – это всегда субъект-субъектные отношения.* С этой точки зрения, нелишне привести мысль С. Грофа о том, что «истинность» переживаний субъекта определяется не тем, насколько они соответствуют конвенции, а тем, в какой степени субъект способен их интегрировать в свою структуру и в процесс общения.

Напомним также, что *любое понятие, любая идея, категория, любой вопрос корректны только в рамках определенной традиции мышления, парадигмы, семиосферы* (причинно-следственной, объект-субъектной, структуралистской, диалоговой, постструктуралист-

ской...)»⁴⁵. Если мы возьмем подход И. Лакатоса к определению научного знания, то можно сказать, что «истинность» идей и понятий, понимаемая как обладание ими защитного и эвристического потенциала, определяется тем, насколько полно и непротиворечиво можно описать ими мир, или тем, насколько это описание можно продуктивно изменить. Данный подход используется, например, в НЛП, где любое понятие существует:

- а) как эпифеномен языковой игры;
- б) только в рамках соответствующей семиосферы.

Именно так и понимал *транс* М. Эриксон – как *игру ассоциативных цепочек значений и сцепленных с ними переживаний, проходящую в определенном контексте*.

Коммуникативная/диалоговая же парадигма утверждает: **все есть коммуникация**, или: **вне коммуникации нет ничего!** Любой внутри- и межсубъектный акт взаимодействия есть коммуникация, где оба уровня – вербальный и невербальный – взаимопроницаемы и взаимовлияемы. То есть что-то происходит, и *это что-то проявляется и обозначается только в акте коммуникации*. Это же относится и к молчанию, которое как специфический способ коммуникации широко используется, например, в христианской и буддийской традициях.

Вышесказанную мысль можно применить и к следующему феномену. Пожалуй, любой из нас был в ситуации

⁴⁵ Напомним слова Юнга о том, что как онтологического феномена коллективного бессознательного не существует, что оно существует как потенциальный, или виртуальный, феномен, актуализуясь лишь в психической деятельности конкретного субъекта. Так же мы можем определить сознание как содержание внесознательной дискурсивной структуры, имеющей компульсивный характер, сложившейся в результате социализации индивида. С этой точки зрения бессознательное есть внесознательное, которое означает понятия свободы, творчества, игры. У Фрейда понятие бессознательного наделено иными коннотациями. Можно сказать, что гуманистическое понимание бессознательного близко синергетическому понятию хаосмоса, а психодинамическое – понятию хаоса классической науки и авраамических религий.

поиска какого-либо необходимого мелкого предмета (солонки, спичек, очков и пр.), которого не видишь, пока словно вдруг пелена с глаз не спадает, и оказывается, что предмет лежит чуть ли не под носом. Тогда осознаешь его присутствие и не понимаешь, почему раньше его не видел. Эту ситуацию можно объяснить, в частности, с позиции глоссы: мы неосознанно (привычно) воспринимаем данную обстановку как привычную глоссу, в которой просто нет места данному предмету – до тех пор, пока мы не начнем вглядываться, неосознанно разбивая глоссу данного места на субглоссы и отдельные части-эпитеты. Акт осознания искомого предмета говорит о создании временной новой глоссы, включающей в себя образ-понятие данного предмета.

Даже этот маленький пример позволяет сделать следующий вывод: мы как субъекты выстраиваем отношения с миром (ориентируемся) не столько на перцепции, сколько на узнавании, опознании. И это опознавание осуществляется через внутренний диалог: мы постоянно называем и описываем то, что воспринимаем. Иначе говоря, мы постоянно глоссируем мир: любые наши понятия находятся друг с другом в иерархических отношениях, выступая и как эпитеты, и как глоссы. Но в любом случае они сцеплены с определенными ощущениями, переживаниями, кинестетикой тела. И процесс коммуникации с собой и миром есть процесс приведения поступающего потока информации к привычным, узнаваемым стереотипам, схемам – ментальным, реактивным, поведенческим, поисковым, – не последняя роль в образовании которых отведена дискурсивным процессам.

В ряде практик считается, что освобождение самосознания человека возможно при деглоссировании его сознания – что понимается как: «угасание ума» (буддизм),

«остановка мира» (Кастанеда), «стопорение сознания» (дзэн). В последнем случае применяются парадоксальные вопросы – мондо, ответы на которые принципиально нельзя дать в рамках привычного дискурса. Например: «Если вы назовете это посохом – вы получите тридцать ударов; если вы не назовете это посохом – вы получите те же тридцать ударов. Итак, как вы это назовете?». И: «Если вы назовете это посохом – вы покажете свою привязку к иллюзорному миру; если вы не назовете это посохом – вы покажете свою отдаленность от реальности. Итак, как вы это назовете?».

Ответы на эти вопросы и им подобные предполагают вхождение адепта в такое психофизиологическое состояние, которое словами описывается как выход за рамки, отбрасывание конвенциональных установок, стопорение левополушарного мышления и так далее. Конечным продуктом данного состояния является спонтанная реакция, идущая из глубины естества адепта (из «истинной природы», «природы Будды» в понятиях дзэн) и не описываемая в терминах социального синтаксиса. Для обычного же сознания подобные вопросы представляются бессмыслицей или вызывают состояние суггестии – в силу их алогичной, противоречивой семантики.

Другое базовое понятие, характеризующее субъекта – это *личная история* – понятие, представляющее субъекта в его презентации и самопрезентации как *создаваемый и фиксируемый им в течение жизни текст*⁴⁶, с которым субъект постоянно (осознанно и неосознанно) сверяет свои акты восприятия-оценки-поведения и определяет последующие интенции.

В рамках парадигмы НЛП *личная история есть некий набор закоренных реакций, лежащих в основе*

⁴⁶ Здесь текст понимается в его постмодернистском значении – как любой семиотический континуум, обладающий автономностью бытия.

представления субъекта о себе и своем поведении. Можно сказать, что каждый из нас представляет собой некоторый совокупный результат взаимодействия собственной психосоматики со средовыми факторами. Отсюда наша личная история есть некоторый комплекс, образованный определенным взаимодействием постоянно образующихся психических следов. При этом одни ситуации повторяются каждый день, другие – реже, третьи – совсем редко. Одни для нас более значимы, другие менее; одни мы помним хорошо, другие хуже, третьи не помним совсем. Так формируется наша *личностная структура – модель, которая, с одной стороны, носит адаптивный характер, а с другой – налагает определенные ограничения и искажения при взаимодействии субъекта с миром.* И, как всякая модель, личная история не отражает адекватно породившую ее реальность, а представляет собой сформированный по определенным дискурсивным правилам миф, содержание которого представлено в сознании в виде Я-концепции, а порождающая это содержание структура принадлежит Бессознательному.

Соответственно, как всякий миф, личная история:

- а) имеет определенную логику своего создания и функционирования;
- б) есть структура, наполненная содержанием личного опыта данного субъекта, то есть исторична;
- в) репрезентирует не внешнюю объективную, а внутреннюю субъективную реальность, воспроизводя не то, что было или есть «на самом деле», а то, что таковым представляется субъекту (то есть доступно его сознанию) в результате избирательной работы всех его психических функций и механизмов социализации и социальной

перцепции (аттракция, эмпатия, идентификация, атрибуция/приписывание, социальная рефлексия);

- г) является одновременно и нашим ресурсом, и нашим ограничением;
- д) может быть изменена как угодно на любом своем временном отрезке (прошлом или будущем).

Итак, личная история имеет два уровня своей презентации: внесознательный (синтаксический) и сознательный (содержательный/контекстуальный). При этом то, что составляет наше самоощущение как целостных, неизменных, рефлексирующих существ – Я-образ, – в содержательной форме представляет собой Я-концепцию, поскольку любой акт осознания только тогда становится таковым, когда он проговорен, зафиксирован словами-знаками.

Повторим еще раз: *личная история представляет собой зафиксированный в сознании набор чувственных интерпретаций субъектом окружающего мира и себя самого*. Иными словами, личная история – это некоторый текст, с помощью которого субъект (Я-экзистенциальное, или метанаблюдатель) описывает себя как объект (Я-концепцию). И как всякий текст, личная история может быть подвержена всевозможным пересмотрам, изменениям, дополнениям – с помощью любого рефрейминга (содержательного, структурного, созидającego). По сути, любой рефрейминг представляет собой переконтекстуализацию, то есть перепрочтение личного текста так, как этого хочет субъект.

При этом *вопрос об истинности или фальсификации личной истории не ставится в принципе* – поскольку, напомним, личная история отражает не внешнюю объективную реальность, в которую погружен данный субъект, а его внутреннюю осознаваемую реальность, образован-

ную его собственными предпочтениями, интенциями, особенностями функционирования памяти, историческими условиями и т. д.

Следовательно, *любой субъект для себя самого есть то, что и как он о себе мыслит, как он себя описывает.* И это надо четко осознавать: наше представление о себе самом есть модель комплекса отношений Я-экзистенциального с окружающей, в первую очередь социальной средой, сложившаяся и постоянно складывающаяся при социальном отражении субъекта, результатом которого выступает его Я-образ/Я-концепция. Таким образом, Я-концепция есть некоторый репрезентирующий личность текст, который постоянно корректируется в каждой точке здесь-и-теперь всего онтогенеза субъекта. А это означает, что:

- 1) то, что мы о себе думали год назад, не совпадает с нынешним нашим представлением о себе, и еще через год мы вновь по-другому будем смотреть на мир и себя, следовательно, говорить о том, что наше нынешнее представление о себе более верное, чем прежнее, принципиально неправильно;
- 2) любые наши представления о себе в высшей степени условны и определяются гораздо больше нашим устремлением к собственному Я-идеальному, Я-желаемому (которое развивается под влиянием усвоения определенных социальных идеалов – либо при стремлении к ним, либо при отталкивании от них же), чем требованиями реальности;
- 3) таким образом, вся личная история любого индивида есть исключительно условный текст, созданный им самим при активном участии в этом других значащих для него субъектов;

- 4) в целом каждый из нас описывает себя в соответствии с тем текстом, который к этому моменту сложился, который создает в нас чувство собственной непрерывности и целостности (через память и сложившиеся способы оценки);
- 5) этот текст (Я-концепция) одновременно является и нашим ресурсом, и нашим ограничителем, задавая определенный коридор и направление для описания себя в дальнейшем, — тем самым мы создаем вокруг себя определенную рамку, влияющую на всю дальнейшую жизнь.

Процедура рефрейминга как раз и позволяет изменить, расширить, пересмотреть исходную рамку; причем если это возможно для каждого отдельного случая личной истории, то это же возможно и для всей личной истории в целом, которая в сознании представлена в виде определенного спектра содержаний (следовательно, носит оценочный характер), а во внесознательном (следовательно, неосознаваемом) психическом модуле представляет собой некоторую структуру — цепочку последовательных реакций, алгоритм, паттерн.

Итак, субъект становится личностью, формируя свою Я-концепцию как результат собственной социализации. В самом общем виде можно сказать, что рефлексивная основа личности есть сложившаяся в результате ее социализации система ее убеждений (оценка себя в прошлом) и ожиданий (оценка себя в будущем), выступающая теми очками, сквозь которые субъект воспринимает себя во всех аспектах. То есть сформированная система убеждений и ожиданий влияет на стратегию восприятия-оценки-поведения субъекта. Следовательно, меняя эту систему (либо в ее содержательной части, либо в структурной), можно изменить прошлое субъекта, а значит, и его будущее.

Стратегия работы по изменению личной истории в НЛП такова. Клиента просят:

- 1) вспомнить то событие, которое вызывает в нем дискомфорт, и якорят его;
- 2) мысленно разрешить ситуацию, используя нынешний опыт и понимание, и вновь его якорят;
- 3) вновь вернуться в травмирующую ситуацию и при этом применяют позитивный якорь;
- 4) сделать экологическую проверку: ощутить новое отношение к ситуации;
- 5) используя эту ситуацию как базовую, применить опыт ее переживания к имевшим место подобным ситуациям.

Суть подобного изменения заключается в разрыве компульсивного кольца реакций, которое часто не осознается, и создании новых стратегий решения схожих ситуаций (пространства выбора). Авторы НЛП говорили о том, что в психотерапии применяются техники, которые встречаются, в том числе, в виде психических расстройств: возрастная регрессия, диссоциация, общение с самим собой. По признанию самих авторов, они применяют «формальные паттерны, характерные для психотического и шизофренического поведения». Отличие самих психотиков и шизофреников в том, что они застряли в этих паттернах и не могут выйти за их пределы. А отсюда резкий вывод авторов: психически больные люди являют собой гипертрофированный пример того, как проходит жизнь большинства людей, – только те прячут эти паттерны внутри себя.

Таким образом, мы видим, что каждый из нас сидит в своей реальности (то есть в своем содержании) как в болоте, подобном тому, в которое провалился барон Мюнхгаузен на своем коне-уме. Чтобы вылезти из этого болота

барон (метанаблюдатель) должен был переместиться в метапозицию и удержат там же своего коня (свой ум). При этом волосы его стали тем фактором/якорем, который обеспечил ему доступ к необходимому ресурсу. Использование последнего и позволило Мюнхгаузену изменить свою личную историю, сохранить и продолжить свою жизнь.

Личную историю можно рассматривать и по-другому. Используя постмодернистский тезис «Жизнь как текст» и вспомнив шекспировское «Весь мир – театр, и люди в нем – актеры», сформулируем иной тезис: «Жизнь как художественный текст», утверждающий, что человек есть не только биосоциальное, знаково-символическое, религиозное, производящее, играющее и так далее существо, но также и эстетизированное. Это означает, что человек выстраивает свой внешний (социальный, поведенческий, ролевой, ситуативный) и внутренний (самооценочный, диспозиционный) миры по законам художественного произведения. Иначе говоря, *личная история как способ оценки и самооценки строится по законам художественного произведения.*

Данное положение позволяет сделать следующие выводы.

1. Субъект выстраивает свое отношение к объекту, событию, явлению не по закону копии, а по правилу *символического отражения*, которое производится в форме:

- а) *изоморфы*;
- б) *аллегории* (иносказания, намека);
- в) *метафоры* (аналогии).

2. Способы презентации и фиксации внешней и внутренней реальности представляют собой художественный текст, построенный по законам мифологии. Это означает, что такой текст имеет определенную семиотическую структуру и наделен всеми атрибутами художест-

венного мифологического произведения: архетипическим сюжетом, ролями, жанром, логикой разворачивания событий и т. д.

3. Любой субъект, тем самым, действует в художественном континууме – событийном пространстве, подчиняющемся в своем проявлении законам эстетики. Важную роль в становлении и разворачивании этого пространства играет *художественное чувство*, или переживание субъектом оценочного отношения к предъявляемому его окружением поведению в соответствии с определенным идеалом.

4. Сказанное справедливо и для психотерапии, результатом которой является создание врачом такой ситуации (катарсиса и/или инсайта), которая позволяет вербализовать и осознать эстетический идеал, лежащий в основании мировосприятия клиента, и таким образом выстроить жизнь как смысловое поле.

Центральным фактором упорядочивания и осмысления событийного пространства выступает понятие пути, применение которого вызывает у субъекта убежденность, что жизненные события, происходящие с ним, не случайны, а подчинены в своем проявлении какой-то логике. Мы называем ее мифологией и считаем ее проявлением какой-либо универсальной мифологемы, выступающей ядром базового личностного мифа.

Для иллюстрации сказанного приведем два примера, ставших достоянием искусства, в основе которых лежат подлинные биографии их героев. Первый пример – это судьба графа Н. Резанова, обыгранная в рок-опере «Юнона и Авось». Его глубинное стремление к мистическому путешествию для поиска земли обетованной (утраченного Рая) реализовалось в реальном путешествии к берегам Америки, будучи замотивированным экономическими интересами Российской империи. Его эротическое

переживание в молодости встречи с Богородицею реализовалось во встрече с дочерью местного губернатора. Целью любого мистического путешествия является стремление к во-целению в том числе в форме иерогамии – что и воплотилось в брачном союзе с вышеназванной девушкой. Сам поход осуществился в возрасте сорока лет (кризис середины жизни). Скоропостижная смерть графа от простуды в этом плане предстает не досадной случайностью, а логическим завершением его героического мифа во внешней реальности, логика которого требует, чтобы герой в конце сошел со сцены.

Другой пример взят из биографического фильма «Целитель Адамс». В нем показаны главные условия становления личности героя, ставшего впоследствии известным врачом:

- 1) утрата смысла жизни и суицидальные тенденции в результате кризиса среднего возраста после перемены нескольких мест жилья и работы привели его в больницу для душевнобольных (в антимир), что означает погружение в лиминальное состояние, характерное для инициации;
- 2) успешное прохождение этой инициации: герой, пребывая в клинике, участвует в определенном ритуальном действии, получает альтернативный способ мировосприятия (в беседе с другим старым⁴⁷ пациентом) и новое имя, определяющее его дальнейшую судьбу;
- 3) наконец, для того чтобы он смог стать действительно целителем, согласно мифологии, у него должно активизироваться то, что Юнг назвал архетипом раненого целителя: постоянно незажи-

⁴⁷ Старец есть архетипическая фигура хранителя знания, в том числе за-предельного, — одна из иностасей трикетера.

вающая рана – источник страдания; для героя таковой стала трагичная смерть его девушки (жертвоприношение как обязательное условие перехода в следующий круг жизни⁴⁸).

Напомним, что у трикстера речь может не переходить из внешней формы во внутреннюю, оставаясь на уровне предсознательного свободного изливания (голос Другого); а кроме этого, его тело живет отдельной от сознания жизнью, при этом различные телодвижения могут совершаться без связи друг с другом («левая рука не знает, что делает правая»). В целом общая подвижность трикстера проявляется в нарушении им всех границ социума: территориальных, поведенческих, оценочных, речевых, моральных, традиционных, иерархических.

Выделенная главная черта трикстерства как лиминального состояния психики присутствует у вышеназванных героев. Каждый из них нарушает определенные границы. Так, Резанов пересекает территориальную (путешествие в Америку), оценочную (эротическое восприятие Богоматери), традиционную (брак с иноверкой), моральную (оттеснение прежнего жениха) границы. Адамс в начале своего нового пути меняет несколько раз жилье и работу, затем попадает на периферию социума – в клинику для душевнобольных, откуда он выносит свое понимание функции врача в системе «врач – пациент», нарушая тем самым социально закрепленную этическую границу врачебной деятельности; его роль шута как нельзя лучше демонстрирует

⁴⁸ Жесткость и обязательность жертвоприношения при переходе в следующий этап жизни нам демонстрируют библейские примеры Авраама, Моисея, Иова, Иисуса. При этом не надо считать, что эти истории – лишь литературные тексты. Любое Священное писание фиксирует в форме присущей ему традиции законы развития и функционирования бытия. И оттого, что они выражены в мифоисторической форме, они не перестают быть законами, которые неукоснительно выполняются!

трикстерские черты психопомпа – проводника душ через границу между жизнью и смертью (в обе стороны).

Еще раз заметим, что мы как субъекты принципиально не можем воспринимать и оценивать события и явления в их «чистом» виде – поскольку, во-первых, это обусловлено нашей физиологической, языковой, культурной природой, а во-вторых, – тем, что понятие «чистого» объекта есть прежде всего результат работы нашего сознания по идеализации. Поэтому ставить вопрос об «истинности», «объективности» своей и чужой личной истории принципиально нельзя. Личная история истинна, когда использующий ее субъект способен к продуктивному, творческому, полноценному, незакомплексованному бытию.

Редукция и инвектива

*Редукция речи на примере антиутопии Оруэлла.
Понятие инвективы. Ранняя речь. Речевое табуирование.
Понятие комического. Функции инвективы и причины
ее усиления в современном российском обществе.*

Любой язык и любой миф суть семиосфера, следовательно, имеют границы и структуру. Иначе говоря, любая семиотическая система обладает гомеостазисом – совокупностью процессов, направленных на сохранение ее существования. В связи с этим коснемся двух моментов, прямо связанных с психолингвистикой.

Первый момент хорошо обозначен в антиутопии Дж. Оруэлла «1984», где показывается мир тоталитаризма, в котором правящая верхушка разрабатывает идею создания новояза – языка победившего строя, использование которого сделает невозможным любое мышление, кроме того, которое удобно власти. Поскольку абстрактно-логическое мышление репрезентирует сознание и, в свою очередь, репрезентируется языком, то, воздействуя на последний, можно, по замыслу Оруэлла, сформировать в конечном итоге такое сознание (как дискурсивную метрику, как текст), которое угодно власти держащим.

Напомним, что, по Фрейду и Лакану, невротический симптом есть психический феномен, возникающий из-за невозможности для индивида выразить свою психическую интенцию вербальным способом. Нахождение нужного слова, выражения снимает, разряжает этот симптом. С одной стороны, это позитивный творческий про-

цесс: индивид увязывает свои ощущения и переживания с определенными знаками, переводя их тем самым в речевую область, или в область сознания. Но, с другой стороны, проговаривая свои переживания, индивид организует так свое дискурсивное поле сознания, что высказанное становится неотъемлемой его частью. Тем самым в сознании создается некая директория, канал, по которому данное переживание уже означает автоматически. Это приводит к двум вещам:

- 1) к выработке автоматизма, шаблона при восприятии такого же или схожего с ним переживания;
- 2) полаганию индивидом данной дискурсивной директории единственно реальной репрезентацией внутреннего ощущения.

Отсюда ясна идея Оруэлла: показать возможность заключения языка в жесткую форму, регулирующую процессы мышления – так, чтобы можно было мыслить исключительно в заданном направлении и нельзя было выйти за границы такого языка. Согласно Оруэллу, это достигается за счет:

- соединения двух и более слов в одно: *рабкрин, коминтерн, физра и т.п.* – то есть уменьшается ассоциативный ряд значений, связанных с исходными понятиями;
- создания новых слов за счет присоединения приставок и суффиксов к имеющимся: *зарыбить, нутрить, нелцо*;
- устранения синонимов;
- создания бессмысленных речевых оборотов: «более/менее лучше», «наращивание ускорения темпов развития»;
- отсечения от корня других частей слова: *наци*;

- создания слов, указывающих на границы, за которые мышлению переходить нельзя: *двоемыслие, мыслестоп, мыслепреступление*;
- устранения коннотативности и усиления буквализма: свободный туалет, свободные сапоги (но не – свободный человек), писатель (карандаш).

В целом, по мысли Оруэлла, такая лингвистическая редукция в описанном им мире должна привести к формированию языка, в котором одни слова имеют четко обозначенные значения, а другие указывают на границу, за которой лежит хаос ощущений и переживаний. Выращенный в такой языковой среде индивид будет строить свои мысли в соответствии с заданными правилами функционирования такого языка. Однако то же самое происходит, только менее очевидно, и с любым индивидом любой лингвистической культуры (гипотеза Сепира-Уорфа): мы осознаем реальность так, как ее описываем; видим вещь только после того, как ее (осознанно или неосознанно) назовем; воспринимаем вещь как совокупность поименованных свойств, относящихся к самой вещи, тогда как любая вещь (как функциональный, ограниченный феномен, данный нам в дискурсивно-чувственной форме) не имеет онтологического статуса вне дискурсивного континуума, который и определяет, *что мы видим* (концепция глоссы).

Другой момент связан с инвективной – запредельной, табуированной речью, или бранью. Надо сказать, что пользование речевыми оборотами как бранью имеет место и у животных, обученных языку жестов, например, у шимпанзе в опытах супругов Гарднеров (использование обезьянами слов «грязный» и «дерьмо» в их переносном значении). Этот факт говорит о ясном понимании обезьянами осевой ориентации мира: «верх – голова – небо – добро – еда» и «низ – органы выделения и размножения –

земля – зло – продукты выделения». Членение мира по оси «верх – низ» или «внутри – наружу» является абсолютно необходимым для организации экзистенциального пространства по его главному членению «мир/космос – антимир/хаос». Соответственно, обустройство ойкумены как регулируемого мира не могло не сказаться и на языке, который также разделился на общепринятый и табуированный.

Само понятие бранной речи возможно лишь тогда, когда уже четко установлены границы разрешенного, то есть когда мир-космос уже выделен, о-граничен, сформирован и скоординирован (имеется сакральный центр и система координат), и выход за его пределы табуирован и разрешен лишь некоторым членам общины, которые в своей профессиональной деятельности неизбежно должны переходить границу дозволенного. В архаичных обществах это были шаман и кузнец. Согласно одной из точек зрения, зарождение речи связано с повышенной психической подвижностью отдельных представителей палеоантропов, чьи психические характеристики позволяют говорить об отклонении от видовой нормы. Иными словами, носителями речи стали те индивиды, чьи психические процессы протекали более обостренно и которые своими звукокомплексами могли воздействовать на психику других индивидов (директивная функция языка).

Рассматривая речь как многослойную структуру, в ней можно выделить следующие пограничные и запредельные слои:

- 1) речь, состоящая из междометий и слов, не несущих значения, которую можно понять, только находясь в ее контексте;
- 2) глоссолалия – речеподобная структура, сюда можно отнести также мантры;

- 3) бессвязное бормотание, сопровождаемое бессмысленными звуками или молчанием;
- 4) эхολалия – повторение звуков за говорящим, здесь же – подражание;
- 5) копролалия – говорение непристойностей;
- 6) звукоподражания природным явлениям (свист, шипение) и животным;
- 7) наконец, глумливая, или табуированная речь.

Последняя появляется уже тогда, когда речь развита, когда существует понимание «правильной» и «неправильной» речи. При этом табуирование определяется сословными, религиозными, культурологическими, родовыми и прочими запретами. Вспомним хотя бы, что в XVIII веке среди российских дворян было неприлично говорить на родном языке – языке простолюдин, и что Пушкин в раннем детстве вообще не говорил по-русски. В общем же можно назвать следующие направления табуирования, которые нашли свое отражение в бранной речи:

- в еде: «чтоб ты ел зеленых тараканов!» (на Самоа);
- в сексуальных отношениях: предложения вступить в половой контакт со своей матерью (у нас – с чужой матерью) или старшей сестрой;
- в половой принадлежности: знаменитый русский посыл «на три буквы» – это перверсия: адресанта воспринимают как поменявшего пол;
- в семейной/родовой связи: «сукин сын», у поляков – «пся крев»;
- в чистоте: эпитеты «дерьмо», «падаль»;
- в религиозном тезаурусе: «черт побери!», «пошел к черту»;

- в уме, интеллекте: «дурак», «идиот» и пр.;
- зоонимы: «свинья», «осел» (священные животные Сета – бога грозы, брата и врага Осириса, бога пустыни; евреи испытали влияние египетской культуры; отсюда – свинья – нечистое животное у них и мусульман, Сет – тот же Люцифер, Иисус проходил искушения в пустыне, образ черта и т. д.), «собака» (Анубис – провожал души умерших, Цербер – страж айда, собака – животное богини подземного мира, ужасной Гекаты, собакам отдавали на растерзание трупы людей), у сербов ругательством было «конь» – сейчас не сохранилось (конь – тоже животное подземного мира: «конь блед» из Апокалипсиса, «бред сивой кобылы», «врешь как сивый мерин»), «змея» (здесь и комментировать не надо).

В целом мы имеем дело с карнавальной, или перевернутой/вывернутой наизнанку, культурой – культурой антимира, того света. Соответственно, при столкновении с антимиром речь также должна выворачиваться наизнанку. Существует описание похорон у древних руссов, в котором для нас характерна одна деталь: похороны сопровождалась сплошной матерщиной – то есть антиречью, которая, с одной стороны, призвана защитить участников от вторжения в космос сил хаоса, с другой – служит для общения с душой умершего, находящейся в зазеркалье – в вывернутом наизнанку мире. Р. Быков рассказывал, что, когда для роли скомороха в фильме Тарковского «Страсти по Андрею» ему из архивов КГБ показали подлинные тексты скоморошьих песен, он схватился за голову: они были сплошь матерные. И ему пришлось самому придумывать более-менее пристойный текст. А скоморохи – те же трикстеры, или путешественники в запределье, – давали представление в вы-

вернутой наизнанку одежде, ходили на руках, одевались в нереальную одежду, глумились над общепринятыми ценностями. Интересно, что католическая церковь не отменила карнавалов (по сути – те же вакханалии, сатурналии), а придала им вид безобидного ряженого действа. Психологически же карнавал играет важную роль: он позволяет человеку сбросить накопившийся за год груз невротического состояния, вызванного пребыванием в жесткой культурной структуре (понимание культуры по Фрейду).

Таким образом, изначально то, что мы сейчас воспринимаем как смешное, комическое, таковым не являлось. Смех есть реакция на переход границы (например, есть нервный смех), за которой лежит ужасное, разрушительное, опасное. То, что в средневековой культуре дьявола называли «обезьяной Бога» (то есть пародийным подражателем), не означает, что дьявол смешон. Наш нынешний смех есть результат общественного согласия на временный, разрешенный переход границы привычного и безопасного мира отдельным представителям нашего общества (например, шутам, клоунам, комедийным актерам). Если мы возьмем анекдоты, то смеховая реакция на них вызывается обычно разрушением привычной конвенциональной связи между словом и его значением: словознак указывает на другое значение (выступает коннотатом либо, наоборот, обыгрывается его буквальное значение). Повторим еще раз: *смех есть психическая реакция на нарушение границ привычного мира*, и, смеясь, мы проскакиваем тот разрыв, который возникает в нашем образе *непрерывного и устойчивого мира* вследствие этого нарушения; то есть *смехом мы устраняем грозящую нам опасность психологической дезориентации и утраты собственной целостности* как социально-культурно-лингвистического феномена.

Вспомним героя русских анекдотов, поручика Ржевского: он соединяет в себе черты и культурного героя (ибо он по профессии воин), и трикстера. Для него характерно:

- а) непосредственное, внеэтикетное обращение с женщинами;
- б) соответственно, отбрасывание конвенциональных норм в своем поведении;
- в) матерная речь (признак антимира), которой он «взламывает оборону» женщины;
- г) шутовство – смех над ним показывает конвенциональные границы допустимого;
- д) его «половой гигантизм» есть показатель его первозданной природной мощи, не скованной никакими культурными рамками.

Ржевский – истинное дитя либидо в его экспансии, неограниченной рамками культуры. Он не невротик, жизннерадостен, непосредствен, не боится сделать ошибку, быть глупым, неприличным, смешным. Он не скован рамками приличия, легко переходит границу допустимого, не делает различий между тем, что хочется, и тем, что надо. По сути, Ржевский представляет собой русский вариант фаллического бога любой культуры, в частности, древнегреческого Пана или римского сатира.

Можно выделить следующие функции инвективы:

- 1) опосредованное действие: вместо того чтобы раскроить череп, человек произносит брань, переводя тем самым свою агрессию из области реального действия в идеальную область;
- 2) отсюда – психотерапевтическая функция: разрядка внутреннего напряжения (выругался – и полегчало);

- 3) вербальное принуждение другого или вызов ему;
- 4) инвективная речь изначально есть речь экспрессивная, то есть эмоционально заряженная, связана с аффективным состоянием, в котором и произносится; таким образом, посредством ее выражается личное отношение говорящего к ситуации;
- 5) инвектива указывает на антимир, следовательно, тот, к кому она обращена, символически выбрасывается за границы космоса (хула над Христом перед Его казнью, брань обвинителей на судебных процессах в СССР в 30-е годы).

В настоящее время в нашей культуре наблюдается движение инвективы как пограничного феномена к центру семиосферы. Употребление мата и брани стало повсеместным вне возрастных и социальных различий. А поскольку речь в целом есть зеркало общественной жизни, то все, что происходит в последней, не может не отражаться в этом зеркале. Вот некоторые факторы, вызвавшие эти изменения:

- 1) устранение сословных границ между стратами и перемешивание слоев «общественного пирога»: интеллигенция поставлена в положение изгоев, а бывшие маргиналы (со своим сленгом) оказались вверху социальной пирамиды как пример для подражания;
- 2) постоянное и неослабевающее воздействие стрессогенных факторов;
- 3) дезориентация в общественных идеалах и ценностях;
- 4) усиливающийся разрыв между чиновничьей олигархией и простым народом, то есть между «верхами» и «низами»;

- 5) превращение масс-медиа в цементирующую общество силу и законодателя общественных норм (а какая речь идет оттуда, мы все хорошо знаем);
- 6) превращение общества из геронтократического (носителя архетипа мудрого старца) в ориентированное на молодежь (в силу психической и физической мобильности последней). А, как известно, молодежь психологически, исторически и культурологически неустойчива, маргинальна, сверхподвижна, проявляет пограничные и запредельные качества (в том числе и языковые). Отсюда и ее речь, выступающая в форме сленга и ругани, начинает упрочиваться внутри семиосферы.

Глава 10

Особенности детской речи

Концепция универсальной грамматической структуры Хомского. Язык как саморазвивающаяся структура (на примере пиджин). Общая схема развития языка ребенка. Лингвистические игровые паттерны.

Перевертыши. Схема овладения новым словом.

Ритмичность. Черты и особенности детской речи.

Требования к детским стихам. Детская речь и фольклор.

Направления развития детской речи.

Хорошо известно, что «лицом к лицу лица не увидеть». Применительно к речи это означает, что субъект, полностью войдя в лингвистическое пространство родной речи, пользуется ею, не задумываясь о правилах, лежащих в ее основании. Однако другой язык мы начинаем изучать с определенных синтаксических и фонетических правил, поскольку изучаем его уже осознанно, сопоставляя его с нашим родным языком. И чем больше в лингвистических правилах исключений, тем труднее такой язык учится, поскольку каждое исключение надо запоминать отдельно. В аналогичном положении оказываются и дети — с той только разницей, что они усваивают родной язык на бессознательном уровне, не прилагая усилий сознания, которого еще нет. И особенности становления речи у детей (на примере русского языка) хорошо показывают, как осуществляется дискурсивное развитие субъекта.

В развитии речевой способности имеется сензитивный период (до 4–5-ти лет), во время которого ребенок усваивает синтаксис, основной словарный запас и значе-

ния слов так, что пользуется всем этим свободно и непринужденно. До этого возраста в психике ребенка производится огромная работа по усвоению им языковых норм и значений слов, начинающаяся с выделения им из хаотического потока звуков отдельных, устойчивых, повторяющихся звукокомплексов и соотнесения их с определенными предметами. Этот процесс, идущий спонтанно и самоорганизованно, заставляет говорить о врожденной предрасположенности психики ребенка к восприятию и продуктивному усвоению второй сигнальной системы.

Такую концепцию выдвинул в 50-е годы XX века американский лингвист Н. Хомский. Основная идея концепции заключается в том, что в основе любой языковой практики лежит исходная, универсальная грамматическая структура, которая обеспечивает построение порождающих грамматик уже конкретных языков. Эта гипотеза явилась ответом на бихевиористский и культурологический подходы, по-своему объясняющие становление речевой практики у субъекта. Бихевиористы рассматривали язык как набор выработанных реакций в их артикуляционной форме на поступающие в мозг раздражения (звукокомплексы других людей); соответственно, освоение языка сводилось к процессу научения (рефлекторного закрепления). Культурологический подход рассматривал язык как феномен исключительно культурный, обусловленный ролевой и предметной деятельностью субъектов.

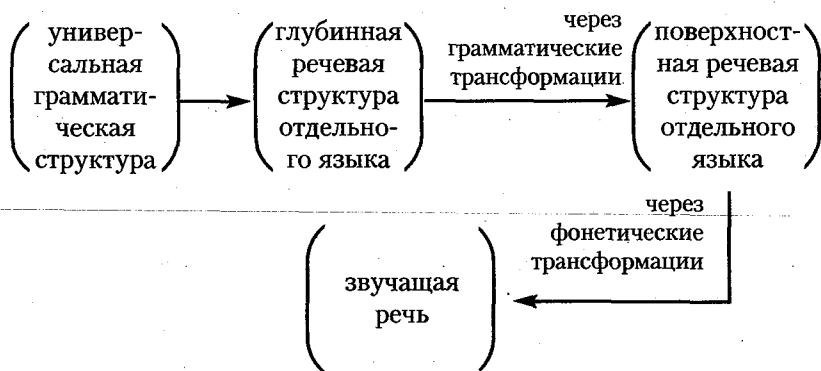
Основные возражения Хомского

1. Усвоение грамматики ребенком происходит на основе ограниченного доступного ему материала. То есть ребенок осваивает язык, не соприкасаясь с несколькими десятками тысяч слов родного языка, путем запоминания как их самих, так и их комбинаций.

2. Усвоив грамматику, субъект сам способен комбинировать слова в предложениях, создавая те комбинации, которые он мог и не слышать от других.

3. То же самое можно сказать и про отдельные слова, которые ребенок создает в период активного словотворчества, самостоятельно вычлняя отдельные части слов и комбинируя их по-новому.

Таким образом, Хомский положил в основу речевой практики набор грамматических правил, или программу, которая априорно уже содержится в психике человека. Эта программа получила название «универсальной грамматики» и представляет собой схему/структуру, общую для грамматик всех конкретных языков. Принципиальная схема ее проявления такова:

Данная программа достаточно быстро развивается, по мысли Хомского, именно потому, что воспринимаемые от окружающих речевые образцы служат не материалом для подражания и запоминания, а стимулом-подсказкой, запускающим развертывание этой программы. Сам характер, структура речи окружения ребенка инициирует тот или иной вид глубинной структуры, формируя стройную систему синтаксиса именно данного языка. Взрослые же

используют (неосознанно) имеющуюся у них глубинную структуру для создания новых слов, предложений и для восприятия таковых. Таким образом, в данной концепции заложена идея самоорганизации/саморазвития.

Идея языка как саморазвивающейся, априорно данной структуры находит свое подтверждение и при наблюдении за креольскими языками («пиджин»), образованными в результате общения между собой носителей различных языков. В этом случае образуется упрощенная (редуцированная) форма языка, включающая в себя короткие, из двух-трех слов, фразы и пантомимику. Такой язык отличается сильной контекстуальной зависимостью и отсутствием грамматических правил. Однако было обнаружено, что во втором поколении такой язык кардинально меняется: расширяется лексикон, удлиняются фразы, обнаруживается грамматический строй, — и это притом, что дети-носители такого языка были изолированы от носителей других языков.

На врожденную закономерность развития языка указывает и то, что у всех детей язык развивается по одним и тем же этапам. Первоначальный крик и плач переходит в гукание, гуление и лепет, что наблюдается и у глухих от рождения детей (2–6 мес.), затем — младенческий «разговор-пение» — многократное произношение отдельных звуков и звукокомплексов (8–10 мес.). В возрасте 9–12 месяцев появляются первые детские слова; до 1,5–2-х лет идет период скрытого накопления слов, затем — лингвистический «взрыв», сопровождающийся комбинированием слов. В 2,5 года появляется способность использовать времена и падежи, и с этого времени начинается детское словотворчество, длящееся до 4-х лет. После этого ребенок уже правильно употребляет грамматику родного языка со всеми ее исключениями из правил.

Наш замечательный детский писатель К. Чуковский, изучая детскую речь, выделил в ней ряд особенностей, имеющих место в процессе ее становления. Рефреном этого процесса выступает *идея языковой игры как игры грамматической структуры*, через которую только и происходит творческое/свободное овладение родным языком. По-видимому, если субъект в своем усвоении чужого языка не прошел стадии игры, то этот язык не сможет стать для него родным. И стадия такой синтаксической (комбинативной) игры осуществляется в тот же сензитивный период от 2 до 5 лет.

Вот неполный перечень применяемых ребенком игровых лингвистических паттернов.

1. **Создание неологизмов** (из любых частей речи), комбинируя части слова: *никовойная, огоньята* (искры), *спун, встато* (наречие), *мадоненок, духлая* (прил. от «духи»), *всехный, смеяние, красавиться, нырба, тормозило* (по аналогии: шьют – шило, моют – мыло), *почтаник* (печ-ник, сапож-ник), *брызгань, идёмить, всколькером, ещёкать, ещём* («иду за ищём» – сущ.), *притонуть и вытонуть, сольница, часикать, обсвечканная* (елка), *балалай* (глагол), *задверил* (руку), *отскорлупать* (яйцо), *намаракониться, защёкать* (карамель), *замолоточить* (гвоздь), *алёкать, отмухиваться, отсониться, оциплятилась* (курица), *углазиться, посолить и высолить, вытрудить, распонять, отпомнить, отпачкать, выкнуть* («вык, вык – и привык»), *перелай, пивнул, кривнулся...*

Здесь можно увидеть, как ребенок интуитивно понимает значения приставок:

- *от-* – отделить, обратное действие;
- *вы-* – выделить, направление изнутри наружу;
- *у-* – прошлое завершённое время;
- *о-* – прошлое завершённое время;
- *по-* – прошлое продолжённое время;

- *рас-* – направление вширь, в стороны;
- *при-* – около; сблизиться;
- *под-* – действие, совершенное около, рядом, вместе, со-действие;
- *об-* – действие, прошедшее полный цикл и завершенное;
- *за-* – пересечь черту;
- *в-* – направление вовнутрь;
- *про-* – сквозь;
- *пере-* – через.

2. **Употребление слов, более понятно отражающих указываемый предмет:** ползук (червяк), пальчатки, ~~мазелин~~, помаза, мокресс, тепломер, колоток, цепля, кусарик, вихрачер, паукина, дырявчик, вертилятор, улицционер, копатка, плюнка, лизык, одевало и обувало, рыжка...

3. **Буквализмы:** *распутница* (от «распутать»), *любовница* (та, которую любят), *кочегарка* (жена кочегара), *баранка* (жена барана), *гусеница* (жена гуся), *судак* (кого судят), *приказчик* (кто приказывает), *удобриться* (стать добрым), *подводница*, *лодырь*, *отпугивать* (расстегивать пуговицы), *наблюдение* (то, что на блюде), *финик*, *персик*, *беспомощный* (тот, кто справляется без помощи), шуточные взрослые варианты – деление пьяниц на застенчивых и выносливых, *секретарша*, *деревня*, *в-сад-ник*, *спец* (тот, кто спит), *консерватория*, *богадельня*, *на-супиться*, *отравиться*, *носок* (связан с носом), «*покричи у меня!*» (восприятие как команды), «*черный день*», «*повесить голову*», «*сколько тебе стукнуло?*», «*ударили морозы*», «*праздник пришел*», «*сидеть на шее*», «*уехал на месяц*», «*жить под Москвой*», «*палец каши просит*»...

4. **Разделение мужского и женского родов:** *пап*, *слуг*, *мужчин*, *пьяниц*...

5. **Образование слов через отделение приставок:** *лепо, ряха, дотепя, выкинуть, уключий, чаянно, навидеть, ожидаанный, вежа...*

6. **Смешивание значений:** «песнь заводит» — пользуется патефоном; «я болею» — «за кого?»; белый медведь — «буржуйский» медведь; «мировая война» — «как это война может быть мировой/классной?».

7. **Неологизмы по аналогии:** «гуси идут гуськом, а утки — *утком*».

8. **Образование прилагательных:** *взбесистый, дочкастая мама, жмутные туфли, червячее яблоко, песучий песок, зубовный врач, креслые ноги, сумасошлатый, заблудительный лес, лес однойнельзяходительный.*

9. **Соединение слов:** *бронемецкая машина, блистая* (блестящая + чистая), *поломыть, безумительно, жукашка, подхализа, паукан.* Такие слова называются словами-бумажниками. Они широко известны и во взрослом мире: *драмедия* (Чаплин), *хаосмос, смог* (дым + туман), *мартобрь* (Гоголь), много таких слов у Кэрролла.

10. **Разделение слов:** *та буретка, эта жерка.*

11. **Образование сравнительных степеней:** сам — *самее*, едва — *едвее*, нельзя — *нелъзее*, звезда — *звездее...*

12. **Определение одного частного понятия через другое:** «страус — это жираф, только птица», «индюк — это утка с бантиком», «мышкины птенчики» (о мышатах), «сопли — это когда в носу понос», «у Аленки на руках одни мизинчики», «у дяди голова босиком».

13. **Создание собственных антонимов:** погода сырая — вареная, вода стоячая — лежачая, подмышки — подкошки, сахар кусковой — песковой.

14. **Создание рифм** (в том числе с образованием неологизмов): начало — кончало, лёжа — сёжа, глухой — слухой, молодёжь — стародёжь, открытка — закрытка.

15. Создание слов, совершенно бессмысленных, но имеющих четкую синтаксическую структуру слов родного языка и увязанных общим ритмом: *муцики, пуцики, буцики // дуцики, люцики, бум // куцики вы каратуцики // руцики и марабу*. У Кэрролла: *Варкалось. Хливкие шорьки пырялись по наве // и хрюкотали зелюки как мумзики в мове*.

16. Игра в содержательные перевертыши: порождение текста, правильного синтаксически, с нарушенной семантикой. Суть этой игры – в отделении содержания от синтаксической структуры, или значения от знака. Это означает такой этап развития личности ребенка, для которого характерно:

- 1) свобода самовыражения,
- 2) потребность четко установить для себя границы родной семиосферы, нарушение которых порождает либо страх, а значит, и неприятие, отторжение (например, *табуированной речи*), либо смех как «общественное согласие на временное разрешение перейти границу»;
- 3) установление феномена *лжи* именно как ситуации, в которой значение может отделяться от знака;
- 4) соответственно, усвоение норм родного языка, а через это – норм общепринятого мышления и поведения (чтобы перевертыши стали игрой, ребенок уже должен знать норму).

Примеры: произведения К. Чуковского («а лисички взяли спички, море синее зажгли»), «ехала деревня мимо мужика», «охапка воды», «упал комар с дуба – аж земля затряслась» и т. д. В целом «переворачивается» любая тема: еда, одежда, времена года, функции предметов, действия людей и животных...

Ребенок овладевает незнакомым словом по следующей общей схеме:

- 1) выделяется либо первый, либо последний, либо самый сильный слог (например, *пу* или *пиф*);
- 2) затем к освоенному слогу прибавляется второй по экспрессивности (*пуга/пуца* или *капиф*);
- 3) затем поочередно присоединяются все менее выраженные (*пуговица* или *капиф* > *кооператив*).

Особенностью детской речи является ее *ритмичность*, которая проявляется уже в возрасте 8–9 месяцев. Ее основа – повторение одних и тех же звуков или фонем в период гуления и лепета. Первоначальные детские слова, которые используют и взрослые для общения с малышом, обычно являются двусложными с повтором слога: *ма-ма, па-па, ба-ба, би-би, ку-ку, бай-бай, бо-бо, дя-дя, ням-ням, ня-ня, и-го-го, тук-тук, там-там, ка-ка, ца-ца...* Значение такой речи в том, что так проще учиться говорить. От таких слов затем легче переходить к более развитой речи – опять-таки, через рифму (например, «*покочи ночи*»). К. Чуковский подметил, что в 70 % слов в такой речи ударение падает на второй слог от конца.

Особенностью рифмотворчества у детей является то, что *рифмованная речь выступает вербальной артикуляцией детской кинестетики*: «стихотворения детей в возрасте от 2 до 5 лет всегда возникают во время прыжков и подскакиваний», «рифмы легче создавать, в такт дергаясь телом, прыгая и махая руками». То есть такая речь:

- а) экспрессивна;
- б) ритмична;
- в) состоит из двустрочных рифмованных фраз;
- г) эти фразы постоянно повторяются.

И подлинно детские стихи для детей должны соблюдать именно такой ритм – ритм прыжков, считалок,

танца (Чуковский приводит в пример слова одной девочки о том, что «Бармалей» хорош тем, что его всего можно протанцевать). Таким образом, *если базой привычной осмысленной речи является ее грамматическая структура, то организующим фактором этой структуры выступает ритм.*

В связи со сказанным выделим следующие особенности детской речи.

1. Преобладающим способом организации ритмической речи выступает *хорей* (способ стихосложения с ударением на нечетных слогах): «дети всего мира прыгают и пляшут хореем» (Чуковский). Хорей – это ритм «баю-баюшки-баю», «ай-дуду-дуду-дуду // сидит ворон на дубу», «Вот мой деревня, // Вот мой дом родной...». Хорей в переводе с греческого и означает *танец*.

2. У ребенка до 4–5 лет имеет место ритмическая синестезия: он и поэт, и плясун, и сказитель; затем происходит дифференциация – речь, даже ритмическая, становится самостоятельным феноменом; семантические нарушения исчезают, речь становится конвенционально правильной и утрачивает свою прелесть детскости.

3. В речи ребенка помимо собственно названий предметов, местоимений и наречий, много глаголов и отглагольных существительных, местоимений, предлогов и очень мало прилагательных (3–4 %). Таким образом, ребенок воспринимает мир через действие, а не через его описание. Этот же подход практикуется и в дзэн.

Исходя из этого Чуковский сформулировал следующие требования к детским стихам:

- 1) каждая строфа должна быть законченной мыслью;
- 2) быстрая смена образов;
- 3) каждая строфа может быть выражена графически;
- 4) лиричность;

- 5) ритмичность;
- 6) распевность;
- 7) смежность рифм;
- 8) смысловое ударение должно падать на рифмованные слова;
- 9) как можно меньше использовать прилагательных;
- 10) преобладающий ритм – хорей;
- 11) стихи должны быть игровыми, танцевальными.

Поэты, чьи стихи вошли в классику детской литературы, – Пушкин («Сказка о царе Салтане»), Ершов («Конек-горбунок»), Чуковский, А. Барто, Квитко, Д. Хармс, Маяковский, Кэрролл, Михалков, Маршак – именно так и писали.

Заметим, что тот же Пушкин или Ершов не ставили своей целью создание именно детских стихов. Оба они создавали свои произведения в рамках, если можно так сказать, программы изучения фольклора, поскольку как таковой детской речью стали заниматься лишь в 60-е годы XX века (не только у нас, но и на Западе). И произведения вышеназванных поэтов потому и стали классикой детской литературы, что детская речь по своим характеристикам абсолютно соответствует характеристикам народной речи. По сути, все слова, изобретаемые детьми, не выходят за рамки языка их народа или группы родственных народов. Многие детские изобретения по-настоящему таковыми не являются, поскольку встречаются либо в старославянском языке⁴⁹, либо в диалектах русского языка, либо в смежных славянских языках – украинском, белорус-

⁴⁹ Пушкин использовал такие отглагольные существительные, как ворк, топ, шип, ор, хлоп, молвь – слова, которые встречаются и в былинах.

ском, чешском, болгарском⁵⁰... В этом плане наш привычный, современный литературный язык есть возведенный в норму один из диалектов русского языка – как глубинной речевой структуры, могущей быть трансформированной в любое число конкретных речевых поверхностных структур (диалектов и говоров).

Итак, детская речь развивается по следующим направлениям:

- 1) от слова-фразы к дифференцированной полноценной фразе;
- 2) от контекстуальной (понятной лишь в данной ситуации тем, кто в нее вовлечен) к абстрактной;
- 3) от 1–2-х слоговых слов к полноценным словам;
- 4) от употребления экикиков и неологизмов к семантически общепринятой;
- 5) от действенной к описательной и номинализационной;
- 6) от ритмической к прозаической.

⁵⁰ Плонка – слюна, заключать – запирать на ключ (болг.), тепломер, палчаны – перчатки (чеш.).

ПРИМЕРЫ ВОЗМОЖНОЙ КОРРЕЛЯЦИИ СЛОВ И ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ

1. Доминирование в речи глаголов:

- *прошедшего времени*: депрессии, регрессивные тенденции;
- *будущего времени* или *сослагательного наклонения*: чувство нереализованности, зависимости от внешних условий;
- *возвратной формы*: безынициативность, потеря субъектности;
- *настоящего времени*: зрелость, автономность;
- *повелительного наклонения*: потребность в доминировании, трудность самоконтроля, репрессивные и ауторепрессивные тенденции.

2. Использование других частей речи:

- *глаголы и местоимения 1-го лица*: могут выражать конформизм, тревожность, недоверие к личному опыту – либо доминирование чувства субъектности;
- *2-е лицо*: делегирование ответственности, манипулятивность, неспособность к отстранению, низкая рефлексия, приписывание вины другому;
- *3-е лицо*: то же самое;
- *много существительных*: фиксация на своем состоянии, ригидность, нет действий, застывшая ситуация (в НЛП переводят номинализации в глаголы), нарушение временной перспективы, низ-

кая ответственность, утрата чувства субъектности;

- много наречий: возведение частности в закон, самоотчуждение, ригидность; также – низкая способность к обобщению.

3. Семантические неточности:

- *применение существительных с неопределенно-широким содержанием* (любовь, понимание, страх) – за этим может стоять сопротивление, направленное на защиту симптома, то есть неподпускание собеседника к болевой зоне; один из способов устранения – конкретизация значения;
- *применение глаголов с неопределенно-широким содержанием* («я тебя люблю») – та же интерпретация;
- *обобщения* (все, никто, никогда): защита от психологической травмы;
- *применение сравнительной степени* (лучше – хуже, меньше – больше): недостаточная дифференцированность восприятия;
- *долженствования*: защита от психических травм через самоприказ; доминирование в личности клиента родительских директив, отсюда – невроз, неуверенность; ориентация на индивидуально-личностные законы.

Оглавление

Глава 1. Понятие психолингвистики, ее особенности и место среди других дисциплин	3
Глава 2. Некоторые базовые лингвистические понятия и концепции	9
Глава 3. Суггестивная природа языка	24
Глава 4. Миф как вторичная семиотическая система	37
Глава 5. Язык и смысл	64
Глава 6. Психолингвистические аспекты эриксоновской трансотерапии	83
Глава 7. НЛП как психолингвистическая практика	94
Глава 8. Психолингвистическое понимание субъекта	131
Глава 9. Редукция и инвектива	152
Глава 10. Особенности детской речи	162
Приложение. Примеры возможной корреляции слов и психических состояний ...	174

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

Издательство создано в 1995 году при Московском психолого-социальном институте. Институт готовит специалистов в области психологии, специальной психологии и социальной педагогики, логопедии, а также в области права и экономики, социально-культурного сервиса и туризма, лингвистики.

Авторами учебников и учебных пособий для высшей школы, издаваемых институтом, являются известные ученые и преподаватели, виднейшие специалисты в различных областях гуманитарных наук, научная и преподавательская деятельность которых широко известна не только в России и странах СНГ, но и далеко за их пределами.

Для обеспечения учебного процесса Московским психолого-социальным институтом издается в год более 200 наименований научной, учебной и учебно-методической литературы, разработанной на основе нового поколения государственных образовательных стандартов и грифованной Министерством образования и науки РФ и РИСО Российской академии образования. Учебная литература Московского психолого-социального института востребована студентами и преподавателями вузов. Издаваемая литература выходит в сериях «Библиотека педагога-практика», «Библиотека социального работника», «Библиотека социального педагога», «Библиотека школьного психолога», «Преподавание психологии в школе», «Библиотека психолога», «Библиотека логопеда», «Библиотека студента», «Библиотека юриста», «Библиотека экономиста», «Библиотека менеджера» и др. Завершено издание 70-ти томов уникальной серии «Психологи Отечества», не имеющей аналогов в мире. В 2004 году вышли в свет первые издания новой серии «Психологи России», в которой представлены работы ведущих психологов России XX века.

Ознакомиться с полным ассортиментом изданий и сделать заказ можно по адресу:

115191, г. Москва, 4-й Рощинский проезд, д. 9А.

E-mail: publish@col.ru или ippk@yandex.ru

Справки о наличии книг, контейнерная отправка заказов, заключение договоров на поставку литературы:

тел./факс: (095) 234-43-15 или тел. 958-19-00 (доб. 111).

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Государственное образовательное учреждение
ИНСТИТУТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ПОДГОТОВКИ И ПЕРЕПОДГОТОВКИ
НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
ОБРАЗОВАНИЯ**

Лицензия на право ведения
образовательной деятельности в сфере
профессионального образования
№ 24П-0248 от 12.07.2002 г.

Институт профессиональной подготовки и переподготовки научно-педагогических кадров Российской академии образования проводит прием слушателей на курсы профессиональной переподготовки и повышения квалификации по следующим направлениям:

Профессиональная переподготовка:

- Государственное и муниципальное управление
- Клиническая психология
- Логопедия
- Менеджмент организации
- Педагогика и психология
- Социальная педагогика
- Специальная психология
- Лингвистика и межкультурная коммуникация
- Педагогика
- Психология
- Социально-культурный сервис и туризм
- Финансы и кредит
- Юриспруденция

Повышение квалификации:

- Государственное и муниципальное управление
- Клиническая психология
- Лингвистика и межкультурная коммуникация
- Логопедия
- Менеджмент организации
- Педагогика
- Педагогика и психология
- Психология
- Социальная педагогика
- Социально-культурный сервис и туризм
- Специальная психология
- Финансы и кредит
- Юриспруденция

По окончании института выдаются документы государственного образца: Диплом о профессиональной переподготовке, Свидетельство о повышении квалификации, Удостоверение о краткосрочном повышении квалификации.

Адрес института:

115191 Москва, 4-й Рощинский проезд, дом 9а, комната 100.

Телефоны:

(095) 958-19-00 (доб. 136) или 954-31-62

МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ (НОУ МПСИ)

Лицензия на право образовательной деятельности Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки
Серия А № 161405 от 14.07.04. Регистрационный № 3332
Свидетельство о государственной аккредитации № 000692 от 29.07.02

Год основания МПСИ – 1995.

Обучение в Московском психолого-социальном институте даст вам **классическое высшее образование** по специальностям:

- Государственное и муниципальное управление
- Дошкольная педагогика и психология
- Информационные технологии (по областям)
- Логопедия
- Менеджмент организации
- Психология
- Социальная работа
- Социально-культурный сервис и туризм
- Теория и методика преподавания иностранных языков и культур
- Финансы и кредит
- Юриспруденция

Формы обучения – очная, очно-заочная (вечерняя), заочная (стандартная и группы выходного дня).

Второе высшее образование.

Сокращенные сроки обучения на базе среднего специального образования. Обучение в институте – платное.

Студентам очного отделения на время обучения предоставляется отсрочка от службы в Вооруженных силах РФ.

Студенты заочной формы обучения на время сдачи экзаменов обеспечиваются общежитием.

По окончании обучения выдается Государственный диплом.

Прием документов на заочное отделение ведется в течение всего года.

На базе 10–11 классов работают подготовительные курсы.

Аспирантура: обучение по специальностям: педагогика, психология, экономика и управление, юриспруденция. Обучение в аспирантуре – платное.

При МПСИ работает **диссертационный совет К 521.027.01** по защите кандидатских диссертаций по специальностям 19.00.01 – педагогическая психология; 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования.

Адрес института: 115191 Москва, 4-й Рошинский проезд, дом 9а.

Проезд: метро «Шаболовская», далее трам. 26 до ост. «3-я Рошинская улица».

Приемная комиссия: тел. (095) 232-10-70; 958-19-00 доб. 133.

Подготовительные курсы: тел. (095) 958-19-00 доб. 119.

Управление по работе с филиалами: тел. (095) 954-31-62.

Аспирантура: тел. (095) 958-19-00 доб. 129.

<http://www.mpsinst.ru>

E-mail: mpsi@col.ru

22736с.

22736с

И. В. Настин

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Технический редактор: Шафранская Е.
Компьютерная верстка
и дизайн: Гальчук М.

Издательство

Московского психолого-социального института
115191, г. Москва, 4-й Рощинский проезд, 9а
Тел.: (095) 234-4315, 958-1774, доб. 111, 117
E-mail: publish@col.ru

Отпечатано ООО «ИМПЭКС»

Формат 60x90 1/16

Бумага офсетная №1 65 г/м²

Усл. печ. л. 17,5

Тираж 5 000 экз.